

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> приятного чтения!

К. Маркс. К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ ПРЕДИСЛОВИЕ

Я рассматриваю систему буржуазной экономики в следующем порядке: капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, внешняя торговля, мировой рынок. Под первыми тремя рубриками я исследую экономические условия жизни трех больших классов, на которые распадается современное буржуазное общество; взаимная связь трех других рубрик очевидна. Первый отдел первой книги, трактующей о капитале, состоит из следующих глав: 1) товар, 2) деньги, или простое обращение, 3) капитал вообще. Первые две главы составляют содержание настоящего выпуска. Весь материал лежит предо мной в форме монографий, которые были написаны с большими перерывами в различные периоды не для печати, а для уяснения вопросов самому себе; последовательная обработка этих монографий по указанному плану будет зависеть от внешних обстоятельств.

Общее введение, которое я было набросал, я опускаю, так как по более основательном размышлении решил, что всякое предвосхищение выводов, которые еще только должны быть доказаны, может помешать, а читатель, который вообще захочет следовать за мной, должен решиться восходить от частного к общему. Однако некоторые замечания о ходе моих собственных политико-экономических занятий представляются мне здесь уместными.

Моим специальным предметом была юриспруденция, которую, однако, я изучал лишь как подчиненную дисциплину наряду с философией и историей. В 1842–1843гг мне как редактору “*Rheinische Zeitung*” пришлось впервые высказываться о так называемых материальных интересах, и это поставило меня в затруднительное положение. Обсуждение в рейнском ландтаге вопросов о краже леса и дроблении земельной собственности, официальная полемика, в которую г-н фон Шапер, тогдашний обер-президент Рейнской провинции, вступил с “*Rheinische Zeitung*” относительно положения мозельских крестьян, наконец, дебаты о свободе торговли и покровительственных пошлинах дали первые толчки моим занятиям экономическими вопросами. С другой стороны, в это время, когда благое желание “идти вперед” во много раз превышало знание предмета, в “*Rheinische Zeitung*” послышались отзвуки французского социализма и коммунизма со слабой философской окраской. Я высказался против этого дилетантства, но вместе с тем в полемике с аугсбургской “*Allgemeine Zeitung*” откровенно признался, что мои тогдашние знания не позволяли мне отважиться на какое-либо суждение о самом содержании французских направлений. Тем с большей охотой я воспользовался иллюзией руководителей “*Rheinische Zeitung*”, которые надеялись более умеренной позицией добиться отмены вынесенного ей смертного приговора, чтобы удалиться с общественной арены в учебную комнату.

Первая работа, которую я предпринял для разрешения обуревавших меня сомнений, был критический разбор гегелевской философии права; введение к этой работе появилось могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет “гражданским обществом”, и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии. Начатое мною в Париже изучение этой последней я продолжал в Брюсселе, куда я переселился вследствие приказа г-на Гизо о моей высылке из Парижа. Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества.

Фридрих Энгельс, с которым я со времени появления его гениальных набросков к критике экономических категорий (глии”); и когда весной 1845г он также поселился в Брюсселе, мы решили сообща разработать наши взгляды в противоположность идеологическим взглядам немецкой философии, в сущности свести счеты с нашей прежней философской совестью. Это намерение было осуществлено в форме критики послегегелевской философии. Рукопись – в объеме двух толстых томов в восьмую долю листа – давно уже прибыла на место издания в Вестфалию, когда нас известили, что изменившиеся обстоятельства делают ее напечатание невозможным. Мы тем охотнее предоставили рукопись грызущей критике мышей, что наша главная цель – уяснение дела самим себе – была достигнута. Из отдельных работ, в которых мы в то время с той или иной стороны изложили наши взгляды публике, я упомяну лишь написанный совместно Энгельсом и мной “Манифест Коммунистической партии” и опубликованную мной “Речь о свободе торговли”. Решающие пункты наших воззрений были впервые научно изложены, хотя только в полемической форме, в моей работе “Нищета философии”, выпущенной в 1847г и направленной против Прудона. Февральская революция и последовавшее в связи с ней насильственное удаление меня из Бельгии прервали печатание написанной на немецком языке работы о “Наемном труде”, в которой я собрал лекции, читанные мною в Немецком рабочем обществе в Брюсселе.

Издание “Neue Rheinische Zeitung” в 1848 и 1849гг и последовавшие затем события прервали мои экономические занятия, которые я смог возобновить только в 1850г в Лондоне. Огромный материал по истории политической экономии, собранный в Британском музее, то обстоятельство, что Лондон представляет собой удобный наблюдательный пункт для изучения буржуазного общества, наконец, новая стадия развития, в которую последнее, казалось, вступило с открытием калифорнийского и австралийского золота, – все это побудило меня приняться за изучение предмета с начала и критически переработать новый материал. Эти занятия приводили, отчасти сами собой, к вопросам на первый взгляд совершенно не относящимся к предмету, но на которых я должен был останавливаться более или менее продолжительное время. Но особенно сокращалось имевшееся в моем распоряжении время вследствие настоятельной необходимости работать ради хлеба насущного. Мое теперь уже восьмилетнее сотрудничество в “New-York Daily Tribune”, первой англо-американской газете (собственно газетные корреспонденции я пишу только в виде исключения), делало необходимым чрезвычайно частые перерывы в моих научных занятиях. Однако статьи о выдающихся экономических событиях в Англии и на континенте составляли настолько значительную часть моей работы для газеты, что я принужден был познакомиться с практическими деталями, лежащими за пределами

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
собственно науки политической экономии.

Эти заметки о ходе моих занятий в области политической экономии должны лишь показать, что мои взгляды, как бы о них ни судили и как бы мало они ни согласовались с эгоистическими предрассудками господствующих классов, составляют результат добросовестных и долголетних исследований. А у входа в науку, как и у входа в ад, должно быть выставлено требование:

“Qui si convien lasciare ogni sospetto;

Ogni vilt

Карл Маркс

Лондон, январь 1859г
КНИГА ПЕРВАЯ. О КАПИТАЛЕ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ. КАПИТАЛ ВООБЩЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ТОВАР

На первый взгляд буржуазное богатство выступает как огромное скопление товаров, а отдельный товар – как его элементарное бытие. Но каждый товар представляется с двух точек зрения: как потребительная стоимость и как меновая стоимость {Aristot. d. Rep. L. 1, C. 9 (edit. I. Bekkeri, Oxonii, 1837) [Аристотель. «Политика», кн. 1, гл. 9, стр. 13 (изд. И. Беккера, Оксфорд, 1837)]}. «Пользование каждым объектом владения бывает двоякое... в одном случае объектом пользуются для присущей ему цели назначения, в другом случае – для не присущей ему цели назначения; например, обувью пользуются и для того, чтобы надевать ее на ноги, и для того, чтобы менять ее на что-либо другое. И в том, и в другом случае обувь является объектом пользования: ведь и тот, кто обменивается обувью с тем, кто в ней нуждается, на деньги или на пищевые продукты, пользуется обувью как обувью, но не в присущем ей назначении, так как оно не заключается в том, чтобы служить предметом обмена. Так же обстоит дело и с другими объектами владения»}.

Товар есть прежде всего, по выражению английских экономистов, «какая-либо вещь, необходимая, полезная или приятная для жизни», предмет человеческих потребностей, жизненные средства в самом широком смысле слова. Это бытие товара как потребительной стоимости и его естественное осязаемое существование совпадают. Пшеница, например, есть особая потребительная стоимость, в отличие от потребительных стоимостей хлопка, стекла, бумаги и т. д. Потребительная стоимость имеет стоимость только для потребления и реализуется только в процессе потребления. Одна и та же потребительная стоимость может быть использована различным образом. Однако сумма всех возможных ее полезных применений заключена в ее бытии как вещи с определенными качествами. Далее, потребительная стоимость определена не только качественно, но и количественно. Соответственно своим естественным особенностям различные потребительные стоимости имеют различные меры: например, шеффель пшеницы, стопа бумаги, аршин холста и т. д.

Какова бы ни была общественная форма богатства, потребительные стоимости всегда образуют его содержание, вначале безразличное к этой форме. По вкусу пшеницы нельзя определить, кто ее возделал: русский крепостной, французский мелкий крестьянин или английский капиталист. Потребительная стоимость, хотя и является предметом общественных потребностей и потому включена в общественную связь, не выражает, однако, никакого общественного производственного отношения. Например, данный товар, как потребительная стоимость, есть алмаз. По алмазу нельзя узнать, что он товар. Там, где он служит как потребительная стоимость, эстетически или технически, на груди лоретки или в руке стекольщика, он является алмазом, а не товаром. Быть потребительной стоимостью представляется необходимым условием для товара, но быть товаром, это – назначение, безразличное для потребительной стоимости. Потребительная стоимость в этом безразличии к экономическому определению формы, т. е. потребительная стоимость как потребительная стоимость, находится вне круга вопросов, рассматриваемых политической экономией {Именно по этой причине немецкие компиляторы толкуют *con amore* [с любовью] о потребительной стоимости, называя ее «благом». См., например, L. Stein. «System der Staatswissenschaften», Bd. I, den Abschnitt von den «Gutern» [Л. Штейн. «Система политических наук», т. I, отдел о «благах»]. Сведения о «благах» следует искать

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org в «руководствах по товароведению». К области последней потребительная стоимость относится только лишь тогда, когда она сама выступает как определенность формы. Посредственно потребительная стоимость есть вещественная основа, в которой выражается определенное экономическое отношение, меновая стоимость.

Меновая стоимость выступает прежде всего как количественное отношение, в котором потребительные стоимости обмениваются одна на другую. В таком отношении они составляют одну и ту же меновую величину. Так, 1 тонна проперция и 8 унций нюхательного табака могут иметь одинаковую меновую стоимость, несмотря на разнородность потребительных стоимостей табака и элгии. Как меновая стоимость, одна потребительная стоимость стоит ровно столько, сколько и другая, если только они взяты в правильной пропорции. Меновая стоимость дворца может быть выражена в определенном количестве коробок сапожной ваксы. Наоборот, лондонские фабриканты сапожной ваксы выразили стоимость множества коробок своей ваксы в дворцах. Следовательно, товары совершенно независимо от формы своего естественного существования и от специфической природы тех потребностей, которые они удовлетворяют в качестве потребительных стоимостей, в определенных количествах равны друг другу, замещают друг друга при обмене, выступают как эквиваленты и таким образом, несмотря на свою пеструю внешность, представляют собой одно и то же единство.

Потребительные стоимости суть непосредственно жизненные средства. Но в свою очередь сами эти жизненные средства суть продукты общественной жизни, результат затраченной человеческой жизненной силы – овеществленный труд. Как материализация общественного труда, все товары суть кристаллизация одного и того же единства. Теперь необходимо рассмотреть определенный характер этого единства, т. е. труда, который представлен в меновой стоимости.

Допустим, что одна унция золота, одна тонна железа, один квартал пшеницы и двадцать аршин шелка суть равновеликие меновые стоимости. Как такие эквиваленты, в которых качественное различие их потребительных стоимостей стерто, они представляют одинаковое количество одного и того же труда. Труд, который в равной мере в них овеществлен, должен сам быть однородным, лишенным различий, простым трудом, которому так же безразлично, проявляется ли он в золоте, в железе, пшенице или шелке, как безразлично для кислорода, находится ли он в ржавчине железа, в воздухе, в соку винограда или в крови человека. Но добывать золото, добывать в руднике железо, возделывать пшеницу и ткать шелк суть качественно различные друг от друга виды труда. В самом деле, то, что вещно выступает как различие потребительных стоимостей, выступает в процессе как различие деятельности, создающей эти потребительные стоимости. Как безразличный к особенному веществу потребительных стоимостей, труд, создающий меновую стоимость, безразличен поэтому и к особенной форме самого труда. Далее, различные потребительные стоимости суть продукты деятельности различных индивидуумов, т. е. результат индивидуально различных видов труда. Но как меновые стоимости, они представляют собой одинаковый, лишенный различий труд, т. е. труд, в котором индивидуальность работающих стерта. Поэтому труд, создающий меновую стоимость, есть абстрактно-всеобщий труд.

Если одна унция золота, одна тонна железа, один квартал пшеницы и 20 аршин шелка суть равновеликие меновые стоимости, или эквиваленты, то одна унция золота, 1/2 тонны железа, 3 бушеля пшеницы и 5 аршин шелка суть меновые стоимости совершенно различной величины, и это количественное различие есть единственное различие, которое вообще свойственно им как меновым стоимостям. Как меновые стоимости различной величины, они представляют нечто большее или меньшее, большие или меньшие количества того простого, однородного, абстрактно-всеобщего труда, который образует субстанцию меновой стоимости. Спрашивается, как измерять эти количества? Или, вернее сказать, спрашивается, каково количественное бытие самого этого труда, ибо количественные различия товаров, как меновых стоимостей, суть лишь количественные различия овеществленного в них труда. Как количественное бытие движения есть время, точно так же количественное бытие труда есть рабочее время. Различие в продолжительности самого труда является единственным различием, свойственным ему, предполагая данным его качество. Как рабочее время, труд получает свой масштаб в естественных мерах времени, часах, днях, неделях и т. д. Рабочее время суть живое бытие труда, безразличное по отношению к его форме, содержанию, индивидуальности; оно является живым количественным бытием труда и в то же время имманентным мерилем этого бытия. Рабочее время, овеществленное в потребительных стоимостях товаров, составляет субстанцию, делающую их меновыми стоимостями и поэтому товарами, равно как

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
измеряет определенные величины их стоимостей. Соотносительные количества различных потребительных стоимостей, в которых овеществлено одинаковое рабочее время, суть эквиваленты, – или все потребительные стоимости суть эквиваленты в тех пропорциях, в каких они заключают одинаковые количества затраченного, овеществленного рабочего времени. Как меновые стоимости, все товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени.

Для понимания определения меновой стоимости рабочим временем необходимо придерживаться следующих основных положений: сведение труда к простому, так сказать, бескачественному труду; специфический способ, благодаря которому труд, создающий меновую стоимость, стало быть производящий товары, является общественным трудом; наконец, различие между трудом, поскольку он имеет своим результатом потребительные стоимости, и трудом, поскольку он имеет своим результатом меновые стоимости.

Чтобы измерять меновые стоимости товаров заключающимся в них рабочим временем, нужно свести различные виды труда к лишенному различий, однородному, простому труду, – короче, к труду, который качественно одинаков и различается поэтому лишь количественно.

Это сведение представляется абстракцией, однако, это такая абстракция, которая в общественном процессе производства происходит ежедневно. Сведение всех товаров к рабочему времени есть не большая, но в то же время и не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух. Труд, который измеряется таким образом временем, выступает в сущности не как труд различных субъектов, а напротив, различные работающие индивидуумы выступают как простые органы этого труда. Иначе говоря, труд, как он представлен в меновых стоимостях, мог бы быть назван всеобще-человеческим трудом. Эта абстракция всеобщего человеческого труда существует в среднем труде, который в состоянии выполнять каждый средний индивидуум данного общества, это – определенная производительная

затрата человеческих мышц, нервов, мозга и т. д. Это – простой труд {«Unskilled labour» [«необученный труд»] называют его английские экономисты}, которому может быть обучен каждый средний индивидуум и который он, в той или другой форме, должен выполнять. Самый характер этого среднего труда различен в разных странах и в разные эпохи культуры, однако он выступает как нечто данное в каждом существующем обществе. Простой труд составляет подавляющую часть общей массы труда в буржуазном обществе, как в этом можно убедиться из любой статистики. Производит ли А в продолжение 6 часов железо и в продолжение 6 часов холст, и производит ли В точно так же в течение 6 часов железо и в течение 6 часов холст, или же А производит в течение 12 часов железо, а В в продолжение 12 часов холст, – очевидно, что это лишь различное употребление одного и того же рабочего времени. Но как быть с сложным трудом, который возвышается над средним уровнем как труд более высокой напряженности, большего удельного веса? Труд этого рода сводится к сложенному простому труду, простому труду, возведенному в степень, так что, например, один день сложного труда равен трем дням простого труда. Здесь еще не место рассматривать законы, управляющие этим сведением. Но что такое сведение происходит – очевидно, ибо в качестве меновой стоимости продукт самого сложного труда является в определенной пропорции эквивалентом продукта простого среднего труда и, следовательно, приравнивается к определенному количеству этого простого труда.

Определение меновой стоимости рабочим временем предполагает далее, что в определенном товаре, например в тонне железа, овеществлено одинаковое количество труда, независимо от того, есть ли это труд А или В, или что различные индивидуумы употребляют равное количество рабочего времени для производства одной и той же количественно и качественно определенной потребительной стоимости. Другими словами, предполагается, что рабочее время, содержащееся в каком-нибудь товаре, есть время, необходимое для его производства, т. е. рабочее время, нужное для того, чтобы произвести новый экземпляр того же самого товара при данных общих условиях производства.

Условия труда, создающего меновую стоимость, как они вытекают из анализа меновой стоимости, суть общественные определения труда или определения общественного труда, но общественного не вообще, а особого рода. Это специфический вид общественности. Прежде всего, лишенная различий простота труда есть равенство труда различных индивидуумов, взаимное отношение их труда как равного, и именно вследствие фактического сведения всех видов труда к однородному труду. Труд

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
каждого индивидуума обладает этим общественным характером равенства постольку, поскольку он представлен в меновых стоимостях, а в меновых стоимостях он представлен лишь постольку, поскольку он относится к труду всех других индивидуумов как к равному.

Далее, в меновой стоимости рабочее время отдельного индивидуума выступает непосредственно как всеобщее рабочее время, и этот всеобщий характер обособленного труда – как его общественный характер. Рабочее время, представленное в меновой стоимости, есть рабочее время отдельного лица, но отдельного лица без всякого отличия от другого отдельного лица; это – рабочее время всех отдельных лиц, поскольку они исполняют равный труд; поэтому рабочее время, требующееся кому-либо одному для производства определенного товара, есть необходимое рабочее время, которое затратил бы для производства того же самого товара всякий другой. Это – рабочее время отдельного лица, его рабочее время, но только как общее всем рабочее время, для которого поэтому безразлично, рабочим временем какого именно лица оно является. Как всеобщее рабочее время оно выражается во всеобщем продукте, всеобщем эквиваленте, в определенном количестве овеществленного рабочего времени; для этого определенного количества овеществленного рабочего времени безразлична та определенная форма потребительной стоимости, в которой оно выступает непосредственно как продукт отдельного лица, и произвольно оно может быть превращено в любую другую форму потребительной стоимости, в которой оно представляется как продукт любого другого лица. Общественную величину оно представляет собой лишь как такая всеобщая величина. Труд отдельного человека, чтобы иметь своим результатом меновую стоимость, должен иметь своим результатом всеобщий эквивалент, т. е. должен выразить рабочее время отдельного человека в качестве всеобщего рабочего времени или выразить всеобщее рабочее время в качестве рабочего времени отдельного лица. Дело обстоит так, как если бы различные индивидуумы соединили свое рабочее время в одну массу и представили различные количества находящегося в их общем распоряжении рабочего времени в различных потребительных стоимостях. Рабочее время отдельного человека есть, таким образом, в сущности рабочее время, которое требуется обществу для производства определенной потребительной стоимости, т. е. для удовлетворения определенной потребности. Однако здесь речь идет лишь о специфической форме, в которой труд приобретает общественный характер. Определенное рабочее время прядильщика овеществляется, например, в 100 фунтах льняной пряжи. Допустим, что 100 аршин холста, продукт ткача, представляют то же самое количество рабочего времени. Поскольку эти оба продукта представляют одинаковое количество всеобщего рабочего времени и суть поэтому эквиваленты для всякой потребительной стоимости, которая содержит столько же рабочего времени, они суть эквиваленты друг для друга. Только потому, что рабочее время прядильщика и рабочее время ткача выступают как всеобщее рабочее время, их продукты выступают как всеобщие эквиваленты; труд ткача становится здесь трудом для прядильщика и труд прядильщика – для ткача, труд одного становится трудом для другого, т. е. их труд приобретает общественное бытие для них обоих. Напротив, в деревенски-патриархальном производстве, когда прядильщик и ткач обитали под одной крышей, когда женская часть семьи пряла, а мужская ткала, скажем, для потребностей собственной семьи, – пряжа и холст были общественными продуктами, прядение и ткачество были общественным трудом в пределах семьи. Их общественный характер состоял, однако, не в том, что пряжа как всеобщий эквивалент обменивалась на холст как всеобщий эквивалент, или что оба обменивались друг на друга как равнозначные и равноценные выражения одного и того же всеобщего рабочего времени. Напротив, семейная связь с ее естественно развившимся разделением труда накладывала на продукт труда свою своеобразную общественную печать. Или возьмем барщину или оброк средних веков. Определенный труд отдельного лица в его натуральной форме, особенность, а не всеобщность труда образует здесь общественную связь. Или возьмем, наконец, общинный труд в его первобытной форме, как мы находим его на пороге истории всех культурных народов {В последнее время распространился смехотворный предрассудок, будто форма первобытной общинной собственности есть специфически славянская или даже исключительно русская форма. Она – первобытная форма, которую мы можем проследить у римлян, германцев, кельтов; целый ряд ее разнообразных образцов, хотя отчасти уже в разрушенном виде, до сих пор еще встречается у индийцев. Более тщательное изучение азиатских, особенно индийских, форм общинной собственности показало бы, как из различных форм первобытной общинной собственности вытекают различные формы ее разложения. Так, например, различные, оригинальные типы римской и германской частной собственности могут быть выведены из различных форм индийской общинной собственности}. Здесь общественный характер труда явно опосредствован не тем, что труд отдельного лица принимает абстрактную

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
форму всеобщности, или, что его продукт принимает форму всеобщего эквивалента. Община [Gemeinwesen], являющаяся предпосылкой производства, не позволяет труду отдельного лица быть частным трудом и продукту его быть частным продуктом; напротив, она обуславливает то, что труд отдельного лица выступает непосредственно как функция члена общественного организма. Труд, который представлен в меновой стоимости, предполагается как труд обособленного отдельного лица. Общественным он становится благодаря тому, что принимает форму своей прямой противоположности, форму абстрактной всеобщности.

Наконец, труд, создающий меновую стоимость, характеризуется тем, что общественное отношение людей представляется, так сказать, превратно, а именно как общественное отношение вещей. Лишь поскольку одна потребительная стоимость относится к другой как меновая стоимость, постольку труд различных лиц взаимно относится как равный и всеобщий. Если поэтому справедливо положение, что меновая стоимость есть отношение между лицами {«Богатство есть отношение между двумя лицами»: (Galvani. «Della Moneta», p. 221 в III томе издания Кустоди «Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna». Milano, 1803 [Галиани. «О деньгах», стр. 221 в III томе издания Кустоди «Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты». Милан, 1803])}, то к этому, однако, следует добавить: отношение, скрытое под вещной оболочкой. Подобно тому, как фунт железа и фунт золота, несмотря на их различные физические и химические свойства, представляют один и тот же вес, точно так же потребительные стоимости двух товаров, содержащих одинаковое рабочее время, представляют одну и ту же меновую стоимость. Таким образом, меновая стоимость выступает как общественная определенность потребительных стоимостей, как определенность, по природе присущая им как вещам, и благодаря которой они в процессе обмена точно так же замещают друг друга в определенных количественных отношениях и составляют эквиваленты, как простые химические вещества, соединяясь в определенных количественных отношениях, составляют химические эквиваленты. Только благодаря привычке повседневной жизни кажется обычным и само собой разумеющимся, что общественное производственное отношение принимает форму вещи, так что отношение лиц в их труде представляется, наоборот, как отношение, в котором вещи находятся друг к другу и к людям. В товаре эта мистификация еще очень проста. Все более или менее сознают, что отношение товаров, как меновых стоимостей, есть, наоборот, отношение лиц в их производственной деятельности друг для друга. В более высоких производственных отношениях эта видимость простоты исчезает. Все иллюзии монетарной системы произошли оттого, что не видели, что деньги представляют общественное производственное отношение, но в форме естественной вещи с определенными свойствами. У современных экономистов, которые высокомерно посмеиваются над иллюзиями монетарной системы, обнаруживается та же иллюзия, как только они обращаются к более высоким экономическим категориям, например к капиталу. Эта иллюзия прорывается у них в виде наивного изумления, когда то, что они грубо только что определили как вещь, вдруг выступает пред ними в качестве общественного отношения, а затем то, что они едва успели зафиксировать как общественное отношение, вновь дразнит их как вещь.

Так как меновая стоимость товаров в действительности есть не что иное, как взаимное отношение труда отдельных лиц в качестве равного и всеобщего, не что иное, как предметное выражение специфически общественной формы труда, то тавтологией является утверждение, что труд есть единственный источник меновой стоимости, а потому и богатства, поскольку оно состоит из меновых стоимостей. Такой же тавтологией является утверждение, что вещество природы, как р. 57. [Мак-Куллох. «Рассуждение о происхождении политической экономии и т. д.», перевод Прево. Женева, 1825, стр. 57]. Из этого видно, насколько даже какой-то Мак-Куллох стоит выше фетишизма немецких «мыслителей», которые «вещество» и еще полдюжины других субстанций объявляют элементами стоимости. Ср., например, Л. Штейн, цитированное произведение, т. I, стр. 170}, так как оно не содержит труда и что меновая стоимость, как таковая, не содержит вещества природы. Однако, когда Уильям Петти называет «труд отцом богатства, а землю его матерью», или когда епископ Беркли спрашивает: «Разве четыре элемента и прилагаемый к ним человеческий труд не составляют истинного источника богатства?» {Berkeley. «The Querist», London, 1750 [Беркли. «Вопрошатель». Лондон, 1750]: «whether the four elements and man's labour therein be not the true source of wealth?»}, или когда американец Т. Купер популярно объясняет: «Отними у ковриги хлеба затраченный на нее труд – труд пекаря, мельника, земледельца и т. д., что тогда останется? Несколько колосьев травы, дико растущих и непригодных для какого бы то ни было человеческого потребления» {Th.

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
Cooper. «Lectures on the elements of Political Economy». London, 1831 (Columbia, 1826), p. 99 [Т. Купер. «Лекции об основах политической экономии». Лондон, 1831 (Колумбия, 1826), стр. 99}],
во всех этих рассуждениях речь идет не об абстрактном труде, как источнике меновой стоимости, но о труде конкретном, как источнике вещественного богатства, короче – о труде, поскольку он производит потребительные стоимости. Поскольку предполагается потребительная стоимость товара, постольку предполагается особая полезность, определенная целесообразность затраченного на него труда; этим, однако, с точки зрения товара, исчерпывается вместе с тем всякий интерес к труду как к полезному труду. В хлебе, как потребительной стоимости, нас интересуют его свойства как продукта питания, но совсем не труд земледельца, мельника, пекаря и т. д. Если бы благодаря какому-нибудь изобретению этот труд сократился на 19/20, то коврига хлеба приносила бы ту же самую пользу, что и раньше. Если бы коврига падала готовой с неба, то она не утратила бы ни одного атома своей потребительной стоимости. В то время как труд, создающий меновую стоимость, осуществляется в равенстве товаров как всеобщих эквивалентов, – труд как целесообразная производительная деятельность осуществляется в бесконечном разнообразии их потребительных стоимостей. В то время как труд, создающий меновую стоимость, есть труд абстрактно-всеобщий и равный, труд, создающий потребительную стоимость, есть труд конкретный и особенный, труд, который сообразно форме и материалу подразделяется на бесконечно различные виды труда.

Относительно труда, поскольку он производит потребительные стоимости, ошибочно утверждать, что он есть единственный источник произведенного им, а именно – вещественного богатства. Так как этот труд есть деятельность, направленная на освоение вещественных элементов для той или иной цели, то он нуждается в веществе как предпосылке. В различных потребительных стоимостях пропорция между трудом и веществом природы очень различна, но потребительная стоимость всегда содержит какой-либо природный субстрат. Как целесообразная деятельность, направленная на освоение элементов природы в той или иной форме, труд составляет естественное условие человеческого существования, условие обмена веществ между человеком и природой, независимое от каких бы то ни было социальных форм. Напротив, труд, создающий меновую стоимость, есть специфически общественная форма труда. Например, труд портного в своей вещественной определенности, как особая производительная деятельность, производит платье, а не его меновую стоимость. Последнюю он производит не как труд портного, но как абстрактно-всеобщий труд, а этот труд принадлежит к такой общественной связи, которую портной не создавал. Так, например, в античной домашней промышленности женщины производили платье, не производя его меновой стоимости. Труд, как источник вещественного богатства, был так же хорошо известен законодателю Моисею, как и таможенному чиновнику Адаму Смиту {Ф. Лист, который никогда не мог понять – понимание вообще было чуждо его эгоистически-практическому рассудку – разницы между трудом, поскольку он служит созданию полезного, потребительной стоимости, и трудом, поскольку он производит определенную общественную форму богатства, меновую стоимость, усмотрел поэтому в современных английских экономистах простых плагиаторов Моисея из Египта}.

Рассмотрим теперь некоторые ближайшие определения, вытекающие из сведения меновой стоимости к рабочему времени.

В качестве потребительной стоимости товар действует как причина [ursächlich]. Пшеница, например, действует в качестве продукта питания. Машина замещает труд в определенных пропорциях. Это действие товара, благодаря которому он есть только потребительная стоимость, предмет потребления, можно назвать его услугой, которую он оказывает как потребительная стоимость. Но как меновая стоимость товар всегда рассматривается только с точки зрения результата. Здесь речь идет не об услуге, которую он оказывает, но об услуге {Понятно, какую «услугу» должна оказывать категория «услуги» («service») такого рода экономистам, как Ж. Б. Сэй и Ф. Бастиа, резонирующая мудрость которых, как уже правильно заметил Мальтус, везде абстрагируется от специфической определенности формы экономических отношений}, которая была оказана ему самому в процессе его производства. Следовательно, меновая стоимость, например машины, определяется не количеством рабочего времени, которое она замещает, а количеством рабочего времени, которое затрачено на нее самое и которое поэтому требуется, чтобы произвести новую машину такого же рода.

Поэтому, если бы количество труда, необходимое для производства товаров, оставалось постоянным, то их меновая стоимость была бы неизменна. Но легкость

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
или трудность производства постоянно изменяются. Если производительная сила труда возрастает, то он производит ту же самую потребительную стоимость в более короткое время. Если производительная сила труда падает, то требуется больше времени для производства той же самой потребительной стоимости. Поэтому количество рабочего времени, заключенного в каком-либо товаре, следовательно, его меновая стоимость, есть величина переменная: она растет или падает в обратном отношении к росту или падению производительной силы труда. Производительная сила труда, которая в обрабатывающей промышленности применяется в наперед определяемой степени, в земледелии и добывающей промышленности зависит также от не контролируемых человеком естественных условий. Одним и тем же трудом можно добыть больше или меньше различных металлов в зависимости от сравнительно более редких или более частых залежей этих металлов в земной коре. Один и тот же труд может овеществиться в урожайный год в двух бушелях пшеницы, а в неурожайный год, возможно, только в одном бушеле пшеницы. Здесь кажется, будто редкость или обилие, как естественные условия, определяют меновую стоимость, потому что они определяют производительную силу особого реального труда, связанную с естественными условиями.

Различные потребительные стоимости заключают в неравных объемах одинаковое рабочее время или одинаковую меновую стоимость. Чем в меньшем объеме своей потребительной стоимости, по сравнению с другими потребительными стоимостями, товар содержит определенное количество рабочего времени, тем больше его специфическая меновая стоимость. Если мы находим, что в различные, отдаленные друг от друга эпохи культуры известные потребительные стоимости составляют ряд специфических меновых стоимостей, которые друг к другу сохраняют, если не точно то же самое числовое соотношение, то все же общее соотношение восходящего или нисходящего порядка, как, например, золото, серебро, медь, железо или пшеница, рожь, ячмень, овес, – то из этого только следует, что прогрессивное развитие общественных производительных сил равномерно или приблизительно равномерно воздействовало на рабочее время, необходимое для производства этих различных товаров.

Меновая стоимость какого-либо товара не проявляется в его собственной потребительной стоимости. Однако как овеществление всеобщего общественного рабочего времени потребительная стоимость одного товара поставлена в известные отношения к потребительным стоимостям других товаров. Меновая стоимость одного товара проявляется, таким образом, в потребительных стоимостях других товаров. Эквивалент есть в сущности меновая стоимость одного товара, выраженная в потребительной стоимости какого-нибудь другого товара. Если я говорю, например: 1 аршин холста стоит 2 фунта кофе, то меновая стоимость холста выражена в потребительной стоимости кофе, и притом в определенном количестве этой потребительной стоимости. Если дана эта пропорция, я могу стоимость любого количества холста выразить в кофе. Ясно, что меновая стоимость одного товара, например, холста, не исчерпывается той пропорцией, в которой другой особый товар, например кофе, составляет его эквивалент. Количество всеобщего рабочего времени, которое представлено в одном аршине холста, реализуется одновременно в бесконечно различных количествах потребительных стоимостей всех других товаров. Потребительная стоимость каждого другого товара, в той пропорции, в какой она представляет равновеликое рабочее время, составляет эквивалент аршина холста. Меновая стоимость этого отдельного товара выражается поэтому исчерпывающим образом только в бесконечном множестве уравнений, в которых потребительные стоимости всех других товаров составляют его эквивалент. Только в сумме этих уравнений или в совокупности различных пропорций, в которых один товар обменивается на каждый другой товар, этот товар находит исчерпывающее выражение как всеобщий эквивалент. Например, ряд уравнений:

1 аршин холста = 1/2 фунта чая,

1 аршин холста = 2 фунтам кофе,

1 аршин холста = 8 фунтам хлеба,

1 аршин холста = 6 аршинам ситца

может быть представлен следующим образом:

1 аршин холста = 1/8 фунта чая + 1/2 фунта кофе + 2 фунта хлеба + 1/2 аршина ситца.

Поэтому, если бы мы имели перед собой всю сумму уравнений, в которых исчерпывающе выражается стоимость одного аршина холста, мы могли бы представить его меновую стоимость в форме ряда. Этот ряд в действительности бесконечен, так как круг товаров никогда окончательно не замыкается, а постоянно расширяется. Но если, таким образом, один товар измеряет свою меновую стоимость потребительными стоимостями всех других товаров, то, наоборот, меновые стоимости всех других товаров измеряются потребительной стоимостью этого, измеряющегося в них, товара {«Еще одно свойство меры заключается в таком отношении с измеряемыми вещами, что измеряемая вещь некоторым образом становится мерой измеряющей вещи». Montanari. «Della Moneta», p. 41 в издании Кустоди, vol. III. Parte antica. [Монтанари. «О деньгах», стр. 41 в издании Кустоди, том III. Экономисты старого времени]}. Если меновая стоимость одного аршина холста выражается в 1/2 фунта чая, или 2 фунтах кофе, или 6 аршинах ситца, или 8 фунтах хлеба и т. д., то отсюда следует, что кофе, чай, ситец, хлеб и т. д. в тех пропорциях, в которых они равны третьей величине, холсту, равны между собой, и, стало быть, холст служит общей мерой их меновых стоимостей. Каждый товар, как овеществленное всеобщее рабочее время, т. е. как определенное количество всеобщего рабочего времени, выражает свою меновую стоимость последовательно в определенных количествах потребительных стоимостей всех других товаров, и, наоборот, меновые стоимости всех других товаров измеряются потребительной стоимостью этого одного исключительного товара. Но, как меновая стоимость, каждый товар одновременно является как исключительным товаром, который служит общей мерой меновых стоимостей всех других товаров, так и лишь одним из многих товаров, в совокупном кругу которых каждый другой товар непосредственно представляет свою меновую стоимость.

Величина стоимости какого-либо товара не зависит от того, мало или много товаров другого рода существует кроме него. Однако от большего или меньшего многообразия других товаров зависит больший или меньший ряд уравнений, в котором реализуется его меновая стоимость. Ряд уравнений, в котором представляется, например, стоимость кофе, выражает сферу его обменяемости, границы, в которых кофе функционирует как меновая стоимость. Меновой стоимости товара, как овеществлению всеобщего общественного рабочего времени, соответствует выражение его эквивалентности в бесконечно разнообразных потребительных стоимостях.

Мы видели, что меновая стоимость товара изменяется вместе с количеством непосредственно заключенного в нем самом рабочего времени. Реализованная, т. е. выраженная в потребительных стоимостях других товаров, его меновая стоимость должна зависеть также от отношения, в котором изменяется рабочее время, затрачиваемое на производство всех других товаров. Если бы, например, рабочее время, необходимое для производства одного шэффеля пшеницы, осталось прежним, в то время как рабочее время, необходимое для производства всех других товаров, удвоилось, то меновая стоимость шэффеля пшеницы, выраженная в его эквивалентах, снизилась бы наполовину. Результат был бы практически тот же самый, как если бы необходимое для производства шэффеля пшеницы рабочее время сократилось наполовину, а рабочее время, необходимое для производства всех других товаров, осталось неизменным. Стоимость товаров определяется пропорцией, в которой они могут быть произведены в течение одинакового рабочего времени. Чтобы видеть, каким возможным переменам подвержена эта пропорция, представим себе два товара – А и В. Первый случай. Пусть рабочее время, необходимое для производства В, остается неизменным. В этом случае меновая стоимость А, выраженная в В, понижается или повышается прямо пропорционально уменьшению или увеличению рабочего времени, необходимого для производства А. Второй случай. Пусть рабочее время, необходимое для производства А, останется неизменным. Меновая стоимость А, выраженная в В, понижается или повышается обратно пропорционально уменьшению или увеличению необходимого для производства В рабочего времени. Третий случай: рабочее время, необходимое для производства А и В, уменьшается или увеличивается в одинаковой пропорции. В этом случае выражение эквивалентности товара А в товаре В остается неизменным. Если бы вследствие какого-нибудь обстоятельства производительная сила всех видов труда уменьшилась в одинаковой степени, так что для производства всех товаров требовалось бы в равной пропорции больше рабочего времени, то стоимость всех товаров возросла бы, реальное выражение их меновой стоимости осталось бы неизменным, а действительное богатство общества уменьшилось бы, так как ему потребовалось бы больше рабочего времени для производства той же самой массы потребительных стоимостей. Четвертый случай: рабочее время, необходимое для производства А и В, увеличивается или уменьшается для обоих, но не в одинаковой степени, или же рабочее время, необходимое для производства А, увеличивается, между тем как рабочее время, необходимое для

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
производства В, уменьшается, или наоборот. Все эти случаи могут быть сведены просто к тому, что рабочее время, необходимое для производства одного товара, остается неизменным, в то время как рабочее время, необходимое для производства других товаров, увеличивается или уменьшается.

Меновая стоимость всякого товара выражается в потребительной стоимости любого другого товара, будь то в целых единицах или в дробных частях этой потребительной стоимости. Как меновая стоимость, каждый товар так же делим, как и рабочее время, овеществленное в нем. Эквивалентность товаров настолько же не зависит от их физической делимости как потребительных стоимостей, насколько для сложения меновых стоимостей товаров безразлично, какой реальной смене форм подвергаются потребительные стоимости этих товаров при превращении их в один новый товар.

До сих пор товар рассматривался с двоякой точки зрения, как потребительная стоимость и как меновая стоимость, всякий раз односторонне. Однако товар как таковой представляет собой непосредственное единство потребительной стоимости и меновой стоимости; вместе с тем, он есть товар только в отношении к другим товарам. Действительное отношение товаров друг к другу есть процесс их обмена. Это – общественный процесс, в который вступают независимые друг от друга индивидуумы, но они вступают в него только как товаровладельцы; их взаимное существование друг для друга есть существование их товаров, и, таким образом, они выступают в сущности лишь как сознательные носители процесса обмена.

Товар есть потребительная стоимость: пшеница, холст, алмаз, машина и т. д.; но как товар он вместе с тем есть не потребительная стоимость. Если бы он был потребительной стоимостью для своего владельца, т. е. непосредственно средством для удовлетворения его собственных потребностей, то он не был бы товаром. Для владельца он, скорее, не потребительная стоимость, а именно только вещественный носитель меновой стоимости или простое средство обмена; как активный носитель меновой стоимости потребительная стоимость становится средством обмена. Для своего владельца товар есть потребительная стоимость только лишь в качестве меновой стоимости {Именно в этой определенности Аристотель понимает меновую стоимость (см. место, цитированное в начале этой главы)}. Потребительной стоимостью поэтому он должен еще только стать, прежде всего для других. Так как товар не есть потребительная стоимость для его собственного владельца, то он есть потребительная стоимость для владельцев других товаров. Если этого нет, то труд его владельца был трудом бесполезным, и, стало быть, результат его – не товар. С другой стороны, товар должен сделаться потребительной стоимостью для самого его владельца, потому что жизненные средства данного владельца существуют вне этого товара, в потребительных стоимостях чужих товаров. Чтобы стать потребительной стоимостью товар должен противостоять определенной потребности, предметом удовлетворения которой он является. Следовательно, потребительные стоимости товаров становятся потребительными стоимостями, когда они всесторонне меняются местами, переходя из рук, в которых они суть средства обмена, в руки, в которых они суть предметы потребления. Только посредством такого всестороннего отчуждения товаров заключенный в них труд становится полезным трудом. В этом, имеющем характер процесса, отношении товаров друг к другу как потребительных стоимостей они не получают никакой новой экономической определенности формы. Напротив, исчезает и та определенность формы, которая характеризовала их как товары. Например, хлеб, при переходе из рук пекаря в руки потребителя, не изменяет своего бытия как хлеб. Наоборот, только потребитель относится к нему как к потребительной стоимости, как к определенному продукту питания, между тем как в руках пекаря он был носителем экономического отношения, чувственно-сверхчувственной вещью. Единственная перемена формы, которой подвергаются товары в процессе своего становления потребительными стоимостями, есть, следовательно, уничтожение их формального бытия, в котором они были непотребительными стоимостями для своего владельца и потребительными стоимостями для своего невладеящего. Чтобы стать потребительными стоимостями, товары должны всесторонне отчуждаться, вступать в процесс обмена, но их бытие для обмена есть их бытие в качестве меновых стоимостей. Поэтому, чтобы реализоваться как потребительные стоимости, они должны реализоваться как меновые стоимости.

Если отдельный товар с точки зрения потребительной стоимости первоначально выступал как самостоятельная вещь, то, наоборот, как меновая стоимость он с самого начала рассматривался в отношении ко всем другим товарам. Но это отношение было только теоретическим, мысленным. Действительным оно становится лишь в процессе обмена. Правда, с другой стороны, товар есть меновая стоимость,

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
поскольку на него затрачено определенное количество рабочего времени, поскольку, следовательно, он есть овеществленное рабочее время. Но в своем непосредственном виде товар есть лишь овеществленное индивидуальное рабочее время особенного содержания, а не всеобщее рабочее время. Он поэтому не есть непосредственно меновая стоимость, а должен еще только стать таковой. Прежде всего, он может быть овеществлением всеобщего рабочего времени лишь поскольку он представляет рабочее время в определенном полезном применении, т. е. в какой-нибудь потребительной стоимости. Это – материальное условие, лишь только при котором заключенное в товарах рабочее время признается в качестве всеобщего, общественного. Таким образом, если товар может стать потребительной стоимостью лишь благодаря тому, что он реализуется в качестве меновой стоимости, то, с другой стороны, он может реализоваться как меновая стоимость лишь благодаря тому, что он в своем отчуждении выявляет себя в качестве потребительной стоимости. Товар как потребительная стоимость может быть отчужден только тому, для кого он является потребительной стоимостью, т. е. предметом особой потребности. С другой стороны, он отчуждается только за другой товар, или, если мы станем на точку зрения владельца этого другого товара, то увидим, что этот владелец может так же отчуждать свой товар, т. е. реализовать его, только тогда, когда приведет его в соприкосновение с особой потребностью, предметом удовлетворения которой он служит. Следовательно, при всестороннем отчуждении товаров как потребительных стоимостей товары относятся друг к другу сообразно их вещественному различию, как особые вещи, которые своими специфическими свойствами удовлетворяют особые потребности. Но в качестве таких простых потребительных стоимостей они друг для друга безразличные создания и даже не находятся ни в каком отношении между собой. Как потребительные стоимости они могут обмениваться только в отношении к особым потребностям. Но способностью к обмену они обладают только как эквиваленты, а эквивалентами они являются только как равные количества овеществленного рабочего времени, так что их естественные свойства в качестве потребительных стоимостей, и, стало быть, отношение товаров к особым потребностям, совершенно не принимаются во внимание. В качестве меновой стоимости товар осуществляет себя, напротив, тем, что он, как эквивалент, замещает любым образом определенное количество всякого другого товара, независимо от того, является ли он для владельца другого товара потребительной стоимостью или нет. Но для владельца другого товара он лишь постольку товар, поскольку он для него потребительная стоимость, и для своего собственного владельца он лишь постольку меновая стоимость, поскольку он товар для другого. Поэтому одно и то же отношение должно быть отношением товаров как величин, по существу равных и лишь количественно различных; равенством их как предметов, в которых материализовано всеобщее рабочее время; и вместе с тем оно должно быть отношением товаров как качественно различных вещей, как особенных потребительных стоимостей, удовлетворяющих особые потребности, словом, оно должно быть отношением, в котором они различаются как действительные потребительные стоимости. Но это равенство и неравенство взаимно исключают друг друга. Таким образом обнаруживается не только порочный круг проблем, поскольку разрешение одной из них уже предполагает разрешение другой, но и совокупность противоречивых требований, поскольку выполнение одного условия непосредственно связано с выполнением другого, ему противоположного.

Процесс обмена товаров должен быть как развертыванием, так и разрешением этих противоречий, которые, однако, не могут представляться в нем в этой простой форме. Мы видели только, как сами товары относятся друг к другу как потребительные стоимости, т. е. каким образом товары в самом процессе обмена выступают в качестве потребительных стоимостей. Напротив, меновая стоимость, как мы ее до сих пор рассматривали, существовала только в нашей абстракции или, если угодно, в абстракции отдельного товаровладельца, у которого товар, как потребительная стоимость, лежит на складе, а как меновая стоимость – на совести. Однако в самом процессе обмена товары должны быть налицо не только как потребительные стоимости, но и как меновые стоимости друг для друга, и это их бытие должно проявляться как их собственное отношение друг к другу. Трудность, на которую мы прежде всего натолкнулись, заключается в том, что товар для того, чтобы представиться как меновая стоимость, как овеществленное всеобщее рабочее время, сначала должен быть отчужден, сбыт с рук, как потребительная стоимость, в то время как отчуждение его в качестве потребительной стоимости предполагает, напротив, его бытие в качестве меновой стоимости. Допустим, однако, что эта трудность разрешена. Предположим, что товар сбросил с себя особую потребительную стоимость и через отчуждение ее выполнил материальное условие – быть общественно-полезным трудом, а не особым трудом отдельного лица для самого себя. Тогда товар должен в процессе обмена стать для других товаров меновой

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
стоимостью, всеобщим эквивалентом, овеществлением всеобщего рабочего времени, и, таким образом, вместо ограниченного действия особой потребительной стоимости он должен приобрести способность непосредственно выражаться во всех потребительных стоимостях как в своих эквивалентах. Но каждый товар есть тот товар, который таким образом, через отчуждение своей особой потребительной стоимости должен выступить как непосредственная материализация всеобщего рабочего времени. Но, с другой стороны, в процессе обмена противостоят друг другу только особенные товары, труд частных индивидуумов, воплощенный в особенных потребительных стоимостях. Всеобщее рабочее время само есть абстракция, которая, как таковая, для товаров не существует.

Рассмотрим сумму уравнений, в которых меновая стоимость товара находит свое реальное выражение; например:

1 аршин холста = 2 фунтам кофе,

1 аршин холста = 1/2 фунта чая,

1 аршин холста = 8 фунтам хлеба и т. д.

Эти уравнения говорят только о том, что в 1 аршине холста, 2 фунтах кофе, 1/2 фунта чая и т. д. овеществлено всеобщее общественное рабочее время одинаковой величины. Но в действительности индивидуальный труд, который представлен в этих особых потребительных стоимостях, становится всеобщим и в этой форме общественным трудом лишь благодаря тому, что эти потребительные стоимости действительно обмениваются друг на друга пропорционально продолжительности содержащегося в них труда. Общественное рабочее время существует в этих товарах, так сказать, в скрытом виде и обнаруживается только в процессе их обмена. Исходным является не труд индивидуумов как общественный труд, а, наоборот, особенный труд частных индивидуумов, труд, который только в процессе обмена, через снятие его первоначального характера, оказывается всеобщим общественным трудом. Следовательно, всеобщий общественный труд есть не готовая предпосылка, а становящийся результат. Таким образом, возникает новое затруднение, заключающееся в том, что товары, с одной стороны, должны вступать в процесс обмена как овеществленное всеобщее рабочее время, а с другой стороны, овеществление рабочего времени индивидуумов как всеобщего само есть лишь продукт процесса обмена.

Каждый товар должен через отчуждение своей потребительной стоимости, т. е. своего первоначального существования, приобрести свое соответствующее существование в качестве меновой стоимости. Поэтому товар должен в процессе обмена удвоить свое существование. С другой стороны, его второе существование в качестве меновой стоимости может быть только другим товаром, так как в процессе обмена противостоят друг другу только товары. Возникает вопрос, как особенный товар представить непосредственно в качестве овеществленного всеобщего рабочего времени или, что то же самое, каким образом индивидуальному рабочему времени, овеществленному в особенном товаре, придать непосредственно характер всеобщности. Реальное выражение меновой стоимости товара, т. е. каждого товара как всеобщего эквивалента, представляется в бесконечной сумме уравнений, например:

1 аршин холста = 2 фунтам кофе,

1 аршин холста = 1/2 фунта чая,

1 аршин холста = 8 фунтам хлеба,

1 аршин холста = 6 аршинам ситца,

1 аршин холста = и т. д.

Это представление было теоретическим до тех пор, пока товар только мыслился как определенное количество овеществленного всеобщего рабочего времени. Бытие особенного товара в качестве всеобщего эквивалента из чистой абстракции превращается в общественный результат самого процесса обмена, если просто обернуть вышеприведенный ряд уравнений. Например:

2 фунта кофе = 1 аршину холста,

1/2 фунта чая = 1 аршину холста,

8 фунтов хлеба = 1 аршину холста,

6 аршин ситца = 1 аршину холста.

В то время как кофе, чай, хлеб, ситец, словом, все товары выражают содержащееся в них самих рабочее время в холсте, меновая стоимость холста, напротив, раскрывается во всех других товарах как в своих эквивалентах, и рабочее время, овеществленное в самом холсте, становится непосредственно всеобщим рабочим временем, которое одинаково выражается в различных количествах всех других товаров. Холст становится здесь всеобщим эквивалентом благодаря всестороннему действию на него всех других товаров. В качестве меновой стоимости, каждый товар стал мерой стоимости всех других товаров. Здесь же, наоборот, вследствие того, что все товары измеряют свою меновую стоимость в одном особенном товаре, этот выделенный товар становится адекватным бытием меновой стоимости, ее бытием в качестве всеобщего эквивалента. Бесконечный ряд или бесконечное множество уравнений, в которых выражалась меновая стоимость каждого товара, сокращается до одного единственного уравнения, состоящего всего лишь из двух членов. Уравнение: 2 фунта кофе = 1 аршину холста есть теперь исчерпывающее выражение меновой стоимости кофе, так как последняя в этом выражении непосредственно выступает как эквивалент для определенного количества всякого другого товара. Следовательно, теперь в самом процессе обмена товары существуют или выступают друг для друга меновыми стоимостями в форме холста. То, что все товары, в качестве меновых стоимостей, относятся друг к другу только как различные количества овеществленного всеобщего рабочего времени, проявляется теперь таким образом, что они в качестве меновых стоимостей представляют только различные количества одного и того же предмета – холста. Поэтому всеобщее рабочее время в свою очередь представляется как особая вещь, как товар, существующий наряду со всеми другими товарами и вне их всех. Но вместе с тем уравнение, в котором один товар представляется для другого товара меновой стоимостью, например 2 фунта кофе = 1 аршину холста, есть уравнение, которое должно еще осуществиться. Только путем отчуждения товара как потребительной стоимости, зависящего от того, окажется ли он в процессе обмена предметом, годным для удовлетворения какой-либо потребности, – товар действительно превращается из своего бытия в качестве кофе в свое бытие в качестве холста, принимает, таким образом, форму всеобщего эквивалента и становится действительно меновой стоимостью для всех других товаров. Наоборот, вследствие того, что все товары через отчуждение их как потребительных стоимостей превращаются в холст, холст становится превращенным бытием всех других товаров, и только как результат этого превращения в него всех других товаров он становится непосредственно овеществлением всеобщего рабочего времени, т. е. продуктом всестороннего отчуждения, снятия, индивидуальных видов труда. Если, таким образом, товары для того чтобы выступать друг для друга меновыми стоимостями удваивают свое существование, то товар, выделенный в качестве всеобщего эквивалента, удваивает свою потребительную стоимость. Кроме своей особенной потребительной стоимости как особенного товара, он получает еще всеобщую потребительную стоимость. Эта его потребительная стоимость сама есть определенность формы, т. е. она вытекает из специфической роли, которую данный товар играет благодаря всестороннему действию на него других товаров в процессе обмена. Потребительная стоимость каждого товара, как предмета особой потребности, имеет различную стоимость в различных руках: например, одну стоимость в руках того, кто его отчуждает, другую – в руках того, кто его приобретает. Товар, выделенный в качестве всеобщего эквивалента, представляет собой теперь предмет всеобщей потребности, выросшей из самого процесса обмена, и имеет для всех одинаковую потребительную стоимость, состоящую в том, чтобы быть носителем меновой стоимости, всеобщим средством обмена. Таким образом, в этом одном товаре разрешено противоречие, которое заключает в себе товар как таковой, а именно: быть особенной потребительной стоимостью и вместе с тем всеобщим эквивалентом, а поэтому и потребительной стоимостью для каждого, всеобщей потребительной стоимостью. Следовательно, в то время как все другие товары теперь выражают свою меновую стоимость в мысленном, подлежащем еще реализации равенстве с выделенным товаром, потребительная стоимость этого выделенного товара, хотя и реально существующая, выступает в самом процессе как только формальное бытие, которое должно еще реализоваться путем превращения в действительные потребительные стоимости. Первоначально товар представлялся как товар вообще, как всеобщее рабочее время, овеществленное в особенной потребительной стоимости. В процессе обмена все товары относятся к выделенному

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
товару как к товару вообще, к товару товаров, как к бытию всеобщего рабочего времени в особенной потребительной стоимости. Поэтому как особенные товары они противопоставляются одному особенному товару как всеобщему товару {Пометка Маркса на его личном экземпляре книги: «Это выражение встречается у Дженовези»}. Следовательно, то что товаровладельцы взаимно относятся к труду друг друга как к всеобщему и общественному представляется таким образом, что они относятся к своим товарам как к меновым стоимостям; взаимное отношение товаров друг к другу как меновых стоимостей представляется в процессе обмена в виде их всестороннего отношения к одному особенному товару как адекватному выражению их меновой стоимости, что, напротив, выступает опять как специфическое отношение этого особенного товара ко всем остальным товарам и потому как определенный, общественный характер вещи, как бы естественно возникший. Особенный товар, представляющий, таким образом, адекватное бытие меновой стоимости всех товаров, или меновая стоимость товаров в качестве особенного, выделенного товара и есть деньги. Деньги – это кристаллизация меновой стоимости товаров, создаваемая ими в самом процессе обмена. Поэтому в то время как товары в процессе обмена становятся друг для друга потребительными стоимостями, поскольку они сбрасывают с себя всякую определенность формы и относятся друг к другу в своем непосредственном материальном виде, – эти же товары для того, чтобы выступать по отношению друг к другу меновыми стоимостями, должны принять новую определенность формы, должны развиться в форму денег. Деньги не символ, как не является символом бытие потребительной стоимости в форме товара. То, что общественное производственное отношение представляется как предмет, находящийся вне индивидуумов, и что определенные отношения, в которые эти индивидуумы вступают в процессе производства своей общественной жизни, представляются как специфические свойства вещи, – это извращение; эта не воображаемая, а прозаически реальная мистификация характеризует все общественные формы труда, создающего меновую стоимость. В деньгах это выступает только разительнее, чем в товаре.

Необходимые физические свойства особенного товара, в котором должно кристаллизироваться денежное бытие всех товаров, поскольку эти свойства вытекают непосредственно из природы меновой стоимости, суть: произвольная делимость, однородность частей и отсутствие различий между всеми экземплярами этого товара. Как материализация всеобщего рабочего времени, он должен быть однородным и способным представлять только количественные различия. Другим необходимым свойством является прочность его потребительной стоимости, так как он должен сохраняться в процессе обмена. Благородные металлы обладают этими свойствами в превосходной степени. Так как деньги не являются продуктом сознания или соглашения, а созданы инстинктивно в процессе обмена, то весьма различные, более или менее неподходящие товары попеременно исполняли функцию денег. Возникшая на известной ступени развития процесса обмена необходимость полярного разделения товаров, сообразно их назначению, как меновой стоимости и потребительной стоимости, так что один товар, например, фигурирует как средство обмена, в то время как другой отчуждается как потребительная стоимость, – приводит к тому, что всюду один или же несколько товаров, обладающих наиболее всеобщей потребительной стоимостью, вначале случайно играют роль денег. Если эти товары даже не являются предметами непосредственно существующей потребности, то им обеспечивает более всеобщий характер, чем остальным потребительным стоимостям, то обстоятельство, что они образуют вещно наиболее значительную часть богатства.

Непосредственная меновая торговля – первоначальная форма процесса обмена, – представляет собой скорее начало превращения потребительных стоимостей в товары, чем товаров в деньги. Меновая стоимость не получает еще никакой самостоятельной формы, она еще непосредственно связана с потребительной стоимостью. Это обнаруживается двояким образом. Само производство всей своей структурой направлено на создание потребительной стоимости, а не меновой стоимости, и поэтому только вследствие производства сверх того, что требуется для потребления, избыточная часть потребительных стоимостей здесь перестает быть потребительными стоимостями и становится средством обмена, товарами. С другой стороны, они становятся товарами только в границах непосредственной потребительной стоимости, хотя и располагаются полярно, так что товары, обмениваемые товаровладельцами, должны быть потребительными стоимостями для обоих, но каждый из них – потребительной стоимостью для его невладельца. В действительности процесс обмена товаров возникает первоначально не внутри первобытных общин {Аристотель отмечает то же самое в отношении частной семьи как первоначальной формы общения. Но первоначальная форма семьи есть сама родовая семья, из исторического разложения которой только и появляется частная семья. «В первой форме общения (т. е. в семье), очевидно, не было никакой надобности в нем

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org (т. е. в обмене)». (Аристотель. «Политика», кн. 1, гл. 9, изд. Беккера, Оксфорд, 1837, стр. 14)}, а там, где они кончаются, на их границах, в тех немногих пунктах, где они соприкасаются с другими общинами. Здесь начинается меновая торговля и отсюда она проникает во внутрь общины, на которую она действует разлагающим образом. Особенности потребительные стоимости, которые в меновой торговле между различными общинами становятся товарами, например рабы, скот, металлы, чаще всего образуют поэтому первые деньги внутри самой общины. Мы видели, что меновая стоимость товара тем в большей степени представляется как меновая стоимость, чем длиннее ряд его эквивалентов, или чем больше сфера обмена для этого товара. Поэтому постепенное расширение меновой торговли, увеличение числа актов обмена и разнообразия входящих в меновую торговлю товаров развивают товар как меновую стоимость, необходимо ведут к образованию денег и тем самым действуют разлагающим образом на непосредственную меновую торговлю. Экономисты имеют обыкновение выводить деньги из внешних затруднений, на которые наталкивается расширяющаяся меновая торговля, но они забывают при этом, что эти затруднения проистекают из развития меновой стоимости и, стало быть, общественного труда как труда всеобщего. Например, товары как потребительные стоимости не обладают произвольной делимостью, которой они должны обладать как меновые стоимости. Или, товар владельца А может быть потребительной стоимостью для В, между тем как товар владельца В не является потребительной стоимостью для А. Или, товаровладельцы могут нуждаться в предназначенных к обмену друг на друга неделимых товарах в неравных стоимостных пропорциях. Другими словами, под предлогом исследования простой меновой торговли, экономисты уясняют себе известные стороны противоречия, которое скрывается в бытии товара как непосредственного единства потребительной и меновой стоимости. С другой стороны, они затем последовательно придерживаются мнения, что меновая торговля есть адекватная форма процесса обмена товаров, которая только сопряжена с известными техническими неудобствами, для устранения которых деньги служат хитро придуманным средством. Исходя из этой совершенно поверхностной точки зрения, один остроумный английский экономист правильно утверждал, что деньги представляют собой всего лишь материальное орудие, как корабль или паровая машина, а не выражение какого-нибудь общественного производственного отношения, и, следовательно, не экономическую категорию. Поэтому, по его мнению, деньги лишь по ошибке исследуются в политической экономии, которая в действительности не имеет ничего общего с технологией {«Деньги представляют собой в сущности лишь орудие для совершения покупок и продаж» (однако скажите, пожалуйста, что вы понимаете под покупками и продажами?), «и изучение их относится к политической экономии не в большей мере, чем изучение кораблей, паровых машин или любых других орудий, употребляемых для облегчения производства и распределения богатств» (Th. Hodgskin. «Popular political economy etc.». London, 1827, p. 178–179 [Т. Годскин. «Популярная политическая экономия и т. д.». Лондон, 1827, стр. 178 – 179])}.

В товарном мире предполагается развитое разделение труда или, вернее, оно представляется непосредственно в разнообразии потребительных стоимостей, которые противостоят друг другу как особенные товары и в которых заключены столь же разнообразные виды труда. Разделение труда, как совокупность всех особенных видов производительной деятельности, есть общее состояние общественного труда, рассматриваемого с его вещественной стороны в качестве труда, производящего потребительные стоимости. Но как таковое разделение труда существует, с точки зрения товаров и в самом процессе обмена, только в своем результате, в обособлении самих товаров.

Обмен товаров есть процесс, в котором общественный обмен веществ, т. е. обмен особенных продуктов частных индивидуумов, представляет собой вместе с тем создание определенных общественных производственных отношений, в которые вступают индивидуумы в этом обмене веществ. Развивающиеся отношения товаров друг к другу кристаллизуются как различные определения всеобщего эквивалента, и, таким образом, процесс обмена есть вместо с тем процесс образования денег. В целом этот процесс, выступающий в качестве течения различных процессов, есть обращение.

А. К ИСТОРИИ АНАЛИЗА ТОВАРА

Сведение товара к труду в его двойственной форме – потребительной стоимости к реальному труду, или целесообразно производительной деятельности, а меновой стоимости к рабочему времени, или равному общественному труду, есть конечный критический результат более чем полуторазековых исследований классической

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
политической экономии, которая начинается в Англии с Уильяма Петти, а во Франции с Буагильбера {Сравнительное изучение трудов и личностей Петти и Буагильбера, не говоря уже о том ярком свете, который оно пролило бы на социальную противоположность Англии и Франции в конце XVII и начале XVIII столетий, явилось бы генетическим изложением национального контраста между английской и французской политической экономией. Тот же контраст повторяется в заключение у Рикардо и Сисмонди} и завершается в Англии Рикардо, а во Франции Сисмонди.

Петти сводит потребительную стоимость к труду, нисколько не обманываясь относительно природной обусловленности его творческой силы. Действительный труд он с самого начала рассматривает во всем его общественном целом как разделение труда {Петти раскрыл значение разделения труда и как производительной силы, и притом в более обширном плане, чем Адам Смит. См. «An Essay concerning the multiplication of mankind etc.», 3 edition, 1686, p. 35–36 [«Очерк об увеличении численности рода человеческого и т. д.», 3-е издание, 1686, стр. 35–36]. Он показывает здесь преимущества разделения труда для производства не только на примере фабрики карманных часов, как позднее А. Смит это сделал на примере фабрики булавок, но также в масштабе города и целой страны, рассматриваемых в качестве крупных фабричных предприятий. «Spectator» 17 от 26 ноября 1711г ссылается на эту иллюстрацию превосходного сэра Уильяма Петти». Таким образом, Мак-Куллох ошибочно предполагает, что «Spectator» спутал Петти с другим писателем, который был моложе Петти на 40 лет. (См. Mac Culloch. «The Literature of Political Economy, a classified catalogue». London, 1845, p. 102 [Мак-Куллох. «Литература по политической экономии – систематический каталог». Лондон, 1845, стр. 102]). Петти чувствует себя основателем новой науки. Его метод, как он говорит, «не традиционный». Вместо набора целого ряда слов в сравнительной и превосходной степени и спекулятивных аргументов, он решил говорить посредством terms of number, weight or measure [чисел, весов и мер], пользоваться исключительно аргументами, взятыми из чувственного опыта, и рассматривать только такие причины, as have visible foundations in nature (которые имеют видимое основание в природе). Он предоставляет другим исследование причин, зависящих от mutable minds, opinions, appetites and passions of particular men [изменчивости умственных способностей, мнений, желаний и страстей отдельных людей] («Political Arithmetic etc.». Lond., 1699, Preface [«Политическая арифметика и т. д.». Лондон, 1699. Предисловие]). Его гениальная смелость обнаруживается, например, в предложении перевести всех жителей Ирландии и горной Шотландии вместе с их движимым имуществом в свободную часть Великобритании. Тем самым сбереглось бы рабочее время, увеличилась бы производительная сила труда, и «король и его подданные стали бы богаче и сильнее» («Политическая арифметика», гл. 4). Или, например, в той главе его «Политической арифметики», в которой он в период, когда Голландия играла все еще преобладающую роль в качестве торговой нации, а Франция, казалось, становилась господствующей торговой державой, доказывает, что Англия призвана завоевать мировой рынок: «что подданные английского короля имеют достаточные и подходящие средства для ведения торговли всего коммерческого мира» (цитированное произведение, гл. 10), «что препятствия для величия Англии – случайны и устранимы», стр. 247 и сл. Оригинальным юмором проникнуты все сочинения Петти. Так, он показывает, например, что завоевание мирового рынка Голландией, которая в то время была точно такой же образцовой страной для английских экономистов, как теперь Англия для континентальных, произошло естественным путем «без того ангельского ума и рассудительности, которые приписываются голландцам некоторыми людьми» (цитированное произведение, стр. 175–176). Он защищает свободу совести как условие торговли, «потому что бедные прилежны и рассматривают труд и усердие как долг перед богом до тех пор, пока им позволено будет думать, что, имея меньше богатства, они зато имеют больше ума и понимания в божественных делах, которые считаются ими специальной собственностью бедных». Поэтому торговля «связана не с какой-нибудь определенной религией, а скорей всего с иноверческой частью населения» (цитированное произведение, стр. 183–186). Он предлагает специальный общественный налог в пользу мошенников, потому что лучше обществу самому обложить себя податью в пользу мошенников, чем предоставить это делать им (цитированное произведение, стр. 199). Напротив, он осуждает те налоги, которые переносят богатство из промышленных рук в руки тех, которые «ничего не делают, кроме как едят, пьют, поют, играют, танцуют и занимаются метафизикой». Сочинения Петти являются почти библиографической редкостью и имеются только в разрозненном виде в старых плохих изданиях; это тем более удивительно, что У. Петти не только отец английской политической экономии, но в то же время предок Нестора английских вигов Генриха Петти, иначе именуемого маркизом Ленсдауном. Впрочем, семья Ленсдаунов едва ли могла бы издать полное собрание сочинений Петти, не снабдив его биографией автора, а в этом случае

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
применимо следующее замечание, верное относительно *origines* [родословной] большинства знатных вигских фамилий: *the less said of them the better* [чем меньше о них говорят, тем лучше]. Смелый мыслитель, но совершенно фривольный армейский хирург, который одинаково был способен грабить Ирландию под эгидой Кромвеля, как и, пресмыкаясь, вымалывать у Карла II титул баронета за этот грабеж, – это такой образ предка, который едва ли подходящ для публичного обозрения. Кроме того, Петти в большинстве своих произведений, изданных им при жизни, старается доказать, что расцвет Англии приходится на времена Карла II, что является еретическим воззрением для наследственных эксплуататоров «*glorious revolution*» [«славной революции»]}. Этот взгляд на источник вещественного богатства не остается, как, например, у его современника Гоббса, более или менее бесплодным, а приводит его к политической арифметике – первой форме, в которой политическая экономия выделяется как самостоятельная наука. Однако меновую стоимость он берет в таком виде, как она проявляется в процессе обмена товаров, как деньги, а сами деньги – как существующий товар, как золото или серебро. Опутанный представлениями монетарной системы, он объявляет тот особенный вид реального труда, которым добывается золото и серебро, трудом, создающим меновую стоимость. В сущности он полагает, что буржуазный труд должен производить не непосредственную потребительную стоимость, а товар, – потребительную стоимость, которая способна путем своего отчуждения в процессе обмена представляться в виде золота и серебра, т. е. как деньги, т. е. как меновая стоимость, т. е. как овеществленный всеобщий труд. Между тем его пример показывает очень наглядно, что признание труда источником вещественного богатства никоим образом не исключает непонимания той определенной общественной формы, в которой труд представляет собой источник меновой стоимости.

Буагильбер, со своей стороны, сводит если не сознательно, то фактически меновую стоимость товара к рабочему времени, определяя «истинную стоимость» (*la juste valeur*) правильной пропорцией, в которой рабочее время индивидуумов разделяется между отдельными отраслями производства, и представляя свободную конкуренцию как общественный процесс, который устанавливает эту правильную пропорцию. Но одновременно с этим и в противоположность Петти он фанатически борется против денег, которые, по его мнению, своим вторжением нарушают естественное равновесие или гармонию товарного обмена и, как фантастический Молох, требуют себе в жертву все естественное богатство. И хотя, с одной стороны, эта полемика против денег связана с определенными историческими обстоятельствами, поскольку Буагильбер нападает на бессмысленно разорительную алчность к золоту двора Людовика XIV, его откупщиков казенных денежных доходов и его дворянства {В противоположность «финансовой чёрной магии» тогдашнего времени Буагильбер говорит: «финансовая наука есть только углубленное понимание интересов земледелия и торговли». «*Le détail de la France*» тр. 241}}, тогда как Петти прославляет алчность к золоту как могучий стимул, побуждающий народ к промышленному развитию и завоеванию мирового рынка, – тем не менее здесь в то же время обнаруживается и более глубокая принципиальная противоположность, повторяющаяся как постоянный контраст между истинно английской и истинно французской {Но не ромашкой политической экономией, ибо итальянцы в двух школах, неаполитанской и миланской, повторяют противоположность между английской и французской политической экономией, в то время как испанцы более ранней эпохи либо просто меркантилисты или модифицированные меркантилисты, как Устарис, либо, как Ховельянос (см. его *oubras. Barcelona, 1839–40* (Произведения. Барселона, 1839–40)), вместе с А. Смитом придерживаются «золотой середины»} политической экономией. Буагильбер в сущности обращает внимание только на вещественное содержание богатства, на потребительную стоимость, потребление {«истинное богатство ... это полное пользование не только предметами жизненной необходимости, но также и всем тем, что является роскошью и что может доставить удовольствие чувствам»}. *Voisguillebert. «Dissertation sur la nature de la richesse etc.»*, 1. с., р. 403 [Буагильбер. «Рассуждение о природе богатства и т. д.», цитированное издание, стр. 403]. Но в то время как Петти был легкомысленным, жаждавшим грабежа и бесхарактерным авантюристом, Буагильбер, хотя и был одним из интендантов Людовика XIV, однако он с большим умом и такой же большой смелостью выступал за угнетенные классы}, и рассматривает буржуазную форму труда, производство потребительных стоимостей как товаров и процесс обмена товаров, как нормальную общественную форму, в которой индивидуальный труд достигает указанной цели. Поэтому там, где он встречается со специфической особенностью буржуазного богатства, как, например, в деньгах, там он усматривает вмешательство узурпирующих чуждых элементов и, восставая против буржуазного труда в одной его форме, одновременно впадая в утопию, возводит его в апофеоз в другой {французский социализм в лице Прудона страдает тем же самым национальным

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org наследственным недугом}. Бугильбер представляет нам пример того, что рабочее время может рассматриваться как мера величины стоимости товаров, хотя и смешивается труд, овеществленный в меновой стоимости товаров и измеряемый временем, с непосредственной естественной деятельностью индивидуумов.

Первый сознательный, почти тривиально ясный анализ меновой стоимости, сводящий ее к рабочему времени, мы находим у человека Нового Света, где буржуазные производственные отношения, ввезенные туда вместе с их носителями, быстро расцвели на почве, на которой недостаток исторической традиции уравновешивался избытком гумуса. Этот человек – Бенджамин Франклин, который в своей первой юношеской работе, написанной в 1729г и напечатанной в 1731г, сформулировал основной закон современной политической экономии {Franklin, B. The works of etc., ed. by J. Sparks, vol. II. Boston, 1836: «A modest inquiry into the nature and necessity of a paper currency» [Франклин, Б. Сочинения, под ред. Дж. Спаркса. том II. Бостон, 1836: «Скромное исследование о природе и необходимости бумажных денег»]}. Он объявляет необходимым искать иную меру стоимостей, чем благородные металлы. Эта мера – труд.

«Трудом можно измерять стоимость серебра так же хорошо, как и всех других вещей. Допустим, например, что один человек занят производством зерна, в то время, как другой добывает и очищает серебро. В конце года или какого-либо иного определенного периода времени готовый продукт зерно и готовый продукт серебро представят друг для друга естественную цену, и если первого было произведено 20 бушелей, а второго 20 унций, то одна унция серебра стоит такого же количества труда, какое было затрачено на производство одного бушеля зерна. Если, однако, благодаря открытию более близких, более доступных и богатых рудников один человек может добыть уже 40 унций серебра с такой же легкостью, как раньше 20, между тем как для производства 20 бушелей зерна необходимо то же количество труда, что и раньше, то 2 унции серебра будут стоить не больше, чем тот же труд, затраченный на производство одного бушеля зерна, и таким образом, бушель, который раньше стоил 1 унцию серебра, теперь *caeteris paribus* {при прочих равных условиях} будет стоить 2 унции серебра. Поэтому богатство страны должно оцениваться по тому количеству труда, которое ее жители способны купить» {цитированное произведение, стр. 265: «Thus a riches of a country are to be valued by the quantity of labour its inhabitants are able to purchase»}.

Рабочее время с самого начала представляется у Франклина в экономически одностороннем виде как мера стоимостей. Превращение действительных продуктов в меновые стоимости у него разумеется само собой, и поэтому речь идет только о том, чтобы найти меру величины их стоимости.

«Так как», – говорит он, – «торговля вообще есть не что иное, как обмен труда на труд, то стоимость всех вещей наиболее правильно оценивается трудом» {«Trade in general being nothing else but the exchange of labour for labour, the value of all things is, as I have said before, most justly measured by labour», цитированное произведение, стр. 267}.

Если вместо слова «труд» поставить здесь действительный труд, то сейчас же обнаружится смешение труда в одной форме с трудом в другой форме. Так как торговля состоит в обмене, например, труда сапожника, труда рудокопа, труда прядильщика, труда художника и т. д., то разве стоимость сапог не оценивается наиболее верно трудом художника? Франклин полагает обратное, что стоимость сапог, руды, пряжи, картин и т. д. определяется абстрактным трудом, который не обладает никаким особенным качеством и поэтому измеряется лишь в количественном отношении {L. c.: «Remarks and tacts relative to the American paper money», 1764. [цитированное произведение: «Замечания и факты относительно американских бумажных денег», 1764]}. Но так как он не развивает понятия труда, содержащегося в меновой стоимости, как абстрактно всеобщего общественного труда, возникающего из всестороннего отчуждения индивидуального труда, то он неизбежно не понимает денег как непосредственной формы существования этого отчужденного труда. Поэтому у него деньги и труд, создающий меновую стоимость, не находятся ни в какой внутренней связи; скорее деньги у него суть орудие, привнесенное в обмен извне ради технического удобства {Смотри «Papers on American Politics» [«Статьи по вопросам американской политики»]. «Замечания и факты относительно американских бумажных денег», 1764 (цитированное произведение)}. Анализ меновой стоимости, данный Франклином, не оказал непосредственного влияния на общее развитие науки, так как он занимался только отдельными вопросами политической экономии в связи с определенными практическими задачами.

Противоположность между действительным полезным трудом и трудом, создающим меновую стоимость, волновала Европу в течение XVIII столетия в форме проблемы:

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
какой особенный вид действительного труда есть источник буржуазного богатства? Тем самым предполагалось, что не всякий труд, который осуществлен в потребительных стоимостях или производит продукты, уже поэтому создает непосредственно богатство. Для физиократов, однако, как и для их противников, жгучим спорным вопросом являлось не то, какой труд создает стоимость, а то, какой труд создает прибавочную стоимость. Следовательно, они рассматривали проблему в сложной форме, прежде чем разрешили ее в элементарной форме; так же, как историческое развитие всех наук приводит к их действительным исходным пунктам лишь через множество перекрещивающихся и окольных путей. В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но и возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фундамент. Не останавливаясь здесь долее на физиократах и пройдя мимо целого ряда итальянских экономистов, которые в более или менее метких высказываниях подходят к правильному анализу товара {См., например, Galiani. «Della Moneta», vol. III, в «Scrittori classici italiani di economia politica» (изд. Custodi). Parte moderna. Milano, 1803 [Галиани. «О деньгах», в издании Кустоди «Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты», т. III. Милан, 1803]: «Только fatica [труд], – говорит он, – придает вещи стоимость», стр. 74. Обозначение труда словом fatica характерно для южан}, обратимся сразу к первому британцу, выработавшему целостную систему буржуазной политической экономии, к сэру Джемсу Стюарту {Произведение Стюарта «An inquiry into the principles of political economy, being an essay on the science of domestic policy in free nations» [«Исследование о началах политической экономии, или Очерк о науке внутренней политики в свободных странах»] появилось впервые в 1767г в двух томах in quarto в Лондоне за 10 лет до «Богатства народов» Адама Смита. Я цитирую по дублинскому изданию 1770 года}. Как абстрактные категории политической экономии находятся у него еще в процессе отделения от их вещественного содержания и поэтому представляются неустановившимися и колеблющимися, так у него обстоит дело и с категорией меновой стоимости. В одном месте он определяет реальную стоимость (what a workman can perform in a day {того, что работник может произвести в продолжение дня}) рабочим временем, но рядом с этим странным образом фигурируют заработная плата и сырой материал {Стюарт, цитированное произведение, т. I, стр. 181–183}. В другом месте его борьба с вещественным содержанием выступает еще более разительнее. Природный материал, содержащийся в товаре, например серебро в серебряном плетеном изделии, он называет его внутренней стоимостью (intrinsic worth), тогда как рабочее время, содержащееся в нем, – его потребительную стоимостью (useful value). «Первая», – говорит он, – «есть само по себе нечто реальное ... Напротив, потребительная стоимость должна оцениваться трудом, которого стоило ее производство. Труд, затраченный на видоизменение материала, представляет некоторую долю времени человека и т. д.» {Стюарт, цитированное произведение, т. I, стр. 361–362; «represents a portion of a man's time»}. Стюарт отличается от своих предшественников и тех, кто выступал после него тем, что он проводит резкое различие между специфически общественным трудом, который представляется в меновой стоимости, и реальным трудом, создающим потребительные стоимости. Труд, говорит он, который через свое отчуждение (alienation) создает всеобщий эквивалент (universal equivalent), я называю промышленностью. Труд как промышленность он отличает не только от реального труда, но и от других общественных форм труда. Этот труд есть для него буржуазная форма труда в противоположность к его античным и средневековым формам. Особенно его интересует различие между буржуазным и феодальным трудом, последний из которых он наблюдал в стадии его упадка как в самой Шотландии, так и во время своих обширных путешествий по континенту. Стюарт, конечно, очень хорошо знал, что и в добуржуазные эпохи продукт принимает форму товара, а товар – форму денег, но он обстоятельно доказывает, что товар, как элементарная основная форма богатства, и отчуждение, как господствующая форма присвоения, принадлежат только буржуазному периоду производства, что, следовательно, характер труда, создающего меновую стоимость, является специфически буржуазным {Патриархальное земледелие, направленное непосредственно на создание потребительных стоимостей для владельца земли, он объявляет поэтому «злоупотреблением», правда, не в Спарте или Риме или даже в Афинах, а в промышленных странах XVIII столетия. Это «abusive agriculture» [«плохо поставленное земледелие»] не есть «trade» («промысловая деятельность»), а «только средство существования». Как буржуазное земледелие очищает деревню от лишних ртов, так буржуазная мануфактура очищает фабрику от лишних рук}.

После того как особые формы реального труда: земледелие, мануфактура, судоходство, торговля и т. д. поочередно объявлялись истинными источниками

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
богатства, Адам Смит провозгласил труд вообще, и притом в его общественной совокупности, как разделение труда, единственным источником материального богатства, или потребительных стоимостей. В то время как здесь он совершенно упускает из вида элемент природы, последний преследует его в сфере чисто общественного богатства, в сфере меновой стоимости. Правда, Адам определяет стоимость товара содержащимся в нем рабочим временем, но затем он снова относит действительность этого определения стоимости к доадамовым временам. Другими словами, то, что ему представляется правильным с точки зрения простого товара, становится для него неясным, как только вместо товара выступают более высокие и более сложные формы: капитал, наемный труд, земельная рента и т. д. Он выражает это таким образом, что стоимость товаров измерялась содержащимся в них рабочим временем в *paradise lost* {потерянном раю} бюргерства, где люди противостояли друг другу еще не в качестве капиталистов, наемных рабочих, земельных собственников, фермеров, ростовщиков и т. д., а лишь в качестве простых товаропроизводителей и лиц, обменивающихся товарами. Он постоянно смешивает определение стоимости товаров заключенным в них рабочим временем с определением их стоимости стоимостью труда, обнаруживает непоследовательность при детальном анализе и ошибочно принимает за субъективное приравнивание индивидуальных работ объективное равенство, которое общественный процесс насильственно устанавливает между неравными работами {Так, например, Адам Смит говорит: «Одинаковые количества труда должны иметь в» все времена и во всех местах одинаковую стоимость для того, кто трудится. При нормальном состоянии здоровья, силы и деятельности и при средней степени умения, которым он обладает, он должен всегда отдавать одну и ту же долю своего покоя, свободы и счастья. Таким образом, каково бы ни было количество товаров, которое он получает как вознаграждение за свой труд, цена, которую он оплачивает, всегда одинакова. Правда, за эту цену можно купить то меньшее, то большее количество определенных товаров, но это только потому, что изменяется стоимость этих товаров, а не стоимость труда, покупающего их. Таким образом, один только труд никогда не изменяет своей собственной стоимости. Следовательно, он представляет собой реальную цену товаров» и т. д.}. Переход от действительного труда к труду, создающему меновую стоимость, т. е. к буржуазному труду в его основной форме, он пытается осуществить посредством разделения труда. Между тем, насколько верно, что частный обмен предполагает разделение труда, настолько неверно, что разделение труда предполагает частный обмен. Например, у перуанцев разделение труда было чрезвычайно развито, хотя никакого частного обмена, обмена продуктов как товаров, у них не существовало.

В противоположность Адаму Смиту, Давид Рикардо выработал четкое определение стоимости товара рабочим временем и показал, что этот закон господствует также и над буржуазными производственными отношениями, на первый взгляд более всего противоречащими ему. Исследования Рикардо ограничиваются исключительно величиной стоимости, и относительно ее он, по меньшей мере, догадывается, что осуществление этого закона зависит от определенных исторических предпосылок. Ведь он говорит, что определение величины стоимости рабочим временем действительно лишь для тех товаров,

«количество которых может быть произвольно увеличено промышленностью и над производством которых господствует неограниченная конкуренция» {Ricardo, David. «On the principles of political economy and taxation», 3 edition. London, 1821, p. 3 [Рикардо, Давид. «Начала политической экономии и налогового обложения», 3 изд., Лондон, 1821, стр. 3]}.

В действительности это означает лишь то, что закон стоимости для своего полного развития предполагает общество с крупным промышленным производством и свободной конкуренцией, т. е. современное буржуазное общество. В остальном Рикардо рассматривает буржуазную форму труда, как вечную естественную форму общественного труда. Первобытного рыбака и первобытного охотника он заставляет сразу, в качестве владельцев товаров, обменивать рыбу и дичь пропорционально овеществленному в этих меновых стоимостях рабочему времени. При этом он впадает в тот анахронизм, что первобытный рыбак и первобытный охотник пользуются при учете своих орудий труда таблицами ежегодных процентных погашений, действовавшими на лондонской бирже в 1817 году. «Параллелограммы г-на Оуэна», кажется, были единственной формой общества, которую он знал кроме буржуазной. Хотя и ограниченный этим буржуазным горизонтом, Рикардо анализирует буржуазную экономику, которая в глубине выглядит совершенно иначе, чем она кажется на поверхности, с такой теоретической проницательностью, что лорд Брум мог о нем сказать:

«Казалось, будто мистер Рикардо упал с другой планеты».

В прямой полемике с Рикардо Сисмонди подчеркивал специфически общественный

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
характер труда, создающего меновую стоимость {Sismondi. «Etudes sur l'conomie politique», t. 2, p. 162. Bruxelles, 1838 [Сисмонди. «Очерки политической экономии», т. 2. Брюссель, 1838, стр. 162]: «Торговля свела все к противоположности между потребительной стоимостью и меновой стоимостью» и т. д.}, и усматривал «характерную черту нашего экономического прогресса» в том, что величина стоимости сводится к необходимому рабочему времени, к «отношению между потребностью всего общества и количеством труда, которого достаточно, чтобы удовлетворить эту потребность» {Сисмонди, цитированное произведение, стр. 163–166 и сл}. Сисмонди уже освободился от представления Буагильбера, что труд, создающий меновую стоимость, искажается деньгами, но он нападает на крупный промышленный капитал точно так же, как Буагильбер – на деньги. Если в лице Рикардо политическая экономия беспощадно делает свои конечные выводы и этим завершается, то Сисмонди дополняет этот итог, представляя на себе самом ее сомнения.

Так как Рикардо в качестве завершителя классической политической экономии наиболее последовательно сформулировал и развил определение меновой стоимости рабочим временем, то, естественно, против него и направляется полемика, поднятая экономистами. Если эту полемику освободить от ее, в большинстве своем, нелепой {наиболее нелепую форму эта полемика приняла в примечаниях Ж. Б. Сэя к французскому переводу Рикардо, сделанному Констансио; а наиболее педантически-претенциозную – в недавно появившейся книге «Theory of Exchange», London, 1858 [«Теории валютного курса», Лондон, 1858] г-на Маклеода} формы, то она сводится к следующим пунктам:

Во-первых: Труд сам имеет меновую стоимость и различные виды труда имеют различные меновые стоимости. Делать меновую стоимость мерой меновой стоимости значит создавать порочный круг, так как измеряющая меновая стоимость сама нуждается в мере. Это возражение сводится к следующей проблеме: дано рабочее время в качестве имманентной меры меновой стоимости; развить на этой основе заработную плату. Учение о наемном труде дает на это ответ.

Во-вторых: Если меновая стоимость продукта равна содержащемуся в нем рабочему времени, то меновая стоимость рабочего дня равна его продукту. Другими словами, заработная плата должна быть равна продукту труда {Это возражение, выдвинутое против Рикардо буржуазными экономистами, впоследствии было подхвачено социалистами. Предполагая теоретическую верность этой формулы, они обвиняли практику в том, что она противоречит теории и призывали буржуазное общество осуществить на практике мнимый вывод из его теоретического принципа. По крайней мере, таким способом английские социалисты обратили формулу меновой стоимости Рикардо против политической экономии. На долю г-на Прудона осталось не только объявить основной принцип старого общества принципом нового общества, но одновременно и провозгласить себя творцом формулы, в которой Рикардо подвел общий итог английской классической политической экономии. Доказано, что даже утопическое толкование формулы Рикардо в Англии уже бесследно исчезло, когда г-н Прудон по ту сторону пролива ее «открыл» (ср. мое сочинение «Misere de la Philosophie etc.». Paris, 1847 [«Нищета философии и т. д.». Париж, 1847] параграф о la valeur constituee [конституированной стоимости])}. Между тем, в действительности имеет место обратное. Ergo {Следовательно}, это возражение сводится к проблеме: каким образом производство на базе меновой стоимости, определяемой исключительно рабочим временем, приводит к тому результату, что меновая стоимость труда меньше, чем меновая стоимость его продукта? Эту проблему мы разрешаем в исследовании капитала.

В-третьих: Рыночная цена товаров падает ниже или поднимается выше их меновой стоимости вместе с изменением отношения между спросом и предложением. Поэтому меновая стоимость товаров определяется отношением спроса и предложения, а не содержащимся в этих товарах рабочим временем. В действительности в этом странном заключении лишь ставится вопрос, каким образом на основе меновой стоимости развивается отличная от нее рыночная цена, – или, вернее, каким образом закон меновой стоимости осуществляется только в своей собственной противоположности. Эта проблема разрешается в учении о конкуренции.

В-четвертых: Последнее противоречие и, по-видимому, самое разительное, хотя оно и не преподносится, как обычно, в форме курьезных примеров, следующее: если меновая стоимость есть не что иное, как содержащееся в товаре рабочее время, то каким образом могут товары, вовсе не содержащие в себе труда, обладать меновой стоимостью или, другими словами, откуда берется меновая стоимость того, что

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
создано исключительно силами природы? Эта проблема разрешается в учении о
земельной ренте.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ДЕНЬГИ, ИЛИ ПРОСТОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Во время парламентских прений по поводу банковских актов сэра Роберта Пиля от 1844 и 1845гг Гладстон заметил, что даже любовь не сделала столько людей дураками, сколько мудрствование по поводу сущности денег. Он говорил о британцах и обращался к британцам. Напротив, голландцы, эти люди, которые издавна обладали, вопреки сомнениям Петти, «божественным остроумием» в денежных спекуляциях, никогда не теряли своего остроумия и в спекулятивных размышлениях по поводу денег.

Главная трудность в анализе денег преодолена как только понято происхождение их из самого товара. При этой предпосылке дело заключается только лишь в том, чтобы понять в их чистом виде своеобразные присущие деньгам определенности формы, а это в известной мере затрудняется тем, что все буржуазные отношения выступают позолоченными или посеребренными, как денежные отношения, и поэтому кажется, что денежная форма обладает бесконечно многообразным содержанием, которое чуждо ей самой.

При дальнейшем исследовании необходимо иметь в виду, что речь идет только о тех формах денег, которые вырастают непосредственно из обмена товаров, но не о тех формах, которые принадлежат к более высокой ступени процесса производства, как, например, кредитные деньги. Ради упрощения в качестве денежного товара везде предполагается золото.

1. МЕРА СТОИМОСТЕЙ

Первый процесс обращения есть, так сказать, теоретический подготовительный процесс к действительному обращению. Товары, существующие как потребительные стоимости, создают себе прежде всего форму, в которой они идеально выступают по отношению друг к другу как меновые стоимости, как определенные количества овеществленного всеобщего рабочего времени. Первый необходимый акт этого процесса заключается, как мы видели, в том, что товары выделяют из своей среды один специфический товар, скажем золото, в качестве непосредственной материализации всеобщего рабочего времени или в качестве всеобщего эквивалента. Вернемся на минуту назад к форме, в которой товары превращают золото в деньги:

1 тонна железа = 2 унциям золота,

1 квартал пшеницы = 1 унции золота,

1 центнер кофе мокко = 1/4 унции золота,

1 центнер поташа = 1/2 унции золота,

1 тонна бразильского дерева = 1,5 унциям золота,

Y товара = X унции золота.

В этом ряде уравнений железо, пшеница, кофе, поташ и т. д. выступают друг для друга как материализация однородного труда, а именно материализованного в золоте труда, в котором совершенно стерты все особенности действительных видов труда, представленных в различных потребительных стоимостях этих товаров. Как стоимости, они тождественны; они суть воплощение одного и того же труда или одна и та же материализация труда, золото. Как однородная материализация одного и того же труда, они обнаруживают только одно различие, количественное, или выступают как стоимости различной величины, потому что в их потребительных стоимостях содержится неравное количество рабочего времени. В качестве таких отдельных товаров они вместе с тем относятся друг к другу как овеществление всеобщего рабочего времени, поскольку они относятся к самому всеобщему рабочему времени как к выделенному товару, золоту. Это же самое, имеющее характер процесса отношение, посредством которого они представляются друг для друга как меновые стоимости, представляет содержащееся в золоте рабочее время как всеобщее рабочее время, данное количество которого выражается в различных количествах железа, пшеницы, кофе и т. д., — короче, в потребительных стоимостях всех товаров, или непосредственно развертывается в бесконечном ряде товарных эквивалентов. В то время как товары всесторонне выражают свои меновые стоимости

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
в золоте, золото непосредственно выражает свою меновую стоимость во всех товарах. В то время как товары придают самим себе форму меновой стоимости по отношению друг к другу, золоту они придают форму всеобщего эквивалента, или денег.

Так как все товары измеряют свои меновые стоимости в золоте соответственно отношению, в котором определенное количество золота и определенное количество товара содержат равное рабочее время, то золото становится мерой стоимостей; и первоначально только благодаря этому своему определению как меры стоимостей, в качестве которой оно измеряет свою собственную стоимость непосредственно во всех имеющихся товарных эквивалентах, золото становится всеобщим эквивалентом, или деньгами. С другой стороны, меновая стоимость всех товаров выражается теперь в золоте. В этом выражении следует различать качественный и количественный моменты. Меновая стоимость товара существует как материализация одного и того же однородного рабочего времени; величина стоимости товара представлена исчерпывающе, так как в том же отношении, в котором товары приравнены к золоту, они приравнены и друг к другу. С одной стороны, здесь выступает всеобщий характер содержащегося в них рабочего времени, с другой стороны – количество последнего в их золотом эквиваленте. Меновая стоимость товаров, выраженная таким образом, как всеобщая эквивалентность и одновременно как степень этой эквивалентности в одном специфическом товаре, или в одном-единственном уравнении товаров со специфическим товаром, есть цена. Цена – это превращенная форма, в которой меновая стоимость товаров выступает в процессе обращения.

Таким образом, посредством того самого процесса, в котором товары представляют свои стоимости как цены в золоте, они представляют золото как меру стоимости, т. е. как деньги. Если бы товары всесторонне измеряли свои стоимости в серебре, пшенице или меди и поэтому представляли их в качестве цен в серебре, пшенице или меди, то серебро, пшеница или медь сделались бы мерой стоимости и тем самым всеобщим эквивалентом. Чтобы выступить в обращении в качестве цен, товары должны быть до обращения меновыми стоимостями. Мерой стоимостей золота становится только потому, что все товары в нем оценивают свою меновую стоимость. Всесторонность этого находящегося в состоянии процесса отношения, из которого только и возникает характер золота как меры стоимости, предполагает, однако, что каждый отдельный товар измеряется в золоте в соответствии с содержащимся в них обоим рабочим временем, что, следовательно, действительной мерой товара и золота служит сам труд, или что товар и золото путем непосредственной меновой торговли приравниваются друг к другу как меновые стоимости. Каким образом происходит это приравнивание на практике, не может быть исследовано в сфере простого обращения. Очевидно, однако, что в странах, производящих золото и серебро, определенное рабочее время непосредственно воплощается в определенном количестве золота и серебра, тогда как в странах, не производящих ни золота, ни серебра, тот же самый результат достигается окольным путем, при помощи прямого или опосредствованного обмена товаров данной страны, т. е. при помощи обмена определенной части национального среднего труда, на определенное количество материализованного в золоте и серебре рабочего времени стран, обладающих рудниками. Чтобы золото могло служить мерой стоимостей, оно должно быть стоимостью, способной изменяться, ибо оно может сделаться эквивалентом других товаров только как воплощение рабочего времени, между тем одно и то же рабочее время с изменением производительной силы реального труда воплощается в неравных количествах тех же самых потребительных стоимостей. Как при выражении меновой стоимости всякого товара в потребительной стоимости другого товара, так и при оценке всех товаров в золоте предполагается лишь, что золото в данный момент представляет определенное количество рабочего времени. В отношении изменений в стоимости золота имеет силу развитый выше закон меновых стоимостей. Если меновая стоимость товаров остается неизменной, то всеобщее повышение их цен в золоте возможно только в том случае, если падает меновая стоимость золота. Если меновая стоимость золота остается неизменной, то всеобщее повышение цен в золоте возможно лишь в том случае, если меновые стоимости всех товаров повышаются. Обратное происходит в случае всеобщего понижения товарных цен. Если стоимость унции золота вследствие изменения рабочего времени, требуемого для ее производства, падает или повышается, то она падает или повышается равномерно для всех других товаров, следовательно, она по-прежнему представляет по отношению ко всем товарам рабочее время данной величины. Те же самые меновые стоимости оцениваются теперь, в больших или меньших количествах золота, чем прежде, но они сохраняют то же самое отношение друг к другу. Отношение 2:4:8 есть то же самое, что отношение 1:2:4 или 4:8:16. Измененное количество золота, в котором меновые

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org

стоимости оцениваются при изменившейся стоимости золота, так же мало мешает золоту выполнять функцию меры стоимостей, как мало мешает вытеснить серебро из этой функции то обстоятельство, что стоимость серебра в 15 раз меньше стоимости золота. Так как мерой золота и товара служит рабочее время, а золото становится мерой стоимостей лишь постольку, поскольку все товары измеряются в нем, то представление, будто деньги делают товары соизмеримыми, есть всего лишь видимость процесса обращения {Аристотель, правда, понимает, что меновая стоимость товаров является предпосылкой товарных цен: «Что ... обмен происходил, когда еще не было денег, это ясно, ибо нет никакой разницы в том, взять ли за дом пять лож или столько денег, сколько стоят пять лож». Но, с другой стороны, так как товары только в цене приобретают форму меновой стоимости друг для друга, то, по его мнению, они становятся соизмеримыми лишь при помощи денег. «Поэтому необходимо, чтобы все было оценено; благодаря этому всегда будет обмен, а следовательно и общество. В самом деле, деньги в качестве меры делают соизмеримыми все предметы и после этого приравнивают их. Ибо не будь обмена, не было бы общества, не будь приравнивания, не было бы обмена, не будь соизмеримости предметов, не было бы приравнивания». Аристотель не скрывает от себя, что эти различные вещи, измеряемые деньгами, представляют собой совершенно несоизмеримые величины. Он ищет, в чем заключается единство товаров как меновых стоимостей, но, как античный грек, он этого найти не мог. Он выходит из этого затруднения, предполагая, что предметы, сами по себе несоизмеримые, становятся через посредство денег соизмеримыми, поскольку это необходимо для практических потребностей: «В сущности невозможно, чтобы столь различные предметы были соизмеримы, но для практической надобности это делается» (Arist. «Ethic. Nicom.», L. 5, C. 8, edit. Bekkeri, Oxonii, 1837 [Аристотель. «Никомахова этика», кн. 5, гл. 8, изд. Беккера, Оксфорд, 1837])}. Наоборот, только соизмеримость товаров как овеществленного рабочего времени делает золото деньгами.

Реальная форма, в которой товары вступают в процесс обмена, это – форма их потребительных стоимостей. Действительным всеобщим эквивалентом они должны еще стать посредством своего отчуждения. Определение их цен есть только идеальное превращение их во всеобщий эквивалент, есть такое приравнивание к золоту, которое еще подлежит реализации. Но так как товары в своих ценах превращены в золото лишь идеально или превращены только в мысленно представляемое золото, так как их денежное бытие в действительности еще не отделено от их реального бытия, то золото превратилось пока только в идеальные деньги, оно есть еще только мера стоимостей, а определенные количества золота функционируют в действительности еще только как названия для определенных количеств рабочего времени. От определенного способа, которым товары выражают друг в друге свою собственную меновую стоимость, зависит в каждом случае та определенность формы, в которой золото кристаллизуется как деньги.

Теперь товары противопоставляются друг другу как двойственные существа: реально – как потребительные стоимости, идеально – как меновые стоимости. Двойственную форму труда, содержащегося в них, они представляют теперь друг для друга таким образом, что особенный реальный труд в качестве их потребительной стоимости действительно имеется налицо, между тем как всеобщее абстрактное рабочее время получает в их цене мысленно представляемое бытие, в котором они суть однородная и только количественно различная материализация одной и той же субстанции стоимости.

Различие между меновой стоимостью и ценой представляется, с одной стороны, только номинальным; так, Адам Смит говорит, что труд есть реальная, а деньги – номинальная цена товаров. Вместо того, чтобы оценивать 1 квартал пшеницы в 30 рабочих дней, его оценивают теперь в 1 унцию золота, если одна унция золота представляет собой продукт 30 рабочих дней. Но, с другой стороны, это различие отнюдь не есть только различие названий, ибо в нем сосредоточены все превратности, угрожающие товару в действительном процессе обращения. 30 рабочих дней содержатся уже в квартере пшеницы, и поэтому его не приходится лишь теперь представлять в рабочем времени. Золото же – товар, отличный от пшеницы, и только в обращении может обнаружиться, действительно ли квартал пшеницы станет унцией золота, как об этом заранее объявляет его цена. Это зависит от того, окажется ли он потребительной стоимостью или нет, окажется ли содержащееся в нем количество рабочего времени общественно необходимым рабочим временем, требуемым для производства квартера пшеницы, или нет. Товар как таковой есть меновая стоимость, он имеет цену. В этом различии между меновой стоимостью и ценой проявляется то, что содержащийся в товаре особенный индивидуальный труд еще

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
должен через процесс отчуждения предстать в качестве своей противоположности, как лишенный индивидуальности абстрактно-всеобщий, и только в этой форме общественный труд, т. е. как деньги. Способен ли труд к такому превращению или нет, кажется делом случая. Поэтому, хотя в цене меновая стоимость товара получает отличное от него существование только идеально, а двойственное бытие содержащегося в товаре труда существует пока еще только как различие в способе выражения, и поэтому, с другой стороны, материализация всеобщего рабочего времени, золото, противостоит реальному товару еще только как мысленно представляемая мера стоимостей, – тем не менее в бытии меновой стоимости как цены или золота как меры стоимостей, уже заключается в скрытом виде необходимость отчуждения товара за звонкое золото и возможность того, что он не будет отчужден, короче, заключается в скрытом виде все противоречие, которое проистекает из того, что продукт является товаром или что особенный труд частного лица, чтобы иметь общественное значение, должен представляться как его прямая противоположность, как абстрактно-всеобщий труд. Утописты, которые хотят сохранить товар, но не деньги, сохранить покоящееся на частном обмене производство, но без необходимых условий этого производства, последовательны поэтому, когда они «уничтожают» деньги не только в их осязаемой форме, но уже в их газообразной и призрачной форме меры стоимостей. В невидимой мере стоимостей скрываются реальные деньги.

Если имеется налицо процесс, посредством которого золото стало мерой стоимостей, а меновая стоимость – ценой, то все товары в своих ценах суть лишь мысленно представляемое золото различного количества. Как такие различные количества одной и той же вещи, золота, они приравниваются друг к другу, сравниваются друг с другом и измеряются друг другом; таким образом возникает техническая необходимость относить их к определенному количеству золота как к единице измерения; последняя развивается далее в масштаб благодаря тому, что она делится на равные части, которые, в свою очередь, опять-таки делятся на равные части {Тот странный факт, что в Англии унция золота, как денежная единица измерения, не делится на целое число равных частей, объясняется следующим: «Наша монетная система первоначально была приспособлена к употреблению одного только серебра, – поэтому одна унция серебра может быть всегда разделена на определенное число равных монет; но так как золото было введено позднее в монетную систему, приспособленную исключительно к серебру, то одна унция золота не может быть разделена на целое число равноценных монет». MacLaren. «History of the currency», p. 16. London, 1858 [Макларен. «История средств обращения». Лондон, 1858, стр. 161}. Но количества золота, как таковые, измеряются по весу. Следовательно, масштаб находится уже в готовом виде в общих мерах веса металлов; поэтому эти меры веса при всяком металлическом обращении служат первоначально также масштабом цен. Так как товары относятся друг к другу уже не как меновые стоимости, подлежащие измерению рабочим временем, но как одноименные величины, измеряемые в золоте, золото превращается из меры стоимостей в масштаб цен. Сравнение товарных цен между собой, как различных количеств золота, кристаллизуется таким образом в знаках, которые соответствуют воображаемому количеству золота и представляют последнее как масштаб, разделенный на равные части. Золото как мера стоимостей и как масштаб цен обладает совершенно различными определенностями формы, и смешение одной с другой породило самые сумасбродные теории. Мерой стоимостей золото является как овеществленное рабочее время, масштаб цен – как определенный вес металла. Мерой стоимостей золото становится благодаря тому, что оно как меновая стоимость относится к товарам как к меновым стоимостям; а в качестве масштаба цен определенное количество золота служит единицей для других количеств золота. Мерой стоимостей золото является потому, что его стоимость изменчива, масштаб же цен – потому, что оно фиксируется в качестве неизменной весовой единицы. Здесь, как и при всяких определениях меры одноименных величин, устойчивость и определенность отношений меры являются решающим моментом. Необходимость установления определенного количества золота в качестве единицы измерения, а части, на которые оно разделено, – в качестве подразделений этой единицы, породила такое представление, будто определенное количество золота, которое имеет, конечно, изменчивую стоимость, поставлено в постоянное стоимостное отношение к меновым стоимостям товаров; при этом не замечают только, что меновые стоимости товаров превращены в цены, в количества золота раньше, чем золото развивается в масштаб цен. Как бы ни изменялась стоимость золота, различные количества золота находятся всегда в одинаковом стоимостном отношении друг к другу. Если бы стоимость золота упала на 1000 процентов, то и тогда, как и прежде, 12 унций золота обладали бы в 12 раз большей стоимостью, чем одна унция, а ведь в ценах дело идет только об отношении различных количеств золота друг к другу. Так как,

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
с другой стороны, унция золота с понижением или повышением ее стоимости никоим образом не изменяет своего веса, то не изменяется и вес ее подразделений, и таким образом золото, как твердо установленный масштаб цен, всегда оказывает ту же самую услугу, как бы ни изменялась его стоимость {«Деньги могут постоянно меняться в своей стоимости и тем не менее так же хорошо служить мерой стоимостей, как если бы их стоимость оставалась неизменной. Предположим, например, что их стоимость понизилась ... До понижения за одну гинею покупали три бушеля пшеницы, или 6 дней труда, после понижения – только два бушеля, или 4 дня труда. В обоих случаях, если дано отношение пшеницы и труда к деньгам, их взаимное отношение может быть определено; другими словами, мы можем утверждать, что один бушель пшеницы стоит 2 дней труда. Это все, что нам может дать мера стоимостей, и она оказывает эту услугу после понижения стоимости так же, как и до него. Пригодность какой-нибудь вещи в качестве меры стоимости совершенно не зависит от изменений ее собственной стоимости» (Bailey. «Money and its vicissitudes». London, 1837, p. 9–10 [Бейли. «Деньги и изменения их стоимости». Лондон, 1837, стр. 9–10])}

Исторический процесс, который мы ниже объясним из природы металлического обращения, имел своим следствием то, что одно и то же весовое название сохранялось для постоянно изменяющегося и уменьшающегося веса благородных металлов в их функции масштаба цен. Так, английский фунт обозначает менее 1/3 своего первоначального веса, шотландский фунт накануне объединения – всего лишь 1/36, французский ливр – 1/74, испанское мараведи – менее 1/1000 а португальский рейс – еще меньшую долю. Так денежные названия весовых частей металла исторически отделились от их общих весовых названий {«Монеты, названия которых теперь лишь идеальны, суть самые старые монеты каждой нации; некогда все они были реальны» (последнее в таком широком объеме неправильно), «и так как они были реальны, то на них и велся счет». (Galvani. «Della Moneta», 1. c., p. 153 [Галиани. «О деньгах», цитированное издание, стр. 153])}. Так как определение единицы измерения, ее кратных частей и их названий носит, с одной стороны, чисто условный характер, а с другой стороны, должно в пределах обращения обладать общепризнанным и обязательным характером, то оно по необходимости должно было стать таким определением, которое устанавливается законом. Таким образом, на долю правительств выпала чисто формальная операция {Романтик А. Мюллер говорит: «По нашему представлению, каждый независимый государь имеет право *aatskunst*». Berlin, 1809 [стр. 288. Часть вторая. А. Г. Мюллер. «Основы искусства государственного управления». Берлин, 1809]}. Что касается названия, то господин придворный советник прав; он забывает только о содержании. Насколько путанными были его «представления», показывает, например, следующее место: «Каждому ясно, какое большое значение имеет правильное определение монетной цены, особенно в такой стране, как Англия, где правительство с великодушной щедростью бесплатно чеканит монету (по-видимому, господин Мюллер полагает, что чиновники английского правительства покрывают расходы по чеканке монет из собственного кармана), не взимает монетной пошлины и т. п. Следовательно, если бы это правительство значительно повысило монетную цену золота сравнительно с его рыночной ценой, если бы, например, оно установило монетную цену одной унции золота в 3 фунта 19 шиллингов вместо 3 фунтов 17 шиллингов 10,5 пенсов, то все золото устремилось бы на монетный двор, полученное там серебро было бы обменено на рынке на более дешевое золото, и последнее было бы опять доставлено на монетный двор, и все монетное дело пришло бы в беспорядок» (стр. 280, 281 цитированного произведения). Чтобы сохранить порядок на английском монетном дворе, Мюллер приводит в «беспорядок» самого себя. В то время как шиллинги и пенсы суть только названия определенных частей унции золота, названия, представленные серебряными и медными знаками, Мюллер воображает, что унция золота оценивается в золоте, серебре и меди и таким образом осчастливливает англичан тройной *standard of value* [мерой стоимостей]. Правда, серебро в качестве денежной меры, существующей наряду с золотом, было формально отменено только в 1816г законом, изданным на 56-м году царствования Георга III, глава 68. Но по существу оно было отменено уже в 1734г законом, изданным на 14-м году царствования Георга II, глава 42, а практикой намного раньше. Двум обстоятельствам А. Мюллер был специально обязан своей способностью к так называемому более высокому пониманию политической экономии. Это были, с одной стороны, его полное незнание с экономическими фактами, а с другой стороны – его исключительно дилетантское, мечтательное отношение к философии}. Определенный металл, служивший в качестве денежного материала, был дан общественными условиями. В различных государствах узаконенный масштаб цен, конечно, различен. В Англии, например, унция, как единица веса металла, делится на *pennyweights*, *grains* и *carats troy* {пеннивайт, грани и тройские караты}, но унция золота, как единица меры денег, делится на 37/8

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
соверена, совершен на 20 шиллингов, шиллинг на 12 пенсов, так что 100 фунтов 22-каратного золота (1200 унций) = 4672 совершенам и 10 шиллингам. Однако на мировом рынке, где исчезают государственные границы, эти национальные характеристики денежных мер также исчезают и уступают место общим мерам веса металлов.

Цена товара, или количество золота, в которое товар идеально превращается, выражается теперь, следовательно, в денежных названиях золотого масштаба. Таким образом, вместо того, чтобы сказать, что квартал пшеницы равняется одной унции золота, в Англии сказали бы, что он равняется 3 фунтам стерлингов 17 шиллингам 10,5 пенсам. Все цены выражаются, таким образом, в одних и тех же названиях. Своеобразная форма, которую товары придают своей меновой стоимости, превратилась в денежное название, в котором они объявляют друг другу, сколько они стоят. Деньги, в свою очередь, становятся счетными деньгами {«Когда спросили Анахарсиса, для чего эллины употребляют деньги, он ответил: для счета» (Athen. «Deipnosophistae», L. IV, 49, v. 2, ed. Schweighauser, 1802 [Атений. «Застольные беседы ученых мужей», в пятнадцати книгах, кн. IV, 49, т. 2, издание Швейгхойзера, 1802, стр. 120])}.

Превращение товара в счетные деньги в голове, на бумаге, на словах происходит всякий раз, когда какой-нибудь вид богатства оценивается с точки зрения меновой стоимости {Гарнье, одному из первых французских переводчиков Адама Смита, пришла в голову странная мысль установить пропорцию между употреблением счетных денег и употреблением реальных денег. Такой пропорцией, по его мнению, является 10:1 (Garnier, G. «Histoire de la monnaie depuis les temps de la plus haute antiquite etc.», t. I, p. 78 [Гарнье, Ж. «История денег со времени самой ранней античности и т. д.», т. I, стр. 78])}. Для этого превращения необходим золотой материал, но лишь мысленно представляемый. Для того, чтобы оценить стоимость 1000 тюков хлопка в определенном количестве унций золота, а затем само это количество унций выразить в счетных названиях унции, т. е. в фунтах стерлингов, шиллингах и пенсах, не требуется ни одного атома реального золота. Так, в Шотландии перед банковским актом сэра Роберта Пиля 1845г в обращении не было ни одной унции золота, хотя унция золота, как английский счетный масштаб, выраженный в 3 ф. ст. 17 шилл. 10,5 п. служила узаконенной мерой цен. Так, серебро служит мерой цен при товарном обмене между Сибирью и Китаем, хотя эта торговля на деле является простой меновой торговлей. Поэтому для золота, как счетных денег, безразлично, действительно ли его единица измерения и ее подразделения чеканятся в виде монет или нет. В Англии, во времена Вильгельма Завоевателя, фунт стерлингов, равнявшийся тогда одному фунту чистого серебра, и шиллинг, равнявшийся 1/20 фунта, существовали только в качестве счетных денег, между тем как пенни, составлявший 1/240 фунта серебра, был наиболее крупной из существовавших тогда серебряных монет. Наоборот, в современной Англии не существует ни шиллингов, ни пенсов, хотя они представляют собой узаконенные счетные названия для определенных частей унции золота. Деньги как счетные деньги могут существовать вообще лишь идеально, в то время как действительно существующие деньги вычеканены по совершенно иному масштабу. Так, во многих английских колониях Северной Америки деньги, находившиеся в обращении вплоть до конца XVIII столетия, состояли из испанских и португальских монет, в то время как счетные деньги были повсюду те же самые, что и в Англии {В Мэриленде в 1723г был издан закон, по которому табак объявлялся законной монетой, но стоимость его была переведена на английские золотые деньги, а именно 1 пенни за фунт табака. Этот закон напоминает *leges barbarorum*, где, наоборот, определенные денежные суммы приравнивались к быкам, коровам и т. п. В последнем случае не золото и не серебро, а бык и корова составляли действительный материал счетных денег}.

Так как золото в качестве масштаба цен выступает под теми же самыми счетными названиями, как и товарные цены, – например, унция золота, точно так же как и тонна железа, выражается в 3 ф. ст. 17 шилл. 10,5 п., – то эти счетные наименования золота называли его монетной ценой. Отсюда возникло странное представление, будто золото оценивается в своем собственном материале и, в отличие от всех других товаров, получает от государства твердую цепу. Установление счетных названий для определенных весовых количеств золота ошибочно принималось за установление стоимости этих весовых количеств {Так, например, мы читаем в «Familiar words» [«Дружеских словах»] г-на Давида Уркарта: «Стоимость золота должна измеряться при помощи самого золота; но как может какое-нибудь вещество быть мерилем своей собственной стоимости в других вещах? Стоимость золота должна быть установлена при помощи его собственного веса, которому при этом дается другое, фальсифицированное название, – таким образом получается, что унция золота стоит столько-то фунтов и частей фунта. Но это – фальсификация

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org меры, а не установление ее масштаба»}. Золото там, где оно служит элементом определения цен, а потому счетными деньгами, не имеет не только твердой, но и вообще никакой цены. Для того, чтобы золото имело цену, т. е. чтобы оно было выражено в каком-нибудь специфическом товаре в качестве всеобщего эквивалента, этот специфический товар должен был бы играть в процессе обращения такую же исключительную роль, как и золото. Но два товара, исключаящие все другие товары, взаимно исключают друг друга. Поэтому там, где серебро и золото согласно закону одновременно функционируют как деньги, т. е. как мера стоимостей, постоянно делались тщетные попытки рассматривать их как одну и ту же материю. Предполагать, что одинаковое рабочее время неизменно овеществляется в одинаковых пропорциях серебра и золота, значит предполагать в сущности, что серебро и золото суть одна и та же материя и что серебро, этот менее ценный металл, есть неизменная дробная часть золота. Начиная с правления Эдуарда III до времен Георга II история английского денежного обращения представляла собой непрерывный ряд его нарушений, вызванных коллизией между установленным по закону соотношением стоимости золота и серебра и действительными колебаниями их стоимости. То золото оценивалось слишком высоко, то серебро. Металл, оцененный слишком низко, изымался из обращения, переплавлялся в слитки и вывозился за границу. Тогда соотношение стоимостей обоих металлов вновь изменялось законодательным путем, но вскоре новая номинальная стоимость приходила в такой же конфликт с действительным соотношением стоимостей, как и старая. В наше время даже очень слабое и преходящее падение стоимости золота по сравнению с серебром, вследствие спроса на серебро со стороны Индии и Китая, вызвало во Франции в самых крупных масштабах то же явление, а именно вывоз серебра и вытеснение его из обращения золотом. В течение 1855, 1856 и 1857 гг. ввоз золота во Францию превышал его вывоз на 41580000 ф. ст., между тем как превышение вывоза серебра над его ввозом составляло 34704000 фунтов стерлингов. Фактически в таких странах, как Франция, где по закону оба металла являются мерой стоимостей и оба должны приниматься при платежах, — причем каждый по желанию может платить в том или другом металле, — тот металл, стоимость которого повышается, приобретает лаж и, подобно всякому другому товару, измеряет свою цену в металле, оцененном слишком высоко, в то время как мерой стоимостей служит только этот последний. Весь исторический опыт в этой области сводится просто к тому, что там, где по закону функцией меры стоимостей были наделены два товара, фактически эта функция всегда закреплялась лишь за одним из них {«Деньги, как мера в торговле, должны, подобно всякой другой мере, как можно долгие сохранять устойчивость. Но это невозможно там, где деньги состоят из двух металлов, отношение стоимостей которых постоянно изменяется». (John Locke. «Some considerations on the lowering of interest etc.». 1691; p. 65, в его «works», 7 ed., London, 1768, vol. II [Джон Локк. «Некоторые соображения о понижении процента и т. д.». 1691; стр. 65, Сочинения, т. II, изд. 7, Лондон, 1768])}.

В. ТЕОРИИ ДЕНЕЖНОЙ ЕДИНИЦЫ ИЗМЕРЕНИЯ

То обстоятельство, что товары в своих ценах превращаются в золото только идеально, а золото поэтому только идеально превращается в деньги, послужило причиной появления теории идеальной денежной единицы измерения. Так как при определении цены золото и серебро функционируют только как мысленно представляемое золото и серебро, только как счетные деньги, то стали утверждать, что названия фунт стерлингов, шиллинг, пенс, талер, франк и т. д. обозначают не весовые части золота, или серебра, или каким-либо иным образом овеществленный труд, а обозначают, наоборот, идеальные атомы стоимости. Таким образом, если, например, стоимость унции серебра возросла, то она заключала бы больше таких атомов и должна была бы поэтому исчисляться и чеканиться в большем количестве шиллингов. Эта доктрина, вновь получившая распространение во время последнего торгового кризиса в Англии и даже представленная в двух специальных парламентских отчетах, приложенных к отчету Комитета по банковским делам за 1858 год, появилась на свет в конце XVII века. Ко времени начала правления Вильгельма III монетная цена унции серебра составляла в Англии 5 шилл. 2 п., или 1/62 унции серебра называлась пенни, а 12 таких пенсов — шиллингом. В соответствии с этим масштабом из куска серебра весом, например, в 6 унций чеканили 31 монету под названием шиллинг. Но рыночная цена унции серебра поднялась выше ее монетной цены, с 5 шилл. 2 п. до 6 шилл. 3 п., и для того, чтобы купить одну унцию чистого серебра, нужно было уплатить 6 шиллингов 3 пенса. Каким образом рыночная цена унции серебра могла подняться выше ее монетной цены, если монетная цена есть только счетное название для кратных частей унции серебра? Эта загадка разрешалась просто. Из 5600000 ф. ст. серебряных денег, находившихся тогда в обращении, четыре миллиона ф. ст. состояли из стертых и обрезанных монет. В

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org

результате одной проверки обнаружилось, что 57200 ф. ст. в серебряных монетах, которые должны были весить 220000 унций, весили только 141000 унций. Монетный двор чеканил по прежнему масштабу, но действительно находившиеся в обращении легковесные шиллинги представляли меньшие части унции, чем показывало их название. Следовательно, за унцию серебра на рынке приходилось уплачивать большее число этих уменьшенных в весе шиллингов. Когда вследствие возникшего таким образом расстройств решено было произвести общую перечеканку монет, secretary to the treasury {секретарь казначейства} Лаундс утверждал, что стоимость унции серебра повысилась и поэтому впредь из нее надо чеканить 6 шилл. 3 п. вместо 5 шилл. 2 п., как было до сих пор. Таким образом, он в сущности утверждал, что так как стоимость унции повысилась, то стоимость ее частей понизилась. Но его ложная теория была лишь прикрасой для правильной практической цели. Государственные долги были сделаны в легковесных шиллингах, так следует ли уплачивать их в полновесных? Вместо того, чтобы сказать: возвратите 4 унции серебра там, где вы получили номинально 5 унций, а фактически только 4 унции, он говорил наоборот: возвратите номинально 5 унций, но сведите их металлическое содержание до 4 унций и назовите шиллингом то, что вы до сих пор называли 4/5 шиллинга. Таким образом, Лаундс на деле придерживался металлического содержания, в то время как в теории он отстаивал счетное название. Его противники, которые придерживались только счетного названия и потому объявляли шиллинг, потерявший 25–50% своего веса, равнозначным полновесному шиллингу, утверждали, наоборот, что они придерживаются только металлического содержания. Джон Локк, который представлял новую буржуазию во всех ее формах – промышленников против рабочих и пауперов, коммерсантов против старомодных ростовщиков, финансовую аристократию против государственных должников, и который даже доказывал в одном своем сочинении, что буржуазный рассудок есть нормальный человеческий рассудок, – принял также и вызов Лаундса. Джон Локк одержал победу, и деньги, полученные займы в гинеях, содержащих в себе от 10 до 14 шиллингов, были возвращены в гинеях, содержащих 20 шиллингов {Локк говорит между прочим: «Назовите кроной то, что раньше называлось половиной кроны. Стоимость ее по-прежнему будет определяться металлическим содержанием. Если бы вы могли уменьшить вес серебряной монеты на 1/20 ее веса, не уменьшая этим ее стоимости, то с таким же успехом вы могли бы уменьшить ее вес и на 19/20. По этой теории за фартинг, если он назван кроной, можно было бы купить такое же количество пряностей, шелка или других товаров, как за полноценную крону, содержащую в шестьдесят раз больше серебра. Все, что вы можете сделать, это снабдить меньшее количество серебра штемпелем и названием большего количества. Но ведь серебром, а не названием погашают долги и покупают товары. Если повышение стоимости денег по вашему мнению означает не что иное, как присвоение кратным частям куска серебра произвольных названий, например одной восьмой доли унции серебра названия пенни, то вы, действительно, можете поднять стоимость денег так высоко, как вам угодно». Одновременно Локк отвечал Лаундсу, что повышение рыночной цены серебра выше его монетной цены происходит не от «повышения стоимости серебра, а от уменьшения веса серебряных монет». 77 стертых и обрезанных шиллингов не весят ни на гран больше, чем 62 полновесных. Наконец, он правильно подчеркивал, что, независимо от уменьшения количества серебра в обращающихся монетах, рыночная цена серебра в слитках в Англии может подняться несколько выше монетной цены по той причине, что вывоз серебра в слитках разрешен, вывоз же серебряной монеты воспрещен (см. цитированное произведение, стр. 54–116, в разных местах). Локк чрезвычайно острогегался затрагивать жгучий вопрос о государственных долгах, равно как осторожно избегал обсуждения одного деликатного экономического вопроса. Последний заключался в следующем: вексельный курс, так же как отношение между серебром в слитках и серебряной монетой, показывали, что находящиеся в обращении деньги обесценивались отнюдь не пропорционально действительному уменьшению в них серебра. Мы вернемся к этому вопросу в общей форме в разделе о средствах обращения. Николай Барбон в «A discourse concerning coining the new money lighter, in answer to Mr. Locke's considerations etc.», London, 1696 [«Трактат о чеканке новой монеты более легкого веса в ответ на «Соображения» г. Локка и т. д.», Лондон, 1696] безуспешно пытался заманить Локка в опасное место}. Сэр Джемс Стюарт иронически описывает всю эту операцию следующим образом:

«Правительство значительно выиграло на налогах, кредиторы – на капитале и процентах, а народ – единственный обманутый – радовался, так как его Standard (масштаб его собственной стоимости) не понизился» {Стюарт, цитированное произведение, т. II, стр. 156}.

Стюарт думал, что по мере дальнейшего развития торговли народ покажет себя более проницательным. Он ошибся. Приблизительно 120 лет спустя повторилось то же самое quid pro quo {недоразумение}.

Было в порядке вещей, что епископ Беркли, представитель мистического идеализма в английской философии, придал учению об идеальной денежной единице измерения теоретический характер, т. е. сделал то, что упустил сделать практичный «секретарь казначейства». Он спрашивает:

«Разве названия: ливр, фунт стерлингов, крона и т. п., не следует рассматривать как всего лишь простые названия отношений (а именно отношений абстрактной стоимости как таковой)? Разве золото, серебро или бумажные деньги представляют собой нечто большее, чем только билеты или знаки для счета, регистрации и контроля (отношений стоимости)? Разве власть, позволяющая командовать промышленной деятельностью других людей (общественным трудом), не богатство? И разве деньги на самом деле суть что-либо другое, чем марка, или знак для перенесения и регистрации такой власти, и разве представляет большую важность, из какого материала эти марки сделаны?» {«Вопрошатель». Раздел «Queries on money» [«Вопросы о деньгах»], кстати, написан остроумно. Между прочим, Беркли справедливо замечает, что как раз развитие североамериканских колоний «показало со всей ясностью, что золото и серебро не так необходимы для богатства нации, как воображают профаны всех рангов»}

Здесь имеет место смешение, с одной стороны, меры стоимостей с масштабом цен, а с другой стороны, золота или серебра в качестве меры стоимостей и в качестве средства обращения. Из того, что в акте обращения благородные металлы могут быть заменены знаками, Беркли заключает, что эти знаки, в свою очередь, не представляют ничего, т. е. представляют только абстрактное понятие стоимости.

Учение об идеальной денежной единице измерения развито у сэра Джемса Стюарта с такой полнотой, что его последователи – последователи бессознательные, так как они его не знали, – не находят ни новой формы выражения, ни даже нового примера. «Счетные деньги», – говорит он, – «суть не что иное, как произвольный масштаб с равными делениями, изобретенный для измерения относительной стоимости предметов, подлежащих продаже. Счетные деньги совершенно отличны от монетных денег (money coin), представляющих собой цену {цена означает здесь реальный эквивалент, как у английских писателей-экономистов XVII столетия}; они могли бы существовать даже в том случае, если бы на свете не существовало никакой субстанции, представляющей собой пропорциональный эквивалент для всех товаров. Счетные деньги служат тем же для стоимости предметов, чем градусы, минуты, секунды и т. д. для углов или масштабы – для географических карт и т. п. Во всех этих изобретениях всегда какое-нибудь наименование принимается за единицу. Как полезность всех подобных установлений ограничивается только тем, что они – показатель пропорций, так и полезность денежной единицы ограничивается тем же. Поэтому денежная единица не может иметь неизменно определенную пропорцию с какой-нибудь частью стоимости, т. е. она не может быть закреплена за каким-нибудь определенным количеством золота, серебра или какого-нибудь другого товара. Но если только эта единица дана, то мы можем посредством умножения доходить до наивысшей стоимости. Так как стоимость товаров зависит от общей совокупности влияющих на них обстоятельств и от капризов людей, то стоимости товаров должны рассматриваться как изменяющиеся только в их взаимном отношении. Все то, что нарушает и запутывает точное определение изменений пропорций посредством всеобщего, определенного и неизменного масштаба, должно вредным образом влиять и на торговлю. Деньги – только идеальный масштаб с равными делениями. Если меня спросят, что должно служить единицей измерения стоимости какого-нибудь из этих делений, то я отвечу на это другим вопросом: а какова нормальная величина градуса, минуты, секунды? Они не имеют никакой нормальной величины; но если только определено одно какое-нибудь деление, то, в соответствии с природой масштаба, все остальные деления должны устанавливаться соответственно данному делению. Примером таких идеальных денег служат банковские деньги в Амстердаме и деньги в Анголе, на африканском побережье» {Стюарт, цитированное произведение, т. II, стр.102–107}.

Стюарт ограничивается только проявлением денег в обращении в качестве масштаба цен и в качестве счетных денег. Если в преискуранте цены различных товаров обозначены в 15 шилл., 20 шилл., 36 шилл., то при сравнении величины их стоимостей меня, в сущности, не интересуют ни серебряное содержание шиллинга, ни его название. Отношение чисел 15:20:36 говорит нам теперь все, и число 1 сделалось единственной единицей измерения. Чисто абстрактным выражением пропорции является вообще только сама абстрактная пропорция чисел. Чтобы быть последовательным, Стюарт должен был поэтому игнорировать не только золото и серебро, но и их установленные законом монетные названия. Не понимая превращения меры стоимостей в масштаб цен, он, естественно, полагает, что определенное количество золота, служащее единицей измерения, относится как мера не к другим

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
количествам золота, а к стоимостям как таковым. Так как товары благодаря превращению своих меновых стоимостей в цены выступают как одноименные величины, то он отрицает качественную особенность меры, которая и делает их одноименными; так как в этом сравнении различных количеств золота величина того количества золота, которое служит единицей измерения, условна, то он отрицает, что эта величина вообще должна быть установлена. Вместо того, чтобы 1/360 часть круга называть градусом, он может назвать градусом 1/180 часть; тогда прямой угол равен был бы 45 градусам вместо 90, и соответственно изменилось бы измерение острых и тупых углов. Тем не менее, мерой угла по-прежнему осталась бы, во-первых, качественно определенная математическая фигура – круг и, во-вторых, количественно определенный отрезок круга. Что касается экономических примеров Стюарта, то одним из них он сам себя побивает, а другим ничего не доказывает. Банковские деньги в Амстердаме были в действительности только счетным названием для испанских дублонов, которые полностью сохранили свой жир благодаря праздному лежанию в подвалах банка, между тем как деятельно обращающаяся ходкая монета от постоянных трений с внешним миром отошала. Что же касается африканских идеалистов, то мы должны предоставить их собственной судьбе, пока путешественники в своих критических описаниях не сообщат нам более точных сведений о них {в связи с последним торговым кризисом определенные круги в Англии велеречиво прославляли африканские идеальные деньги, причем на этот раз их местонахождение перенесли с побережья в глубь Берберии. Отсутствие у берберийцев торговых и промышленных кризисов объясняли идеальной единицей измерения в виде их «Bars» [брусков металла]. Не проще ли было бы сказать, что *conditio sine qua non* [необходимым условием] торговых и промышленных кризисов является наличие торговли и промышленности?}. Почти идеальными деньгами в стюартовском смысле можно было бы назвать французский ассигнат: «Национальная собственность. Ассигнат в 100 франков». Здесь, правда, была точно указана та потребительная стоимость, которую ассигнат должен был представлять, а именно конфискованная земля, но количественное определение единицы измерения было забыто, и «франк» поэтому превратился в слово, лишенное смысла. Много или мало земли представлял франк ассигнатами, зависело от результатов публичного аукциона. На практике, однако, франк ассигнатами обращался как знак стоимости серебряных денег, и поэтому обесценение его измерялось в этом серебряном масштабе.

Период приостановки Английским банком размена банкнот на золото едва ли был богаче бюллетенями о сражениях, чем денежными теориями. Обесценение банкнот и превышение рыночной цены золота над его монетной ценой вновь вызвали к жизни среди некоторых защитников банка доктрину об идеальной мере денег. Классически путаное выражение для этой путаной теории нашел лорд Каслри, определивший денежную единицу измерения как «a sense of value in reference to currency as compared with commodities» {«представление о стоимости, вытекающее из сравнения денег с товарами»}. Когда через несколько лет после заключения Парижского мира обстоятельство позволили возобновить размен банкнот на золото, возник в почти неизменной форме тот же самый вопрос, который поднял Лаундс при Вильгельме III. Громадный государственный долг и накопившаяся в течение более 20 лет масса частных долгов, фиксированных обязательств и т. д., – были заключены в обесцененных банкнотах. Следовало ли возратить эти долги в банкнотах, которые в 4672 ф. ст. 10 шилл. не только номинально, но и фактически представляли 100 фунтов 22-каратного золота? Томас Атвуд, бирмингемский банкир, выступил как *Lowndes redivivus* {воскресший Лаундс}. Атвуд полагал, что кредиторы должны получить номинально столько же шиллингов, сколько номинально было обусловлено договором; но если, согласно прежнему достоинству монеты, шиллингом называлась, примерно, 1/78 унции золота, то теперь следовало окрестить шиллингом, скажем, 1/90 унции. Сторонники Атвуда известны под именем бирмингемской школы «*little Shillingmen*» {«сторонников малого шиллинга»}. Спор об идеальной мере денег, начавшийся в 1819г, продолжался еще и в 1845г между сэром Робертом Пилем и Атвудом, вся мудрость которого в части, касающейся функции денег как меры, исчерпывающим образом изложена в следующей цитате:

«Сэр Роберт Пиль в своей полемике с Бирмингемской торговой палатой спрашивает: что будет представлять ваша банкнота в 1 фунт стерлингов? Что такое фунт стерлингов?.. Или, наоборот, что следует понимать под нынешней единицей измерения стоимости? Означают ли 3 ф. ст. 17 шилл. и 10,5 п. одну унцию золота или же ее стоимость? Если самое унцию золота, то почему не называть вещи своими именами и вместо фунтов стерлингов, шиллингов и пенсов не говорить: унции, весовые пенни и граны? Тогда мы возвратимся к системе непосредственной меновой торговли... Или они означают стоимость? Если одна унция = 3 ф. ст. 17 шилл. 10,5 п., почему же она в различные времена стоила то 5 ф. ст. 4 шиллота. фунт

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
стерлингов – идеальная единица... Труд – субстанция, к которой сводятся издержки производства, и труд придает золоту, равно как и железу, его относительную стоимость. Поэтому, какое бы золотое счетное название ни употреблялось для обозначения дневного или недельного труда человека, оно выражает также стоимость произведенного товара» {«The currency question, the Gemini letters». London, 1844, p. 266–272 *passim* [«Вопросы денежного обращения, письма близнецов». Лондон, 1844, стр. 266– 272, в разных местах]}.

В последних словах рассеивается туманное представление об идеальной мере денег и прорывается его настоящее идейное содержание. Счетные названия золота: фунт стерлингов, шиллинг и т. п., должны быть названиями определенных количеств рабочего времени. Так как рабочее время есть субстанция и имманентная мера стоимостей, то, следовательно, эти названия действительно представляли бы самые пропорции стоимости. Другими словами, рабочее время утверждается в качестве истинной денежной единицы измерения. Тем самым мы уже выходим за пределы бирмингемской школы, но мимоходом заметим еще, что учение об идеальной мере денег приобрело новое значение в спорном вопросе о разменности или неразменности банкнот. Если бумажные деньги получают свое наименование от золота или серебра, то разменность банкноты, т. е. ее способность обмениваться на золото или серебро, остается экономическим законом, независимо от того, каков юридический закон. Так, например, прусский бумажный талер, хотя и неразменный по закону, немедленно подвергся бы обесценению, если бы он стоил в обыденном обращении меньше серебряного талера, т. е. если бы он не разменивался на практике. Поэтому последовательные защитники неразменных бумажных денег в Англии искали прибежища в идеальной мере денег. Если счетные названия денег, фунты стерлингов, шиллинги и т. п., суть названия для определенной суммы атомов стоимости, которые то в большем, то в меньшем количестве поглощаются или выделяются данным товаром при обмене его на другие товары, то, например, английская пятифунтовая банкнота так же независима от своего отношения к золоту, как от своего отношения к железу и хлопку. Так как название этой банкноты перестало бы означать теоретическое приравнение ее к определенному количеству золота или какого-либо другого товара, то требование ее разменности, т. е. ее практического приравнения к определенному количеству какой-либо специфической вещи, было бы исключено самим понятием этой банкноты.

Учение о рабочем времени как непосредственной денежной единице измерения было впервые систематически развито Джоном Греем {John Gray. «The social system. A treatise on the principle of exchange». Edinburgh, 1831 [Джон Грей. «Социальная система. Трактат о принципах обмена». Эдинбург, 1831]. Ср. его же «Lectures on the nature and use of money». Edinburgh, 1848 [«лекции о природе и употреблении денег». Эдинбург, 1848]}. После февральской революции Грей послал французскому временному правительству памятную записку, в которой поучал последнее тому, что Франция якобы нуждается не в «organisation of labour» [«организации труда»], а в «organisation of exchange» [«организации обмена»], план которой полностью разработан в измышленной им денежной системе. Добрый Джон не подозревал, что через 16 лет после появления его «Социальной системы» патент на это самое открытие будет получен столь изобретательным Прудоном}. Он предлагает, чтобы национальный центральный банк при помощи своих филиалов удостоверял рабочее время, затраченное на производство различных товаров. В обмен за свой товар производитель получает официальное свидетельство его стоимости, т. е. квитанцию на такое количество рабочего времени, какое содержится в его товаре {Грей. «Социальная система и т. д.», стр. 63: «Деньги должны быть только квитанцией, свидетельством того, что обладатель их либо вложил известную стоимость в фонд национального богатства, либо приобрел право на указанную стоимость от какого-либо лица, вложившего ее туда»}; эти банкноты на 1 рабочую неделю, 1 рабочий день, 1 рабочий час и т. д. вместе с тем служат удостоверением на получение эквивалента в виде любого из других товаров, находящихся на складах банка {«Когда определенная стоимость уже овеществлена в продукте, она может быть положена в банк и может быть по первому требованию взята из него обратно, с тем, однако, общепризнанным условием, что лицо, вложившее в проектируемый национальный банк какое-нибудь имущество, может взять обратно равноценную стоимость в любом другом виде, не будучи обязано взять именно ту самую вещь, которую оно положило в банк». Цитированное произведение, стр. 67–68}. Таков основной принцип Грея, тщательно разработанный им в деталях и во всем приспособленный к существующим английским учреждениям. При такой системе, – говорит Грей, – «было бы в любое время так же легко продать за деньги, как теперь легко за деньги купить; производство было бы равномерным и никогда неиссякающим источником спроса» {Цитированное произведение, стр. 16}.

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
Благородные металлы утратили бы свое «привилегированное» положение по отношению к другим товарам и
«заняли бы подобающее им место на рынке рядом с маслом, яйцами, сукном и ситцем, а их стоимость интересовала бы нас не больше, чем стоимость алмазов» {Грей. «Лекции о природе и употреблении денег», стр. 182}.

«Должны ли мы сохранить нашу воображаемую меру стоимостей, золото, и тем самым сковать производительные силы страны или мы должны обратиться к естественной мере стоимостей, к труду, и освободить производительные силы страны?»
{Цитированное произведение, стр. 169}.

Если рабочее время – имманентная мера стоимостей, то почему же рядом с ним существует другая, внешняя мера? Почему меновая стоимость развивается в цену? Почему все товары измеряют свою стоимость в одном особом товаре, который превращается таким образом в адекватное бытие меновой стоимости, в деньги? Такова была проблема, которую Грей должен был разрешить. Вместо того, чтобы ее разрешить, он вообразил, что товары могли бы находиться в непосредственном отношении друг к другу как продукты общественного труда. Но они могут относиться друг к другу только в качестве того, что они действительно собой представляют. Товары суть непосредственно продукты обособленных, независимых частных работ, которые посредством своего отчуждения в процессе частного обмена должны доказать свой характер всеобщего общественного труда; иначе говоря, труд на основе товарного производства становится общественным трудом лишь посредством всестороннего отчуждения индивидуальных работ. Если же Грей принимает содержащееся в товарах рабочее время за непосредственно общественное, то он принимает его за обобществленное рабочее время или за рабочее время непосредственно ассоциированных индивидуумов. В таком случае действительно какой-нибудь один специфический товар, вроде золота и серебра, не мог бы противостоять другим товарам в качестве воплощения всеобщего труда, меновая стоимость не превращалась бы в цену; но вместе с тем и потребительная стоимость не становилась бы меновой стоимостью, продукт не становился бы товаром, и таким образом была бы уничтожена самая основа буржуазного производства. Это, однако, совсем не то, что имеет в виду Грей. Грей считает, что продукты должны производиться как товары, но обмениваться не как товары. Грей возлагает исполнение этого благого желания на национальный банк. С одной стороны, общество в лице банка делает индивидуумов независимыми от условий частного обмена, а с другой стороны, оно заставляет этих индивидуумов продолжать производство на основе частного обмена. Между тем внутренняя последовательность заставляет Грея отвергать одно за другим условия буржуазного производства, хотя он хочет «реформировать» только возникшие из товарного обмена деньги. Так, он превращает капитал в национальный капитал {«Дела каждой страны должны вестись на национальный капитал» (Джон Грей. «Социальная система», стр. 171)}, земельную собственность – в национальную собственность {«Земля должна быть обращена в национальную собственность»}. (Цитированное произведение, стр. 298)}, и если внимательно приглядеться к деятельности его банка, то можно обнаружить, что он не только одной рукой принимает товары, а другой выдает свидетельства на доставленный труд, но и регулирует самое производство. В своем последнем сочинении «Лекции о природе и употреблении денег», в котором он робко старается представить свои рабочие деньги как чисто буржуазную реформу, Грей запутывается в еще более вопиющей бессмыслице.

Каждый товар есть непосредственно деньги. Такова была теория Грея, выведенная из его неполного и потому неверного анализа товара. «Органическое» конструирование «рабочих денег», «национального банка» и «товарных складов» – всего лишь фантазия, в которой догма обманчиво преподносится как управляющий миром закон. Догма, согласно которой товар есть непосредственно деньги или содержащийся в товаре особенный труд частного лица есть непосредственно общественный труд, не становится, конечно, истиной оттого, что какой-то банк верит в нее и действует сообразно с ней. Напротив, в таком случае банкротство взяло бы на себя роль практической критики. То, что у Грея остается скрытым и неизвестным ему самому, а именно, что рабочие деньги суть экономически звучащая фраза, прикрывающая благое желание уничтожить деньги, вместе с деньгами – меновую стоимость, вместе с меновой стоимостью – товар, а с товаром – буржуазную форму производства, – это прямо высказывается некоторыми английскими социалистами, писавшими частью раньше Грея, частью после него {См., напр., W. Thompson. «An inquiry into the distribution of wealth etc.». London, 1824 [У. Томпсон. «Исследование принципов распределения богатства и т. д.». Лондон, 1824]; Bray. «Labours wrongs and labours remedy». Leeds, 1839 [Брей. «Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению». Лидс, 1839]}. Но только на долю господина Прудона и

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
его школы выпала задача – всерьез проповедовать низвержение денег и превознесение товара в качестве сущности социализма и тем самым свести социализм к элементарному непониманию необходимой связи между товаром и деньгами {В качестве сжатого изложения этой мелодраматической теории денег можно рассматривать книгу: Alfred Darimon. «De la reforme des banques». Paris, 1856 [Альфред Даримон. «О реформе банков». Париж, 1856]}.

2. СРЕДСТВО ОБРАЩЕНИЯ

После того как товар в процессе установления цены приобрел свою пригодную для обращения форму, а золото – свой характер денег, обращение стало одновременно представлять и разрешать те противоречия, которые заключал в себе процесс обмена товаров. Действительный обмен товаров, т. е. общественный обмен вещей, происходит в виде перемены форм, в которой разворачивается двойственная природа товара как потребительной стоимости и меновой стоимости, но в которой вместе с тем перемена форм самого товара кристаллизуется в определенных формах денег. Представить эту перемену форм значит представить обращение. Подобно тому, как товар есть, как мы видели, развитая меновая стоимость только тогда, когда предполагается мир товаров и тем самым фактически развитое разделение труда, так и обращение предполагает всесторонние акты обмена и постоянное их возобновление. Вторая предпосылка заключается в том, что товары вступают в процесс обмена как товары с определенными ценами или в самом процессе обмена выступают в двойственном существовании друг для друга; реально как потребительные стоимости, идеально – в цене – как меновые стоимости.

На самых оживленных улицах Лондона теснятся магазины, в витринах которых сверкают все богатства мира: индийские шали, американские револьверы, китайский фарфор, парижские корсеты, русские меха и тропические пряности; но все эти вещи мирского наслаждения носят на лбу роковые беловатые бумажные знаки с арабскими цифрами и лако

а) Метаморфоз товаров

При ближайшем рассмотрении процесс обращения показывает нам две различные формы кругооборотов. Если мы назовем товар – Т, а деньги – Д, то мы можем обе эти формы выразить следующим образом:

Т–Д–Т

Д–Т–Д

В настоящем разделе нас занимает исключительно первая форма, или непосредственная форма товарного обращения.

Кругооборот Т–Д–Т разлагается на движение Т–Д, обмен товара на деньги, или продажу, на противоположное движение Д–Т, обмен денег на товар, или покупку, и на единство обоих движений, Т–Д–Т, обмен товара на деньги с целью обмена этих денег на товар, или продажу для покупки. Однако результатом, в котором самый процесс угасает, оказывается Т–Т, обмен товара на товар, действительный обмен вещей.

Т–Д–Т, если взять за исходный пункт первый товар, представляет собой превращение этого товара в золото и его обратное превращение из золота в товар, или движение, в котором товар сначала существует как особенная потребительная стоимость, затем сбрасывает это существование и приобретает освобожденное от всякой связи с его природным бытием существование в качестве меновой стоимости или всеобщего эквивалента; потом он сбрасывает и эту форму и, в конце концов, остается в качестве действительной потребительной стоимости, предназначенной для удовлетворения отдельной потребности. В этой последней форме он покидает сферу обращения и переходит в сферу потребления. Обращение Т–Д–Т в целом представляет собой поэтому прежде всего полный ряд метаморфозов, которые каждый отдельный товар проходит для того, чтобы стать непосредственной потребительной стоимостью для своего владельца. Первый метаморфоз происходит в первой половине обращения Т–Д, второй – во второй половине Д–Т, а обращение в целом образует *circuitum vitae* {жизненный путь} товара. Но обращение Т–Д–Т есть полный метаморфоз отдельного товара только тогда, когда оно одновременно есть сумма определенных односторонних метаморфозов других товаров, потому что каждый метаморфоз первого товара есть его превращение в другой товар, следовательно, превращение другого товара в него, следовательно, двустороннее превращение, совершающееся в одной и

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
той же стадии обращения. Мы должны сначала рассмотреть отдельно каждый из двух процессов обмена, на которые распадается обращение T–D–T.

T–D, или продажа: T, товар, вступает в процесс обращения не только как особенная потребительная стоимость, например как тонна железа, но как потребительная стоимость определенной цены, предположим в 3 ф. ст. 17 шилл. 10,5 п., или в 1 унцию золота. Эта цена, будучи с одной стороны показателем содержащегося в железе количества рабочего времени, т. е. величины его стоимости, вместе с тем выражает благое желание железа превратиться в золото, т. е. придать содержащемуся в нем самом рабочему времени форму всеобщего общественного рабочего времени. Если эта перемена субстанции не удастся, тонна железа перестает быть не только товаром, но и продуктом, ибо она является товаром только потому, что представляет собой непотребительную стоимость для своего владельца, иначе говоря, труд последнего есть действительный труд только в качестве полезного труда для других, для него же самого он полезен только в качестве абстрактно-всеобщего труда. Поэтому задача железа или его владельца заключается в том, чтобы найти в мире товаров тот пункт, где железо притягивает золото. Но эта трудность, *salto mortale* {головомомный прыжок} товара, преодолевается, если продажа, как мы и предполагаем здесь в анализе простого обращения, действительно совершается. Тонна железа, реализуясь как потребительная стоимость путем своего отчуждения, т. е. своего перехода из рук, где она является не потребительной стоимостью, в руки, где она является потребительной стоимостью, вместе с тем реализует свою цену и превращается из золота лишь мысленно представляемого в действительное золото. На место названия одной унции золота, или 3 ф. ст. 17 шилл. 10,5 п., теперь вступила одна унция действительного золота, а тонна железа освободила свое место. Благодаря продаже T–D не только товар, который в своей цене был идеально превращен в золото, превращается в золото реально, но благодаря этому же самому процессу золото, которое в качестве меры стоимости было только идеальными деньгами и в сущности фигурировало только как денежные названия самих товаров, превращается в действительные деньги {«Деньги бывают двух родов, идеальные и реальные, и употребляются они двояким образом: для оценки вещей и для покупки их. Для оценки вещей идеальные деньги так же пригодны, как и реальные, и, может быть, даже более пригодны... Другое употребление денег состоит в покупке тех самых вещей, которые они оценивают... Цены определяются и контракты заключаются в идеальных деньгах, а приводятся в исполнение в реальных деньгах». (Галиани, цитированное произведение, стр. 112 и сл.)}. Если раньше золото сделалось идеальным всеобщим эквивалентом, потому что все товары измеряли в нем свою стоимость, то теперь в качестве продукта всестороннего отчуждения товаров на золото, – а продажа T–D и есть процесс всеобщего отчуждения, – золото становится абсолютно отчуждаемым товаром, реальными деньгами. Но в продаже золото становится деньгами реально только потому, что меновые стоимости товаров в своих ценах были уже золотом идеально.

В продаже T–D, как и в покупке D–T, друг другу противостоят два товара, каждый из которых представляет собой единство меновой стоимости и потребительной стоимости; но в товаре меновая стоимость его существует лишь идеально как цена, между тем как в золоте, хотя оно само представляет собой действительную потребительную стоимость, его потребительная стоимость существует лишь как носитель меновой стоимости и поэтому лишь как формальная потребительная стоимость, не относящаяся ни к какой действительной индивидуальной потребности. Таким образом, противоположность между потребительной стоимостью и меновой стоимостью разделяется полярным образом между обоими членами формулы T–D, так что товар противостоит золоту как потребительная стоимость, которая свою идеальную меновую стоимость, цену, должна еще реализовать в золоте, между тем как золото противостоит товару как меновая стоимость, которая свою формальную потребительную стоимость материализует только в товаре. Лишь путем этого раздвоения товара на товар и золото и, далее, путем двойного противопоставления, в котором каждый крайний член идеально представляет собой то, что противоположный ему член есть реально, и реально представляет собой то, что противоположный член есть идеально» т. е. только путем представления товаров как двусторонне полярных противоположностей, разрешаются противоречия, заключенные в процессе их обмена.

Мы рассматривали до сих пор T–D как продажу, превращение товара в деньги. Но если мы взглянем со стороны другого крайнего члена, то этот же самый процесс представится, напротив, как D–T, как покупка, как превращение денег в товар. Продажа неизбежно есть одновременно и ее противоположность, покупка: это

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org

продажа, если рассматривать процесс с одной стороны, и покупка, если рассматривать его с другой стороны. Иначе говоря, в действительности этот процесс различается лишь тем, что в Т-Д инициатива исходит со стороны товара, или продавца, а в Д-Т – со стороны денег, или покупателя. Следовательно, представляя первый метаморфоз товара, превращение товара в деньги, как результат завершения первой стадии обращения Т-Д, мы вместе с тем предполагаем, что какой-то другой товар уже превратился в деньги и, стало быть, находится уже во второй стадии обращения Д-Т. Таким образом, мы попадаем в порочный круг предпосылок. Само обращение есть этот порочный круг. Если мы не будем рассматривать Д в Т-Д как уже совершившийся метаморфоз какого-нибудь другого товара, то мы вырвем данный акт обмена из процесса обращения. Но вне последнего исчезает форма Т-Д, и друг другу противостоят только два различных Т, например железо и золото, обмен которых представляет собой не особый акт обращения, а акт непосредственной меновой торговли. Золото у источника своего производства – такой же товар, как и всякий другой товар. Его относительная стоимость и относительная стоимость железа или любого другого товара представляется здесь в тех количествах, в которых они взаимно обмениваются. Но в процессе обращения эта операция уже предполагается; в товарных ценах собственная стоимость золота уже дана. Поэтому не может быть ничего ошибочнее, чем представление, будто в процессе обращения золото и товар вступают между собой в отношение непосредственной меновой торговли, и поэтому их относительная стоимость устанавливается якобы посредством их обмена как простых товаров. Если кажется, будто в процессе обращения золото обменивается на товары как простой товар, то эта иллюзия проистекает просто оттого, что в ценах определенное количество товара уже приравнено к определенному количеству золота, т. е. отнесено уже к золоту как к деньгам, как к всеобщему эквиваленту, и поэтому может непосредственно на него обмениваться. Поскольку цена товара реализуется в золоте, товар обменивается на золото как на товар, как на особую материализацию рабочего времени; но поскольку в золоте реализуется цена товара, последний обменивается на золото не как на товар, а как на деньги, т. е. на золото как всеобщую материализацию рабочего времени. Но в обоих отношениях количество золота, на которое обменивается товар в процессе обращения, определяется не обменом, а, наоборот, обмен определяется ценой товара, т. е. его меновой стоимостью, выраженной в золоте {Это не исключает, конечно, того, что рыночная цена товаров может быть выше или ниже их стоимости. Однако эта оговорка не касается простого обращения и относится к совершенно другой сфере, которая подлежит рассмотрению позднее, там, где мы подвергнем исследованию отношение между стоимостью и рыночной ценой}.

В процессе обращения золото в любых руках выступает результатом продажи Т-Д. Но так как Т-Д, продажа, вместе с тем есть Д-Т, покупка, то оказывается, что в то время как Т, товар, с которого процесс начинается, совершает свой первый метаморфоз, другой товар, составляющий противоположный полюс Д, совершает свой второй метаморфоз и поэтому проходит вторую половину обращения, в то время как первый товар находится еще в первой половине своего пути.

Как результат первого процесса обращения, продажи, появляется исходный пункт второго процесса, деньги. На место товара в его первоначальной форме вступил его золотой эквивалент. Этот результат может прежде всего образовать пункт приостановки процесса, так как товар в этой второй форме обладает способностью к самостоятельному стойкому существованию. Товар, не имевший в руках своего владельца никакой потребительной стоимости, находится теперь в форме, всегда пригодной для потребления, ибо всегда может быть обменен, и только от обстоятельств зависит, когда и в каком пункте товарного мира он вступит опять в обращение. Пребывание товара в виде золотой куколки образует самостоятельный период в его жизни, в котором он может находиться более или менее продолжительное время. В то время как в меновой торговле обмен одной особенной потребительной стоимости непосредственно связан с обменом другой особенной потребительной стоимости, всеобщий характер труда, создающего меновую стоимость, проявляется в разделении и в произвольном распадении актов покупки и продажи.

Д-Т, покупка, есть движение, обратное Т-Д, и вместе с тем второй или заключительный метаморфоз товара. В качестве золота или в своем бытии в качестве всеобщего эквивалента товар обладает способностью быть непосредственно представленным в потребительных стоимостях всех других товаров, которые в своих ценах все стремятся к золоту как к своему потустороннему существованию, но вместе с тем указывают количество звонкой монеты, потребное для того, чтобы их тела, потребительные стоимости, перескочили на сторону денег, а их души, меновая

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
стоимость, перешли в самое золото. Всеобщий продукт отчуждения товаров есть абсолютно отчуждаемый товар. Не существует никакого качественного предела для превращения золота в товар, а существует лишь количественный предел, определяемый его собственным количеством или величиной стоимости. «Все куплю, – сказала злато». В то время как товар в движении Т–Д, путем своего отчуждения в качестве потребительной стоимости, реализует свою собственную цену и потребительную стоимость чужих денег, в движении Д–Т он, путем своего отчуждения в качестве меновой стоимости, реализует свою собственную потребительную стоимость и цену другого товара. Если товар, реализуя свою цену, тем самым превращает золото в действительные деньги, то своим обратным превращением он превращает золото в свое собственное лишь преходящее денежное бытие. Так как товарное обращение предполагает развитое разделение труда, следовательно, многосторонность потребностей отдельного лица, в противоположность односторонности, его продукта, то покупка Д–Т иногда представляется в виде уравнения с одним товарным эквивалентом, иногда же раздробляется на ряд товарных эквивалентов, определяемый кругом потребностей покупателя и размерами его денежной суммы. Как продажа есть вместе с тем покупка, так и покупка есть вместе с тем продажа, Д–Т есть вместе с тем Т–Д, но инициатива здесь принадлежит золоту, или покупателю.

Если мы вернемся теперь к обращению Т–Д–Т в целом, то окажется, что в нем товар проходит полный ряд своих метаморфозов. Но одновременно с тем как он начинает первую половину обращения и совершает первый метаморфоз, другой товар вступает во вторую половину обращения, совершает свой второй метаморфоз и выпадает из обращения; и наоборот, первый товар вступает во вторую половину обращения, совершает свой второй метаморфоз и выпадает из обращения в то время, как третий товар вступает в обращение, проходит первую половину своего пути и совершает первый метаморфоз. Таким образом, обращение Т–Д–Т в целом, как полный метаморфоз одного товара, представляет собой вместе с тем всегда конец полного метаморфоза другого товара и начало полного метаморфоза третьего товара, т. е. ряд без начала и конца. Для наглядности, чтобы отличать товары друг от друга, обозначим Т на обоих концах формулы различным образом, например Т'–Д–Т''. В сущности первое звено Т'–Д предполагает Д как результат другого Т–Д, т. е. само есть лишь последнее звено Т–Д–Т'; второе же звено Д–Т'' в своем результате представляет собой Т''–Д, т. е. само представляется как первое звено Т''–Д–Т''' и т. д. Далее, оказывается, что последнее звено Д–Т, хотя Д есть результат лишь одной продажи, может представляться в виде $(Д - Т') + (Д - Т'') + (Д - Т''') + \dots$, т. е. может раздробиться на множество покупок и, значит, множество продаж, т. е. на множество первых звеньев новых полных метаморфозов товаров. Если, следовательно, полный метаморфоз единичного товара представляется не только звеном одной цепи метаморфозов без начала и без конца, но и звеном многих таких цепей, то процесс обращения товарного мира, – так как каждый единичный товар совершает обращение Т–Д–Т, – представляется бесконечно запутанным клубком цепей этого движения, постоянно заканчивающегося и постоянно вновь начинающегося в бесконечно различных пунктах. Но вместе с тем каждая единичная продажа или покупка существует в качестве самостоятельного изолированного акта, а другой акт, служащий его дополнением, может быть отделен от него во времени и в пространстве и поэтому не должен непосредственно присоединяться к нему, как его продолжение. Так как каждый отдельный процесс обращения Т–Д или Д–Т, как превращение одного товара в потребительную стоимость и другого товара в деньги, как первая и вторая стадии обращения, образует для обеих сторон самостоятельный пункт приостановки, и с другой стороны, так как все товары начинают свой второй метаморфоз и занимают исходный пункт второй половины обращения в общей для них всех форме всеобщего эквивалента, золота, то в действительном обращении любое Д–Т может примыкать к любому Т–Д, вторая глава жизненного пути одного товара – к первой главе жизненного пути другого товара. Например, А продает железо за 2 ф. ст., т. е. совершает Т–Д, или первый метаморфоз товара – железа, но покупку откладывает на более позднее время. Одновременно В, продавший две недели тому назад 2 квартера пшеницы за 6 ф. ст., покупает на эти же 6 ф. ст. костюм у фирмы «Мозес и сын», т. е. совершает Д–Т, или второй метаморфоз товара – пшеницы. Оба эти акта Д–Т и Т–Д выступают здесь только как звенья одной цепи, так как в Д, золоте, один товар выглядит так же, как другой, и по золоту нельзя узнать, есть ли оно превращенное железо или превращенная пшеница. Таким образом, в действительном процессе обращения Т–Д–Т представляет собой бесконечное множество случайных существующих один рядом с другим и один за другим беспорядочно разбросанных звеньев различных полных метаморфозов. Действительный процесс обращения выступает, таким образом, не как полный метаморфоз товара, не как его движение через противоположные фазы, а как простой агрегат множества случайно

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
совершающихся рядом или следующих друг за другом покупок и продаж. Таким образом, определенность формы этого процесса исчезает, и исчезает тем полнее, что каждый единичный акт обращения, например продажа, есть вместе с тем его противоположность, покупка, и наоборот. С другой стороны, процесс обращения есть движение метаморфозов товарного мира и поэтому должен отражать это движение также в своем общем движении. Каким образом процесс обращения отражает его, мы рассмотрим в следующем разделе. Здесь же следует лишь заметить, что в Т–Д–Т оба крайние члена Т находятся, с точки зрения формы, не в одинаковом отношении к Д. Первый Т относится к деньгам как особенный товар к всеобщему товару, между тем как деньги относятся ко второму Т как всеобщий товар к единичному товару. Следовательно, абстрактно-логически Т–Д–Т может быть сведен к форме силлогизма О–В–Е, где особенность образует первый крайний член, всеобщность – связующий средний член и единичность – последний крайний член.

Товаровладельцы вступили в процесс обращения просто как хранители товаров. В самом этом процессе они выступают друг против друга в противоположной форме покупателей и продавцов, один, скажем, как персонифицированная голова сахара, другой – как персонифицированное золото. Как только голова сахара становится золотом, продавец становится покупателем. Эти определенные общественные роли вытекают отнюдь не из человеческой индивидуальности вообще, но из меновых отношений между людьми, производящими свои продукты в форме товаров. Отношения, существующие между покупателем и продавцом настолько не индивидуальны, что они оба вступают в них лишь поскольку отрицается индивидуальный характер их труда, именно поскольку он, как труд не индивидуальный, становится деньгами. Поэтому настолько же бессмысленно считать эти экономические буржуазные роли покупателя и продавца вечными общественными формами человеческого индивидуализма, насколько несправедливо оплакивать эти роли как причину уничтожения этого индивидуализма {Как глубоко поражает прекраснотушнчальную славу парижского биржевого волка, показывает, какова цена его сентиментальной критики политической экономии. Г-н Перейра, в то время апостол Сен-Симона, говорит: «Вследствие того, что индивидуумы изолированы, отделены друг от друга как в своем труде, так и в потреблении, между ними существует обмен продуктов их производства. Из необходимости обмена вытекает необходимость определять относительную стоимость предметов. Идеи стоимости и обмена, таким образом, тесно связаны между собой, и в своей действительной форме обе они выражают индивидуализм и антагонизм... Определять стоимость продуктов можно только потому, что существуют продажа и покупка, другими словами, антагонизм между различными членами общества. Заботиться о цене, стоимости приходится только там, где происходят продажа и покупка, словом, где каждый индивидуум должен бороться, чтобы обеспечить себе предметы, необходимые для поддержания своего существования» (цитированное произведение, стр. 2, 3 и сл.)}. Они суть необходимое выражение индивидуальности на основе определенной ступени общественного процесса производства. Кроме того, в противоположности между покупателем и продавцом антагонистическая природа буржуазного производства выражена еще столь поверхностным и формальным образом, что эта противоположность присуща также добуржуазным формам общества, так как она требует только, чтобы индивидуумы относились друг к другу как владельцы товаров.

Если мы рассмотрим теперь результат Т–Д–Т, то он сводится к обмену веществ Т–Т. Товар обменяется на товар, потребительная стоимость на потребительную стоимость, и превращение товара в деньги, или товар как деньги, служит только для опосредствования этого обмена веществ. Деньги выступают, таким образом, только как средство обмена товаров; но не как средство обмена вообще, а как средство обмена, характеризующее процесс обращения, т. е. как средство обращения {«Деньги – только средство и способ, между тем как товары, полезные для жизни, представляют конечную цель». Бугильбер. «Розничная торговля Франции», 1697, в сборнике Эжена Дэра «Экономисты-финансисты XVIII века», т. I, Париж, 1843, стр. 210}.

Из того, что процесс обращения товаров сводится к Т–Т и поэтому кажется лишь меновой торговлей, совершающейся при посредстве денег, или из того, что вообще Т–Д–Т не только распадается на два изолированных процесса, но вместе с тем выражает их находящееся в движении единство, – из этого делать вывод, что существует только единство покупки и продажи, но не их разделение, значило бы обнаружить такой способ мышления, критика которого относится к области логики, а не политической экономии. Отделение в меновом процессе покупки от продажи разрывает местные, первобытные, традиционно-благочестивые, наивно-нелепые границы общественного обмена веществ; вместе с тем оно представляет собой

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
всеобщую форму разрыва связанных друг с другом моментов этого общественного обмена и противопоставления их друг другу; одним словом, всеобщую возможность торговых кризисов, однако только потому, что противоположность товара и денег есть абстрактная и всеобщая форма всех противоположностей, заключенных в буржуазном труде. Поэтому денежное обращение может иметь место без кризисов, но кризисы не могут иметь места без денежного обращения. Это, однако, означает только, что там, где основанный на частном обмене труд в своем развитии еще не дошел до образования денег, там он, конечно, тем более не в состоянии вызвать такие явления, которые предполагают полное развитие буржуазного процесса производства. Можно поэтому оценить по достоинству всю глубину той критики, которая стремится путем отмены «привилегий» благородных металлов и посредством так называемой «рациональной денежной системы» устранить «пороки» буржуазного производства. С другой стороны, в качестве образца экономической апологетики достаточно привести одну теорию, которая рекламировалась как необычайно остроумная. Джемс Милль, отец известного английского экономиста Джона Стюарта Милля, говорит:

«Никогда не может быть недостатка в покупателях на все товары. Всякий, кто предлагает товар для продажи, желает получить в обмен за него другой товар, и, следовательно, он – покупатель уже в силу одного того факта, что он продавец. Поэтому покупатели и продавцы всех товаров, вместе взятые, должны в силу метафизической необходимости сохранять равновесие. Стало быть, если имеется больше продавцов, чем покупателей одного какого-либо товара, то должно быть больше покупателей, чем продавцов какого-нибудь другого товара» {В ноябре 1807г в Англии появилось сочинение Уильяма Спенса под заглавием «Britain independent of commerce» [«Британия не зависит от торговли»], основную идею которого Уильям Коббет развил в своем «Political register» [«Политический журнал»] под более резким названием «Perish commerce» [«Долой торговлю»]. В противовес этому Джемс Милль выпустил в 1808г свое сочинение «Defence of commerce», в котором уже имеется приведенный в тексте аргумент, заимствованный нами из его «Elements of political economy» [«Основы политической экономии»]. Ж. Б. Сэй в своей полемике с Сисмонди и Мальтусом относительно торговых кризисов присвоил себе эту хитроумную находку, а так как невозможно сказать, какой новой идеей эту комический «prince de la science» [«принц науки»] обогатил политическую экономию, – его заслуга заключалась в том беспристрастии, с которым он одинаково извращал своих современников: Мальтуса, Сисмонди и Рикардо, – то его континентальные почитатели торжественно провозгласили, что он, Сэй, нашел это сокровище – идею о метафизическом равновесии между покупками и продажами}. Милль устанавливает это равновесие тем, что превращает процесс обращения в непосредственную меновую торговлю, а затем в эту непосредственную меновую торговлю опять контрабандным путем вводит взятые из процесса обращения фигуры покупателей и продавцов. Выражаясь его путаным языком, можно сказать, что в такие моменты, когда все товары не находят сбыта, – как было, например, в Лондоне и Гамбурге в известные моменты торгового кризиса 1857–1858гг, – действительно имеется больше покупателей, чем продавцов на один товар, именно на деньги и больше продавцов, чем покупателей на все другие виды денег, а именно на товары. Метафизическое равновесие между покупками и продажами ограничивается тем, что каждая покупка есть продажа и каждая продажа – покупка, что, однако, не представляет особенного утешения для товарладельцев, которые не в состоянии продать, а тем самым и купить {Как изображают экономисты различные определения формы товара, можно увидеть из следующих примеров: «Владея деньгами, мы должны совершить только один обмен для получения желаемого предмета; если же мы имеем другие продукты, для нас излишние, мы должны совершить два обмена, из которых первый (получение денег) несравненно труднее, чем второй». G. Opdyke. «A treatise on political economy». New York, 1851, p. 287–288 [д. Опдайк. «Трактат о политической экономии». Нью-Йорк, 1851, стр. 287–288].

«Превосходная способность денег к отчуждению есть прямой результат или естественное следствие меньшей способности товаров к отчуждению» (Th. Corbet. «An inquiry into the causes and modes of the wealth of individuals etc.». London, 1841, p. 117 [Т. Корбет. «Исследование причин и форм индивидуального богатства и т. д.». Лондон, 1841, стр. 117]). «Деньги обладают способностью обмениваться всегда на то, что они измеряют» (Bosanquet. «Metallic, paper and credit currency etc.». London, 1842, p. 100 [Бозанкет. «Металлические, бумажные и кредитные деньги и т. д.». Лондон, 1842, стр. 100]).

«Деньги могут всегда купить другие товары, между тем как другие товары не всегда могут купить деньги» (Th. Tooke. «An inquiry into the currency principle», 2 ed. London, 1844, p. 10 [Т. Тук. «Исследование законов денежного обращения», 2-е

Отделение продажи от покупки делает возможным наряду с собственно торговлей множество фиктивных сделок, предшествующих окончательному обмену между производителями и потребителями товаров. Это дает возможность массе паразитов проникать в процесс производства и извлекать выгоды из этого отделения. Но это опять-таки означает только, что вместе с деньгами, как всеобщей формой буржуазного труда, дана возможность развития противоречий последнего.

b) Обращение денег

Действительное обращение представляется прежде всего как масса случайно совершающихся друг подле друга покупок и продаж. Как при покупке, так и при продаже товар и деньги противостоят друг другу всегда в одном и том же отношении: продавец – на стороне товара, а покупатель – на стороне денег. Поэтому деньги, как средство обращения, выступают всегда в качестве покупательного средства, вследствие чего различия их назначений в противоположных фазах товарного метаморфоза стали незаметными.

Деньги переходят в руки продавца в том же самом акте, в котором товар переходит в руки покупателя. Следовательно, товар и деньги движутся в противоположных направлениях, и эта перемена мест, при которой товар переходит на одну сторону, а деньги на другую, совершается одновременно в неопределенно большом числе пунктов на всей поверхности буржуазного общества. Однако первый шаг, который товар делает в обращении, есть вместе с тем и его последний шаг {Один и тот же товар может быть много раз куплен и опять продан. Он обращается тогда не как простой товар, а в таком определении, которого еще нет с точки зрения простого обращения, простой противоположности товара и денег}. Перемещается ли товар потому, что золото притягивается им (Т–Д), или потому, что он притягивается золотом (Д–Т), по одним этим движением, одной переменной места он переходит из сферы обращения в сферу потребления. Обращение есть беспрестанное движение товаров, но всегда новых товаров, каждый из которых совершает движение лишь один раз. Каждый товар начинает вторую половину своего обращения не как тот же самый товар, а как другой товар, как золото. Таким образом, движение претерпевшего метаморфоз товара есть движение золота. Те же самые деньги или тот же самый кусок золота, которые в акте Т–Д один раз поменялись местом с одним товаром, появляются опять, но в обратном порядке, в качестве исходного пункта Д–Т и таким образом меняются местом второй раз, с другим товаром. Подобно тому как эти деньги перешли из рук покупателя В в руки продавца А, так теперь они переходят из рук А, ставшего покупателем, в руки С. Таким образом, движение формы товара, его превращение в деньги и обратное превращение его из денег, или движение полного метаморфоза товара, представляется как внешнее движение одних и тех же денег, которые два раза меняются местами с двумя различными товарами. Как бы разрозненно и случайно ни совершались рядом друг с другом покупки и продажи, тем не менее в действительном обращении покупателю всегда противостоит продавец, и деньги, переходящие на место проданного товара, должны были прежде чем попасть в руки покупателя уже однажды обменяться местом с каким-нибудь другим товаром. С другой стороны, рано или поздно они опять перейдут из рук продавца, ставшего покупателем, в руки нового продавца, и в этом частом повторении перемены места деньги выражают сцепление метаморфозов товаров. Следовательно, одни и те же деньги перемещаются, одна монета чаще, другая реже, с одного места обращения на другое всегда в направлении, противоположном движению товаров, описывая при этом более или менее длинную дугу обращения. Эти различные движения одних и тех же денег могут следовать друг за другом только во времени, между тем как, наоборот, многочисленность и разрозненность покупок и продаж проявляется в одновременных, совершающихся пространственно рядом, однократных переменах места между товарами и деньгами.

Обращение товаров Т–Д–Т в своей простой форме совершается в виде перехода денег из рук покупателя в руки продавца и из рук продавца, ставшего покупателем, в руки нового продавца. На этом заканчивается метаморфоз товара, а следовательно, и движение денег, поскольку последнее есть выражение этого метаморфоза. Но так как новые потребительные стоимости должны постоянно производиться как товары и поэтому постоянно вновь выбрасываться в обращение, то Т–Д–Т повторяется и возобновляется теми же самыми товаровладельцами. Деньги, которые они израсходовали как покупатели, возвращаются обратно в их руки, как только они выступают снова в качестве продавцов товаров. Постоянное возобновление товарного обращения отражается, таким образом, в том, что деньги не только постоянно

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
перекатываются из одних рук в другие по всей поверхности буржуазного общества, но вместе с тем описывают множество различных маленьких кругооборотов, выходя из бесконечно различных точек и возвращаясь к тем же самым точкам, чтобы снова повторить то же самое движение.

Так как перемена форм товаров выступает как простое перемещение денег и непрерывность движения обращения выпадает целиком на долю денег, – ибо товар делает всегда только один шаг в направлении, противоположном движению денег, деньги же делают всегда второй шаг вместо товара и говорят Б там, где товар сказал А, – то кажется, что все движение исходит от денег, хотя при продаже товар притягивает деньги из их места и, следовательно, так же приводит в движение деньги, как при покупке деньги приводят в движение товар. Далее, так как деньги противостоят товару всегда в одном и том же отношении, именно как покупательное средство, а в качестве такового приводят товары в движение лишь посредством реализации их цен, – то все движение обращения выступает в таком виде, что деньги меняются местами с товарами, реализуя их цены либо в одновременных, совершающихся рядом отдельных актах обращения, либо в последовательно совершающихся актах, когда одна и та же монета реализует цены различных товаров по очереди один за другим. Если, например, мы будем рассматривать $T-D-T'-D-T''-D-T'''$ и т. д., не обращая внимания на качественные моменты, которые в действительном процессе обращения становятся незаметными, то мы увидим только одну и ту же монотонную операцию. Д, реализовав цену Т, реализует по очереди цены $T'-T''$ и т. д., а товары $T-T''-T'''$ и т. д. занимают постоянно место, оставленное деньгами. Поэтому кажется, что деньги, реализуя цены товаров, приводят последние в движение. В этой функции, заключающейся в реализации цен, деньги сами постоянно находятся в обращении, то меняя только место, то проделывая дугу обращения, то описывая маленькую окружность, на которой исходная точка и точка возвращения совпадают. Как средство обращения деньги имеют свое собственное обращение. Поэтому движение форм товаров, находящихся в процессе обращения, выступает как собственное движение денег, опосредствующее обмен товаров, которые сами по себе неподвижны. Таким образом, движение процесса обращения товаров представляется в виде движения денег как средства обращения – в виде обращения денег.

Если товаровладельцы представляют продукты своего частного труда как продукты общественного труда, превращая одну вещь, золото, в непосредственное бытие всеобщего рабочего времени, а потому и в деньги, то теперь их собственное всестороннее движение, которым они опосредствуют обмен веществ своего труда, противостоит им как своеобразное движение этой вещи, как обращение золота. Само общественное движение есть для товаровладельцев, с одной стороны, внешняя необходимость, с другой – только формальный посредствующий процесс, который дает каждому индивидууму возможность за ту потребительную стоимость, которую он бросает в обращение, извлекать из него другие потребительные стоимости, имеющие стоимость такой же величины. Потребительная стоимость товара выступает на сцену с выходом его из обращения, между тем как потребительная стоимость денег как средства обращения есть само их обращение. Движение товара в обращении есть только преходящий момент, между тем как непрерывное движение в обращении становится функцией денег. Эта своеобразная функция денег в процессе обращения придает деньгам как средству обращения новую определенность формы, которая теперь должна быть нами развита подробнее.

Прежде всего очевидно, что денежное обращение есть движение бесконечно раздробленное, так как в нем отражаются бесконечное раздробление процесса обращения на покупки и продажи и произвольное распадение взаимно дополняющих друг друга фаз товарного метаморфоза. Правда, в небольших кругооборотах денег, в которых исходная точка и точка возвращения совпадают, обнаруживается возвратное движение, действительное круговое движение; но таких исходных точек имеется столько же, сколько и товаров, и уже благодаря своему неопределенному множеству эти кругообороты не поддаются никакому контролю, измерению и вычислению. Столь же неопределенно время между удалением от исходной точки и возвращением к ней. Безразлично также, совершается ли в данном случае подобный кругооборот или нет. Нет более общеизвестного экономического факта, чем тот, что можно одной рукой расходовать деньги, не получая их обратно другой рукой. Деньги выходят из бесконечно различных точек и возвращаются в бесконечно различные точки, но совпадение исходной точки и точки возвращения случайно, так как в движении $T-D-T$ обратное превращение покупателя в продавца не является необходимым условием. Но в еще меньшей степени денежное обращение представляет такое движение, которое излучается из одного центра ко всем точкам периферии и из всех точек последней

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org возвращается к тому же центру. Так называемый круговой оборот денег, как он рисуется нашему воображению, ограничивается тем, что во всех пунктах видно появление и исчезновение денег, их непрестанное перемещение. В более высокой опосредствованной форме денежного обращения, например в обращении банкнот, мы увидим, что условия выдачи денег заключают в себе условия их обратного притока. Напротив, при простом денежном обращении является случайностью, что тот же самый покупатель становится опять продавцом. Там, где при простом денежном обращении обнаруживаются действительные круговые движения постоянного характера, они суть лишь отражение более глубоких процессов производства. Например, фабрикант берет в пятницу деньги у своего банкира, в субботу выплачивает ими заработную плату своим рабочим, рабочие тотчас же отдают большую часть этих денег лавочникам и т. п., а последние в понедельник приносят их обратно банкиру.

Мы видели, что деньги одновременно реализуют данную массу цен в покупках и продажах, пестро расположенных рядом друг с другом в пространстве и что они только один раз меняются местами с товарами. Но, с другой стороны, поскольку в движении денег проявляется движение всей совокупности метаморфозов товаров и цепная связь этих метаморфозов, то одни и те же деньги реализуют цены различных товаров и таким образом совершают большее или меньшее число оборотов. Если мы возьмем процесс обращения какой-нибудь страны за данный промежуток времени, например, за один день, то количество золота, необходимое для реализации цен и, следовательно, для обращения товаров, определяется двумя моментами: с одной стороны, общей суммой этих цен, с другой стороны, средним числом оборотов одних и тех же золотых денег. Это число оборотов, или скорость обращения денег, в свою очередь, определяется или служит лишь выражением той средней скорости, с которой товары проходят различные фазы своих метаморфозов, с которой эти метаморфозы следуют друг за другом как звенья цепи, и скорости, с которой товары, совершившие свои метаморфозы, замещаются в процессе обращения новыми товарами. Следовательно, в то время как в процессе определения цен меновая стоимость всех товаров идеально превратилась в равновеликое по стоимости количество золота и в обоих изолированных актах обращения D—T и T—D одна и та же сумма стоимости имела бы место дважды, на одной стороне в товаре, на другой стороне в золоте, — бытие золота как средства обращения определяется не изолированным его отношением к единичным неподвижным товарам, а подвижным его бытием в движущемся мире товаров; определяется его функцией — выражать своей переменной мест переменену форм товаров и, следовательно, скоростью своей перемены мест — скоростью перемены форм товаров. Его действительное наличие в процессе обращения, т. е. действительная масса золота, находящаяся в обращении, определяется, таким образом, его функциональным бытием в самом процессе, взятом как целое.

Предпосылкой денежного обращения является товарное обращение, а именно, деньги приводят в обращение товары, которые имеют цепи, т. е. которые идеально уже приравнены к определенным количествам золота. При определении цен самих товаров величина стоимости того количества золота, которое служит единицей измерения, или стоимость золота, предполагается данной. При этой предпосылке количество золота, необходимое для обращения, определяется прежде всего общей суммой товарных цен, подлежащих реализации. Но эта общая сумма, в свою очередь, определяется: 1) уровнем цен, относительно высоким или низким уровнем меновых стоимостей товаров, выраженных в золоте, и 2) массой товаров, обращающихся по определенным ценам, следовательно, массой покупок и продаж, совершаемых по данным ценам {Масса денег безразлична, «лишь бы их было достаточно для того, чтобы поддерживать цены, соответствующие товарам». Буагильбер, цитированное произведение, стр. 209. «Если обращение товаров в 400 млн. фунтов стерлингов требует массы золота в 40 млн., и эта пропорция в 1/10 представляла собой адекватный уровень, то в том случае, если стоимость находящихся в обращении товаров повысится по естественным причинам до 450 млн., масса золота, чтобы остаться на том же адекватном уровне, должна увеличиться до 45 млн.». W. Blake, «Observations on the effects produced by the expenditure of government etc.». London, 1823, p. 80 [У. Блейк. «Замечания о действии правительственных расходов и т. д.». Лондон, 1823, стр. 80]}. Если квартал пшеницы стоит 60 шилл., то для того, чтобы привести его в обращение или реализовать его цену, необходимо в два раза больше золота, чем в том случае, если бы он стоил только 30 шиллингов. Для обращения 500 кварталов пшеницы по 60 шилл. требуется в два раза больше золота, чем для обращения 250 кварталов по той же цене. Наконец, для обращения 10 кварталов по 100 шилл. требуется лишь половина того количества золота, которое необходимо для обращения 40 кварталов по 50 шиллингов. Отсюда следует, что количество золота, необходимое для обращения товаров, может уменьшиться, несмотря на повышение цен, если масса находящихся в обращении товаров

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
уменьшается в большей степени, чем возрастает общая сумма цен; и, наоборот, масса средств обращения может увеличиться, если масса находящихся в обращении товаров уменьшается, а сумма их цен повышается в большей степени. Превосходные детальные исследования англичан показали, например, что в Англии на первых стадиях вздорожания хлеба масса обращающихся денег увеличивается, потому что сумма цен уменьшившейся массы хлеба превышает прежнюю сумму цен большей массы хлеба, а вместе с тем обращение остальной товарной массы продолжается в течение некоторого времени без помех по прежним ценам. Напротив, в более поздней стадии вздорожания хлеба масса обращающихся денег уменьшается – потому, что кроме хлеба остальные товары продаются или в меньшем количестве по прежним ценам, или же в том же самом количестве по более низким ценам.

Однако количество обращающихся денег определяется, как мы видели, не только общей суммой подлежащих реализации товарных цен, но также и скоростью, с которой деньги обращаются, или продолжительностью времени, в течение которого они совершают эту реализацию. Если один и тот же товар совершает в течение одного дня десять покупок товара, каждый раз ценой в один товар, переходя таким образом 10 раз из рук в руки, то он совершает точь-в-точь такую же работу, как 10 товаров, каждый из которых в продолжение дня совершает лишь один оборот {«Скорость обращения денег, а не количество металла, создает впечатление большего или меньшего количества денег» (Галиани, цитированное произведение, стр. 99)}. Скорость обращения золота может, стало быть, возместить его количество; или бытие золота в процессе обращения определяется не только его бытием в качестве эквивалента рядом с товаром, но также его бытием в самом движении товарных метаморфозов. Однако скорость обращения денег возмещает их количество только до определенного предела, так как в каждый данный момент бесконечно раздробленные покупки и продажи происходят рядом друг с другом в пространстве.

Если сумма цен находящихся в обращении товаров возрастает, по в меньшей степени, чем скорость обращения денег, то масса средств обращения уменьшается. Если, наоборот, скорость обращения уменьшается в большей степени, чем сумма цен находящейся в обращении товарной массы, то масса средств обращения увеличивается. Возрастание количества средств обращения при всеобщем падении цен или уменьшение количества средств обращения при всеобщем повышении цен – одно из наиболее точно установленных явлений в истории товарных цен. Однако причины, которые вызывают повышение уровня цен и одновременно еще большее увеличение скорости обращения денег, равно как и обратное движение, находятся вне области исследования простого обращения. В качестве примера можно указать между прочим на то, что в периоды, когда кредит процветает, скорость обращения денег увеличивается быстрее, чем возрастают цены товаров, между тем как при сокращении кредита цены товаров падают медленнее, чем скорость обращения. Поверхностный и формальный характер простого денежного обращения обнаруживается как раз в том, что все моменты, определяющие количество средств обращения, а именно масса обращающихся товаров, цены, повышение или падение цен, число одновременных покупок и продаж, скорость обращения денег, зависят от процесса метаморфозов товарного мира, который, в свою очередь, зависит от общего характера способа производства, численности населения, отношения между городом и деревней, развития средств транспорта, от большего или меньшего разделения труда, кредита и т. д., – словом, от обстоятельств, которые все лежат вне простого денежного обращения и в нем только отражаются.

Если скорость обращения дана, то масса средств обращения определяется, следовательно, просто ценами товаров. Таким образом, цены не потому высоки или низки, что в обращении находится большее или меньшее количество денег, а наоборот, в обращении потому находится большее или меньшее количество денег, что цены высоки или низки. Это один из важнейших экономических законов, детальное доказательство которого при помощи истории товарных цен составляет, быть может, единственную заслугу послерикардовской английской политической экономии. Если опыт показывает, что уровень металлического обращения или масса обращающегося золота или серебра в данной стране хотя и подвержена временным, иногда очень сильным, приливам и отливам {Пример чрезвычайного падения металлического обращения ниже среднего уровня представляла Англия в 1858 году; это видно из следующей выдержки из лондонского «Economist». «По самой природе явления» (а именно раздробленного характера простого обращения) «невозможно точно установить количество наличных денег, находящихся в обращении на рынке и в руках классов, которые не связаны с банками. Но, быть может, деятельность или бездеятельность монетных дворов больших торговых наций является одним из лучших показателей

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
изменений этого количества. Много монеты чеканится, когда ее требуется много, и мало – когда ее требуется мало... На английском монетном дворе было выпущено монет: в 1855г – 9245000 ф. ст., в 1856г – 6476000 ф. ст., в 1857г – 5293858 ф. ст. В течение 1858г монетный двор почти не имел работы». «Economist» 10 июля, 1858 года. Одновременно с этим в подвалах банка лежало золота приблизительно на 18 миллионов фунтов стерлингов}, но в общем на протяжении более длительных периодов остается постоянным, и отклонения от среднего уровня составляют лишь слабые колебания, – то это явление объясняется просто противоречивым характером условий, определяющих массу находящегося в обращении денег. Одновременное изменение этих условий парализует их действие и оставляет все по-старому.

Закон, по которому при данной скорости обращения денег и при данной сумме товарных цен количество обращающихся средств представляет собой определенную величину, может быть выражен еще таким образом, что, если даны меновые стоимости товаров и средняя скорость их метаморфозов, то количество обращающегося золота зависит от его собственной стоимости. Поэтому, если бы стоимость золота, т. е. необходимое для его производства рабочее время, увеличилась или уменьшилась, то товарные цены повысились бы или понизились в обратном отношении, и этому всеобщему повышению или к падению цен соответствовала бы, при неизменной скорости обращения, большая или меньшая масса золота, необходимого для обращения той же самой товарной массы. Такая же перс-мена имела бы место и в том случае, если бы прежняя мера стоимости была вытеснена другим металлом с более высокой или более низкой стоимостью. Так, когда Голландия из нежной заботливости о государственных кредиторах и из боязни последствий открытия калифорнийских и австралийских рудников заменила золотые деньги серебряными, ей потребовалось для обращения той же самой товарной массы в 14–15 раз больше серебра, чем прежде золота.

Из зависимости количества обращающегося золота от изменяющейся суммы товарных цен и от изменяющейся скорости обращения следует, что масса металлических средств обращения должна быть способна к сокращению и расширению, т. е., что в соответствии с потребностями процесса обращения золото то должно вступать в этот процесс как средство обращения, то снова должно выходить из него. Каким образом процесс обращения сам осуществляет эти условия, мы увидим в дальнейшем.

с) Монета. Знак стоимости

монетой. Чтобы его обращение не задерживалось техническими затруднениями, оно чеканится в виде монет соответственно масштабу счетных денег. Куски золота, оттиск и фигура которых показывают, что они содержат весовые количества золота, представляемые в счетных названиях денег: в фунте стерлингов, шиллинге и т. п., – суть монеты. Как определение монетной цены, так и техническое дело чеканки выпадает на долю государства. Деньги в качестве монеты, как и в качестве счетных денег приобретают местный и политический характер, они говорят на разных языках и носят разные национальные мундиры. Поэтому сфера, в которой деньги обращаются как монета, отделяется, как внутреннее товарное обращение, ограниченное пределами одного государства, от всеобщего обращения товарного мира.

Между тем золото в слитках и золото в монете отличаются друг от друга не в большей мере, чем его монетное название от названия весового. То, что в последнем случае выступает как различие в названии, в первом случае выступает лишь как различие внешней формы. Золотая монета может быть брошена в тигель и таким путем вновь превращена в золото sans phrase {без дальнейших околичностей}, как и наоборот: достаточно послать золотой слиток на монетный двор, чтобы он получил форму монеты. Превращение и обратное превращение из одной внешней формы в другую представляется чисто технической операцией.

За 100 фунтов или 1200 тройских унций 22-каратного золота на английском монетном дворе можно получить 4672,5 фунта стерлингов или золотых соверенов; если положить эти соверены на одну чашку весов, а 100 фунтов золота в слитках на другую, то установится равновесие; и таким образом доказано, что соверен есть не что иное, как определенное весовое количество золота, обозначенное в английской монетной цене этим названием и имеющее особую внешнюю форму и особый штампель. Эти 4672,5 золотых соверена выбрасываются в обращение из различных пунктов и, поглощаемые им, они совершают в продолжение дня определенное число оборотов – один соверен большее число оборотов, другой – меньшее. Если бы среднее число ежедневных оборотов каждой унции равнялось 10, то 1200 унций золота реализовали бы товарные цены на общую сумму 12000 унций, или 46725 соверенов. Как ни верти унцию золота, она никогда не будет весить 10 унций золота. Но здесь, в процессе

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
обращения, 1 унция действительно имеет вес 10 унций. Бытие монеты в процессе обращения равнозначно содержащемуся в ней количеству золота, умноженному на число ее оборотов. Таким образом, монета, помимо своего действительного бытия в виде отдельного куска золота определенного веса, получает идеальное бытие, вытекающее из ее функции. Однако, совершает ли совершен один оборот или десять оборотов, в каждой отдельной покупке или продаже он действует только как один совершен. Здесь происходит то же, что и с генералом, который в день сражения своевременным появлением в 10 различных пунктах заменяет 10 генералов; но в каждом из этих пунктов это тот же самый генерал. Идеализация средства обращения, возникающая в денежном обращении вследствие замещения количества монет скоростью, касается только функционального бытия монеты в процессе обращения, но не затрагивает бытия отдельной монеты.

Денежное обращение представляет собой, однако, внешнее движение, и совершен, хотя и *non olet* {не пахнет}, вращается в смешанном обществе. От трения со всякого рода руками, сумками, карманами, кошельками, мешочками, шкатулками и сундуками монета стирается, оставляет один золотой атом тут, другой там и таким образом, шлифуясь в скитаниях по миру, все больше и больше теряет в своем внутреннем содержании. Находясь в употреблении она изнашивается. Рассмотрим совершен в тот момент, когда его первоначальной солидности был нанесен, по-видимому, еще только незначительный урон.

«Пекарь, который сегодня только что получил прямо из банка совершенно новенький совершен и завтра отдает его мельнику, отдает не точно тот же самый (*veritable*) совершен; он стал легче, чем был в тот момент, когда пекарь его получил» {Dodd. «Curiosities of industry etc.». London, 1854. [Додд. «Особенности промышленности и т. д.», Лондон, 1854, стр. 16]}.

«Ясно, что монеты по самой природе вещей должны постоянно одна за другой обесцениваться вследствие хотя бы только обычного и неизбежного стирания. Физически невозможно на некоторое время, даже на один день, совершенно изъять из обращения легкие монеты» {«The currency question reviewed etc. by a banker». Edinburgh, 1845, p. 69 etc. [«Вопрос денежного обращения, рассмотренный и т. д. одним банкиром». Эдинбург, 1845, стр. 69 и т. д.]. «Если бы один, немного потертый экю принимался за несколько меньшую стоимость, чем совершенно новый экю, то обращение постоянно испытывало бы задержки, и не было бы ни одного платежа, который совершался бы без спора» (Ж, Гарнье, цитированное произведение, т. I, стр. 24)}.

По оценке Джейкоба, из 380 миллионов фунтов стерлингов, имевшихся в 1809 году в Европе, к 1829 году, т. е. за 20 лет, совершенно исчезли вследствие стирания 19 миллионов фунтов стерлингов {W. Jacob. «An historical inquiry into the production and consumption of the precious metals». London, 1831, vol. II, ch. XXVI, p. 322 [У. Джейкоб. «Историческое исследование производства и потребления благородных металлов». Лондон, 1831, т. II, гл. XXVI, стр. 322]}. Таким образом, если товар после первого же своего шага, которым он вступает в обращение, из него выпадает, то монета после нескольких своих шагов в обращении представляет больше металлического содержания, чем она в действительности имеет. Чем дольше монета обращается при неизменной скорости обращения или чем быстрее ее обращение в продолжение одного и того же промежутка времени, тем больше ее бытие в качестве монеты отделяется от ее золотого или серебряного бытия. То, что остается, – это *magis nominis umbra* {тень великого имени}. Тело монеты становится всего лишь тенью. Если первоначально монета приобрела благодаря процессу обращения больший вес, то теперь она становится благодаря ему легче, но продолжает в каждой отдельной покупке или продаже приниматься за первоначальное количество золота. Совершен, как призрачный совершен, как призрачное золото, продолжает выполнять функцию законных золотых денег. В то время как другие существа вследствие соприкосновения с внешним миром теряют свой идеализм, монета вследствие практики идеализируется, превращается в чисто призрачное бытие своего золотого или серебряного тела. Эта вторичная, вызываемая самим процессом обращения идеализация металлических денег, или отделение их номинального содержания от реального, используется частью правительствами, частью частными авантюристами путем самых разнообразных подделок монеты. Вся история монетного дела с начала средневековья и до конца XVIII столетия сводится к истории этих двусторонних и антагонистических подделок, и многотомное собрание сочинений итальянских экономистов, изданное Кустоди, вращается большей частью вокруг этого вопроса.

Призрачное бытие золота в пределах его функции вступает, однако, в конфликт с его действительным бытием. В обращении одна золотая монета теряет в своем

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
металлическом содержании больше, другая – меньше, и потому один соверен стоит теперь в действительности больше, чем другой. Но так как они в своем функциональном бытии в качестве монет считаются равноценными и соверен, действительно составляющий 1/4 унции, стоит не больше, чем соверен, только по видимости составляющий 1/4 унции, то полновесные соверены часто подвергаются в руках недобросовестных владельцев хирургическим операциям, и с ними искусственно проделывается то, что само обращение естественным путем проделало с их легковесными братьями. Они обрезаются и подделываются, а их излишний золотой жир отправляется в тигель. Если 4672,5 золотых соверена, положенные на чашку весов, весят в среднем только 800 унций вместо 1200, то на рынке золота они смогут купить уже только 800 унций золота, или рыночная цена золота поднялась бы выше его монетной цены. Каждая денежная единица, даже если она полновесная, в своей монетной форме стоила бы меньше, чем в форме слитка. Полновесные соверены превращались бы обратно в слитки золота, в форму, в которой большее количество золота имеет большую стоимость, чем меньшее его количество. Как только это уменьшение металлического содержания охватило бы достаточное количество соверенов, чтобы вызвать длительное превышение рыночной цены золота над его монетной ценой, – счетные названия монеты хотя и остались бы те же самые, однако впредь означали бы меньшее количество золота. Другими словами, изменился бы масштаб денег, и золотые монеты в дальнейшем чеканились бы соответственно этому новому масштабу. Вследствие идеализации золота в качестве средства обращения, оно, оказывая обратное действие, изменило бы установленные законом отношения, при которых оно было масштабом цен. Такая же революция повторилась бы через некоторый промежуток времени вновь, и таким образом золото как в своей функции масштаба цен, так и в качестве средства обращения подвергалось бы постоянным переменам, причем перемена в одной форме вызывала бы перемену в другой, и наоборот. Этим объясняется упомянутое выше явление, что в истории всех современных народов одно и то же денежное название сохранялось за постоянно уменьшающимся металлическим содержанием. Противоречие между золотом как монетой и золотом как масштабом цен становится также противоречием между золотом как монетой и золотом как всеобщим эквивалентом, в качестве которого оно обращается не только в пределах отдельных стран, но и на мировом рынке. Как мера стоимостей, золото было всегда полновесным, так как оно служило лишь в качестве идеального золота. Как эквивалент в изолированном акте Т–Д, золото из своего подвижного состояния сейчас же переходит обратно в состояние покоя; но в монете его естественная субстанция вступает в постоянный конфликт с его функцией. Совершенно избежать превращения золотого соверена в призрачное золото невозможно, но законодательство старается воспрепятствовать закреплению такого соверена в качестве монеты, изымая его из обращения при известном уменьшении его субстанции. Например, согласно английскому закону, соверен, потерявший в весе более 0,747 грана, перестает быть законным совереном. Английский банк, в котором только за время с 1844 по 1848г было взвешено 48 миллионов золотых соверенов, имеет для взвешивания золота машину Г–на Коттона, которая не только обнаруживает разницу между двумя соверенами в 1/100 грана, но, подобно разумному существу, немедленно сбрасывает неполновесный соверен на доску, откуда он попадает в другую машину, которая с восточной жестокостью разрезает его на части.

При этих условиях золотая монета вообще не могла бы обращаться, если бы ее обращение не было ограничено определенными сферами, в пределах которых она не так быстро изнашивается. Поскольку золотая монета в обращении имеет значение 1/4 унции, тогда как она весит уже только 1/5 унции, она в сущности сделалась простым знаком или символом золота на 1/20 унции; таким образом, всякая золотая монета самим процессом обращения в большей или меньшей степени превращается в простой знак, или символ, своей субстанции. Но ни одна вещь не может быть своим собственным символом. Нарисованный виноград есть не символ действительного винограда, а кажущийся виноград. Тем более не может легковесный соверен быть символом полновесного, как не может отощавшая лошадь быть символом упитанной. Так как золото, следовательно, становится символом самого себя, но служить символом самого себя не может, то в тех сферах обращения, в которых оно изнашивается наиболее быстро, т. е. в сферах, где покупки и продажи постоянно возобновляются в мельчайших размерах, оно получает отдаленное от его золотого бытия символическое серебряное или медное бытие. В этих сферах постоянно обращалась бы в качестве монеты определенная доля от общей суммы золотых денег, хотя это и не были всегда одни и те же золотые монеты. Эта доля золота замещается серебряными или медными знаками. Если, таким образом, в качестве меры стоимостей и, стало быть, в качестве денег в пределах данной страны может функционировать только один специфический товар, то в качестве монеты рядом с деньгами могут служить различные товары. Эти вспомогательные средства обращения,

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
например, серебряные или медные знаки, являются внутри обращения представителями определенных долей золотой монеты. Поэтому их собственное серебряное или медное содержание определяется не отношением стоимости серебра и меди к стоимости золота, а произвольно устанавливается законом. Они должны выпускаться только в таких количествах, в каких постоянно обращались бы представляемые ими мелкие доли золотой монеты, необходимые для размена более крупных золотых монет, либо для реализации соответственно мелких товарных цен. В пределах розничного товарного обращения серебряные и медные знаки, в свою очередь, принадлежат к особым сферам. По самой природе вещей скорость их обращения находится в обратном отношении к цене, которую они реализуют в каждой отдельной покупке и продаже, или к величине той доли золотой монеты, которую они представляют. Если учесть громадные размеры ежедневного розничного оборота в такой стране, как Англия, то относительно незначительное общее количество обращающихся вспомогательных монет показывает быстроту и непрерывность их обращения. Из одного недавно изданного парламентского отчета мы видим, например, что в 1857г английский монетный двор вычеканил золота на сумму 4859000 ф. ст., серебра по номинальной стоимости на 733000 ф. ст., а по стоимости металла – на 363000 фунтов стерлингов. Общая сумма золота, вычеканенного в течение десяти лет, кончая 31 декабря 1857г, составляла 55239000 ф. ст., а серебра – только 2434000 фунтов стерлингов. Медные монеты составляли в 1857г только 6720 ф. ст. по номинальной стоимости и 3492 ф. ст. по стоимости меди; причем 3136 ф. ст. – пенсами, 2464 ф. ст. – полупенсами и 1120 ф. ст. – фартингами. Общая стоимость медной монеты, вычеканенной в продолжение последних десяти лет, составила 141477 ф. ст. по номинальной стоимости и 73503 ф. ст. по стоимости металла. Подобно тому, как золотая монета не может навсегда утвердиться в своей функции монеты вследствие того, что закон определяет степень потери металла, при которой она демонетизируется, так и, наоборот, серебряные и медные знаки не могут перейти из своих сфер обращения в сферу обращения золотой монеты и там утвердиться в качестве денег, вследствие того, что установлен размер цены, которую они реализуют согласно закону. Так, например, в Англии медь обязательна к приему при платежах только на сумму до 6 пенсов, серебро – на сумму до 40 шиллингов. Если бы серебряные и медные знаки были выпущены в большем количестве, чем необходимо для потребностей их сфер обращения, то товарные цены от этого не повысились бы, но произошло бы накопление этих знаков у розничных торговцев, которые в конце концов вынуждены были бы продать их как металл. Так, в 1798г английские медные монеты, израсходованные частными лицами, скопились на сумму 20350 ф. ст. у лавочников, которые тщетно пытались пустить их снова в обращение и в конце концов вынуждены были продать их как товар на медном рынке {David Buchanan. «Observations on the subjects treated of in Doctor Smith's Inquiry on the wealth of nations, etc.». Edinburgh, 1814, p. 3 [Давид Бьюкенен. «Замечания о предметах, трактуемых в «Исследовании о богатстве народов и т. д.» доктора Смита». Эдинбург, 1814, стр. 3]}.

Серебряные и медные знаки, которые в определенных сферах внутреннего обращения служат представителями золотой монеты, содержат установленное законом количество серебра и меди, но, поглощенные обращением, они стираются, подобно золотой монете, и еще быстрее, соответственно скорости и непрерывности своего обращения, превращаются в идеальные, призрачные тела. Если бы и здесь начали устанавливать предел уменьшения металлического содержания, за которым серебряные и медные знаки утрачивают свой характер монеты, то уже и в определенной части их собственной сферы обращения серебряные и медные знаки пришлось бы, в свою очередь, заменить другими символическими деньгами, скажем, железными или свинцовыми; и это представительство одних символических денег другими символическими деньгами было бы бесконечным процессом. Поэтому во всех странах с развитым обращением сама необходимость денежного обращения принуждает к тому, чтобы сделать монетный характер серебряных и медных знаков совершенно независимым от любой степени утраты ими металла. Тем самым обнаруживается то, что заключалось в природе вещей, а именно, что они суть символы золотой монеты не потому, что они сделаны из серебра или меди, не потому, что они имеют стоимость, а поскольку они никакой стоимости не имеют.

Отсюда следует, что функционировать в качестве символов золотых денег могут вещи, относительно лишенные стоимости, например бумажка. Существование вспомогательной монеты в виде металлических знаков, серебряных, медных и т. п., объясняется большей частью тем, что в большинстве стран менее ценные металлы, как серебро в Англии, медь в древней Римской республике, Швеции, Шотландии и т. д., обращались как деньги до того, как процесс обращения низвел их до разменной монеты и поставил на их место более благородный металл. Впрочем, по самой природе вещей, денежный символ, непосредственно вырастающий из металлического

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
обращения, первоначально сам является также металлом. Подобно тому как та часть золота, которая постоянно должна была бы обращаться в качестве разменной монеты, замещается металлическими знаками, так и та часть золота, которая в качестве монеты постоянно поглощается сферой внутреннего обращения и, следовательно, должна постоянно находиться в обращении, может быть замещена знаками, лишенными стоимости. Уровень, ниже которого масса обращающихся монет никогда не падает, определяется в каждой стране эмпирически. Первоначально незаметное различие между номинальным содержанием металлической монеты и ее металлическим содержанием может таким образом дойти до абсолютного их отделения. Монетное название денег отделяется от их субстанции и существует вне последней, в лишенных стоимости бумажках. Как меновая стоимость товаров благодаря процессу их обмена кристаллизуется в золотых деньгах, точно так же золотые деньги в обращении испаряются до своего собственного символа, сперва в форме изношенной золотой монеты, потом в форме вспомогательных металлических монет и, наконец, в форме не имеющих стоимости знаков, бумажек, простого знака стоимости.

Золотая монета произвела, однако, своих заместителей, сперва металлических, а затем бумажных, только потому, что она, несмотря на потерю части металла, продолжала функционировать в качестве монеты. Она не потому обращалась, что истерлась, а она истерлась до превращения в символ потому, что она долго обращалась. Лишь поскольку золотые деньги в процессе обращения сами становятся простым знаком своей собственной стоимости, они могут быть замещены простыми знаками стоимости.

Поскольку движение Т–Д–Т есть протекающее в виде процесса единство двух непосредственно переходящих один в другой моментов Т–Д и Д–Т, или поскольку товар пробегает процесс своего полного метаморфоза, он развивает свою меновую стоимость в цену и в деньги, чтобы тотчас же опять снять эту форму и сделаться снова товаром или, скорее, потребительной стоимостью. Следовательно, товар достигает только кажущейся самостоятельности своей меновой стоимости. Мы видели, с другой стороны, что золото, поскольку оно функционирует только как монета или постоянно находится в обращении, в действительности является всего лишь связующим звеном метаморфозов товаров и их лишь мимолетным денежным бытием; оно реализует цену одних товаров только для того, чтобы потом реализовать цену других товаров, но нигде не выступает как находящееся в покое бытие меновой стоимости или даже как находящийся в покое товар. Реальность, которую меновая стоимость товаров получает в этом процессе и которую золото представляет в своем обращении, есть только реальность электрической искры. Хотя это действительное золото, функционирует оно здесь лишь как кажущееся золото и потому может быть замещено в этой функции знаком самого себя.

Знак стоимости, например, бумажка, функционирующий как монета, есть знак количества золота, выраженного в его монетном названии, следовательно, знак золота. Как определенное количество золота само по себе не выражает отношения стоимости, так не выражает его и знак, замещающий золото. Поскольку определенное количество золота, как овеществленное рабочее время, обладает стоимостью определенной величины, постольку знак золота есть представитель стоимости. Но величина стоимости, представляемая этим знаком, зависит каждый раз от стоимости представляемого им количества золота. По отношению к товарам знак стоимости представляет реальность их цены, он есть *signum pretii* {знак цены} и знак их стоимости только потому, что эта их стоимость выражена в их цене. В процессе Т–Д–Т, поскольку он представляется лишь как протекающее в виде процесса единство или как непосредственное превращение друг в друга обоих метаморфозов, – а таким он и представляется в сфере обращения, в которой функционирует знак стоимости, – меновая стоимость товаров получает в цене только идеальное, а в деньгах только представляемое, символическое существование. Меновая стоимость, таким образом, только проявляется как воображаемая или представляемая в виде вещи, но она не обладает никакой реальностью, кроме как в самих товарах, поскольку в них овеществлено определенное количество рабочего времени. Поэтому кажется, будто знак стоимости представляет непосредственно стоимость товаров, выступая не как знак золота, а как знак меновой стоимости, которая в цене лишь выражена, но существует только в самом товаре. Эта видимость, однако, ложна. Знак стоимости непосредственно есть только знак цены, следовательно, знак золота, и лишь окольным путем – знак стоимости товара. Золото не продало, подобно Петеру Шлемилю, своей тени; оно, наоборот, покупает своей тенью. Поэтому знак стоимости действует лишь постольку, поскольку он в процессе обращения представляет цену одного товара по отношению к другому товару или поскольку он по отношению к каждому товаровладельцу представляет золото. Определенная, относительно лишенная

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
стоимости вещь, например, кусочек кожи, бумажка и т. д., становится первоначально в силу обычая знаком денежного материала, но утверждается в этой роли только тогда, когда бытие ее как символа гарантируется всеобщей волей товаровладельцев, т. е. когда она приобретает обусловленное законом бытие и, поэтому, принудительный курс. Государственные бумажные деньги с принудительным курсом есть законченная форма знака стоимости и единственная форма бумажных денег, которая вырастает непосредственно из металлического обращения или из простого товарного обращения. Кредитные деньги принадлежат к более высокой сфере общественного процесса производства и управляются совершенно другими законами. Символические бумажные деньги в сущности совершенно не отличаются от вспомогательной металлической монеты, они только действуют в более обширной сфере обращения. Если чисто техническое развитие масштаба цен или монетной цены и, далее, внешнее преобразование золота в слитках в золотую монету уже вызвали вмешательство государства и тем самым привели к явному отделению внутреннего обращения от всеобщего товарного обращения, то это отделение завершается развитием монеты в знак стоимости. Деньги, как простое средство обращения, могут получить самостоятельное существование вообще только в сфере внутреннего обращения.

Наше изложение показало, что монетное бытие золота в виде знака стоимости, отделенного от самой золотой субстанции, возникает из самого процесса обращения, а не из какого-нибудь соглашения или вмешательства государства. Россия представляет поразительный пример естественного возникновения знака стоимости. В те времена, когда деньгами там служили шкуры и меха, противоречие между этим неустойчивым и неудобным материалом и его функцией в качестве средства обращения породило обычай заменять его маленькими кусочками штемпелеванной кожи, которые таким образом превращались в ассигновки, подлежащие оплате шкурами и мехами. Впоследствии эти кусочки кожи превратились под названием копеек в простые знаки долей серебряного рубля и в некоторых местах удержались в этой роли до 1700г, когда Петр Великий приказал обменять с примечаниями Ж. Б. Сэя». Париж, 1823, т. IV, стр. 79]. Шторх издал свое сочинение в Петербурге на французском языке. Ж. Б. Сэй немедленно перепечатал его в Париже, дополнив своими так называемыми «примечаниями», которые на самом деле не содержали в себе ничего, кроме общих мест. Шторх принял это дополнение «принца науки» к его сочинениям писатели, которые могли наблюдать только явления металлического обращения, уже рассматривали золотую монету как символ или знак стоимости. Таковы Платон [Plato. Дбаума, Лондон, 1850, стр. 304]. Платон развивает понятие денег только в двух определениях, а именно как меры стоимостей и как знака стоимости; но кроме знака стоимости, служащего для внутреннего обращения, он требует другого знака стоимости для сношений с Грецией и другими странами (ср. также 5-ю книгу его «Законов») и Аристотель [Аририк он прекрасно объясняет, как из меновой торговли между различными общинами возникает необходимость придать характер денег какому-нибудь специфическому товару, т. е. субстанции, которая сама по себе имеет стоимость: «Когда стали более удаленными источники взаимной помощи, откуда можно было бы ввозить недостающие предметы и куда можно было бы вывозить свои излишки, неизбежно прибегли к употреблению денег... Пришли к соглашению давать и брать при взаимном обмене нечто такое, что, будучи ценным само по себе, было бы удобным в обиходе, — например, железо, серебро или что-нибудь в этом роде». Аристотель. «Политика», кн. I, гл. 9. Это место Мишель Шевалье, который либо не читал Аристотеля, либо не понял его, цитирует для доказательства того, что, согласно мнению Аристотеля, средство обращения должно состоять из субстанции, которая сама по себе имеет стоимость. Напротив, Аристотель ясно говорит, что деньги в качестве простого средства обращения существуют, по-видимому, только в монеты только от своей функции, а не от какой-нибудь потребительной стоимости, присущей им самим. «Деньги кажутся чем-то ничего не значащим, сплошной условностью, не имеющей ничего от природы, ибо вне обращения они теряют всякую стоимость и являются непригодными ни для чего». (Цитированное произведение [стр. 15]). В странах, где кредит совершенно не развит, например в Китае, бумажные деньги с принудительным курсом встречаются уже очень рано [Mandeville, Sir John. «Voyages and Travels». London, ed. 1705, p. 105 [Мандевиль, сэр Джон. «Путешествия и странствования». Лондон, изд. 1705, стр. 105]: «Этот император (китайский) может тратить столько, сколько хочет, без всякого расчета. Ибо он не тратит и не изготавливает никаких других денег, кроме как из штемпелеванной кожи или бумаги. И когда эти деньги обращаются так долго, что начинают портиться, люди несут их в императорское казначейство и там получают новые деньги взамен старых. И эти деньги ходят по всей стране и по всем ее провинциям... они не изготавливают денег ни из золота, ни из серебра», и, как полагает Мандевиль, «он может поэтому тратить непрестанно и безгранично». У

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
более поздних защитников бумажных денег также ясно указывается на то, что превращение металлической монеты в знак стоимости происходит в самом процессе обращения. В таком смысле высказываются Бенджамин Франклин {Benjamin Franklin. «Remarks and facts relative to the American paper money». 1764, p. 348, 1. с. [Бенджамин Франклин. «Замечания и факты, касающиеся американских бумажных денег». 1764, стр. 348 цитированного издания]: «В настоящее время даже серебряные деньги в Англии обязаны частью своей стоимости своей роли законного платежного средства; это та часть стоимости, которая составляет разницу между их реальным весом и их наименованием. Большая часть шиллингов и шестипенсовых монет, обращающихся в настоящее время, от изнашивания потеряла в весе 5, 10 и 20%, а некоторые шестипенсовые монеты даже 50%. Этой разнице между реальным и номинальным содержанием не соответствует никакая внутренняя стоимость; ей не соответствует даже бумага, ей ничто не соответствует. Серебряная монета стоимостью в 3 пенса обращается как 6 пенсов только потому, что она – законное платежное средство, и все знают, что ее легко можно сбыть по той же стоимости»} и епископ Беркли {Беркли, цитированное произведение: «Если наименование монеты сохранится после того, как ее металл разделит судьбу всех тленных вещей, то разве несмотря на это не будет продолжаться торговля?»}.

Сколько стоп бумаги, разрезанной на билеты, может обращаться в качестве денег? В такой постановке вопрос был бы нелеп. Знаки, не имеющие стоимости, суть знаки стоимости лишь постольку, поскольку они представляют в процессе обращения золото, а представляют они золото лишь постольку, поскольку оно само входило бы в процесс обращения в виде монеты, – это количество определяется его собственной стоимостью, если даны меновые стоимости товаров и скорость их метаморфозов. Билеты с наименованием в 5 ф. ст. могли бы обращаться только в количестве в пять раз меньше, чем билеты с наименованием в 1 ф. ст., а если бы все платежи совершались в билетах в 1 шиллинг, то в обращении должно было бы находиться в 20 раз больше шиллинговых билетов, чем билетов в 1 фунт стерлингов. Если бы золотая монета была представлена билетами разного наименования, например, билетами в 5 ф. ст., 1 ф. ст. и 10 шилл., то количества этих различных видов знаков стоимости определялись бы не только количеством золота, необходимым для обращения в целом, но и количеством золота, необходимым для сферы обращения каждого отдельного вида билетов. Если бы 14 миллионов фунтов стерлингов (эта цифра принята английским банковым законодательством, но не для монеты, а для кредитных денег) составляли уровень, ниже которого обращение в данной стране никогда не падает, то могли бы обращаться 14 миллионов бумажных билетов, каждый из которых являлся бы знаком стоимости в 1 фунт стерлингов. Если стоимость золота упадет или повысится вследствие того, что уменьшилось или увеличилось необходимое для его производства рабочее время, то при неизменившейся меновой стоимости той же товарной массы количество обращающихся однофунтовых билетов увеличится или уменьшится в обратном отношении к изменению стоимости золота. Если бы золото в качестве меры стоимости было заменено серебром, то – при отношении стоимости серебра к стоимости золота как 1:15 и при том условии, что впрямь каждый билет будет представлять такое же количество серебра, как раньше золота, – в обращении должны были бы находиться вместо 14 миллионов уже 210 миллионов однофунтовых билетов. Количество бумажных билетов определяется, стало быть, количеством золотых денег, которые они замещают в обращении, а так как бумажные билеты – знаки стоимости лишь постольку, поскольку они замещают золотые деньги, то стоимость их определяется просто их количеством. Таким образом, в то время как количество обращающегося золота зависит от товарных цен, стоимость обращающихся бумажных билетов зависит, наоборот, исключительно от их собственного количества.

Кажется, будто вмешательство государства, выпускающего бумажные деньги с принудительным курсом, – а мы здесь говорим только о таких бумажных деньгах, – уничтожает экономический закон. Кажется, будто государство, которое в монетной цене только давало определенному весовому количеству золота определенное имя, а при чеканке монеты только накладывало на золото свой штамп, превращает теперь магической силой своего штампа бумажки в золото. Так как бумажные билеты имеют принудительный курс, то никто не может помешать государству втиснуть в обращение произвольно большое количество этих билетов и напечатать на них любые монетные названия: 1 фунт стерлингов, 5 фунтов стерлингов, 20 фунтов стерлингов. Билеты, раз попавшие в обращение, не могут быть оттуда выброшены, так как пограничные столбы данного государства задерживают их движение и так как вне обращения они теряют всякую стоимость, как потребительную, так и меновую. Оторванные от своего функционального бытия, они превращаются в никчемные клочки бумаги. Однако эта власть государства – только иллюзия. Государство может бросить в обращение любое количество бумажных билетов с любыми монетными названиями, но этим механическим

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
актом и прекращается его контроль. Захваченные обращением знаки стоимости, или бумажные деньги, подпадают под власть его имманентных законов.

Если бы 14 миллионов фунтов стерлингов составляли сумму золота, необходимую для товарного обращения, а государство бросило бы в обращение 210 миллионов бумажных билетов с наименованием каждого в 1 фунт стерлингов, то эти 210 миллионов билетов превратились бы в представителей золота на общую сумму 14 миллионов фунтов стерлингов. Получилось бы то же самое, как если бы государство сделало однофунтовые бумажные билеты представителями другого, в 15 раз менее ценного металла или представителями количества золота, которое по весу в 15 раз меньше прежнего. Ничто не изменилось бы, кроме наименования масштаба цен, которое, естественно, носит условный характер, безразлично, изменяется ли оно прямо путем изменения содержания монеты или косвенно путем увеличения количества бумажных билетов в размере, соответствующем новому, более низкому масштабу. Так как название «фунт стерлингов» обозначало бы теперь в 15 раз меньшее количество золота, то все товарные цены повысились бы в 15 раз, и 210 миллионов однофунтовых билетов были бы теперь действительно столь же необходимыми, как раньше 14 миллионов. В той же мере, в которой увеличилась бы общая сумма знаков стоимости, уменьшилось бы количество золота, представляемого каждым отдельным знаком. Повышение цен было бы только реакцией процесса обращения, насильственно приравнивающего знаки стоимости к тому количеству золота, вместо которого они обращаются.

В истории порчи монеты английским и французским правительствами мы неоднократно встречаем, что цены повышались не в такой степени, в какой портилась серебряная монета. Это происходило просто потому, что степень, в которой количество монеты возрастало, не соответствовала той степени, в которой она фальсифицировалась, т. е. потому, что количество выпущенных монет с пониженным металлическим составом было недостаточным для того, чтобы меновые стоимости товаров впредь оценивались в этом металле как в мере стоимостей и реализовались посредством монет, соответствующих этой более низкой единице измерения. Этим разрешается затруднение, оставшееся неразрешенным в поединке между Локком и Лаундсом. Отношение, в котором знак стоимости, – безразлично, бумажные билеты или фальсифицированные золотые и серебряные монеты, – замещает весовое количество золота или серебра, соответствующее монетной цене, зависит не от материала самого этого знака, а от количества, в котором такие знаки находятся в обращении. Трудность понимания этого отношения происходит оттого, что деньги в обеих своих функциях, как мера стоимости и как средство обращения, подчиняются законам, которые не только противоположны друг другу, но, по-видимому, противоречат противоположному характеру обеих этих функций. Для функции денег как меры стоимостей, в которой деньги служат лишь счетными деньгами, а золото лишь идеальным золотом, решающее значение имеет природный материал денег. Меновые стоимости, оцененные в серебре, или в виде серебряных цен, имеют, естественно, совершенно другой вид, чем выражение в золоте или в виде золотых цен. Наоборот, в функции денег как средства обращения, в которой деньги не только выступают в представлении, но и должны быть в наличности как реальная вещь рядом с другими товарами, материал денег становится безразличным и все зависит от их количества. Для единицы измерения имеет решающее значение, является ли она фунтом золота, серебра или меди; наоборот, только число монет, независимо от их собственного материала, делает их соответственным воплощением каждой из этих единиц измерения. Но обыденному человеческому рассудку противоречит, что в деньгах, только мысленно представляемых, все зависит от их материальной субстанции, а в телесно существующей монете все зависит от идеального числового отношения.

Таким образом, повышение или падение товарных цен в зависимости от увеличения или уменьшения массы бумажных билетов, – последнее там, где средством обращения служат исключительно бумажные билеты, – есть только насильственное осуществление процессом обращения закона, механически нарушенного извне, закона, по которому количество находящегося в обращении золота определяется товарными ценами, а количество находящихся в обращении знаков стоимости – количеством золотой монеты, замещаемой ими в обращении. Поэтому, с другой стороны, какая угодно масса бумажных билетов поглощается и как бы переваривается процессом обращения, так как знак стоимости, с каким бы золотым титулом он ни вступал в обращение, в сфере последнего сжимается в знак того количества золота, которое могло бы обращаться вместо него.

В обращении знаков стоимости все законы действительного денежного обращения

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
выступают перевернутыми и поставленными на голову. В то время как золото обращается потому, что имеет стоимость, бумажные деньги имеют стоимость потому, что они обращаются. В то время как при данной меновой стоимости товаров количество находящегося в обращении золота зависит от его собственной стоимости, стоимость бумажных денег зависит от находящегося в обращении их количества. В то время как количество находящегося в обращении золота увеличивается или уменьшается вместе с повышением или падением товарных цен, товарные цены повышаются или падают, по-видимому, в зависимости от изменения количества бумажных денег, находящихся в обращении. В то время как товарное обращение может поглотить только определенное количество золотой монеты и потому попеременное сокращении и увеличение количества обращающихся денег представляется необходимым законом, – бумажные деньги могут вступать в обращение, по-видимому, в любом количестве. В то время, как государство фальсифицирует золотую и серебряную монету и тем самым нарушает функционирование ее в качестве средства обращения, если оно выпускает монету хотя бы только на 1/100 грана ниже ее номинального содержания, оно совершает вполне правильную операцию, выпуская лишние стоимости бумажные билеты, не имеющие с металлом ничего общего, кроме их монетного названия. В то время как золотая монета, очевидно, представляет стоимость товаров лишь постольку, поскольку последняя сама выражена в золоте или представлена в виде цены, кажется, будто знак стоимости представляет непосредственно стоимость товара. Отсюда ясно, почему исследователи, изучавшие явления денежного обращения односторонне, на обращении бумажных денег с принудительным курсом, не могли правильно понять все имманентные законы денежного обращения. Действительно, в обращении знаков стоимости эти законы не только извращены, но и незаметны, так как бумажные деньги, выпущенные в надлежащем количестве, совершают такие движения, которые им, как знакам стоимости, несвойственны, между тем как свойственное им самим движение, вместо того, чтобы проистекать непосредственно из метаморфоза товаров, возникает из нарушения правильной пропорции между бумажными деньгами и золотом.

3. ДЕНЬГИ

Деньги в отличие от монеты, будучи результатом процесса обращения в форме Т–Д–Т, образуют исходный пункт процесса обращения в форме Д–Т–Д, т. е. обмена денег на товар с целью обмена товара на деньги. В форме Т–Д–Т исходный и конечный пункты движения образует товар, а в форме Д–Т–Д – деньги. В первой форме деньги опосредствуют обмен товаров, во второй форме товар опосредствует превращение денег в деньги. Деньги, которые в первой форме являются простым средством, во второй форме являются конечной целью обращения; товар же, который в первой форме является конечной целью, во второй является простым средством. Так как деньги сами суть уже результат обращения Т–Д–Т, то в форме Д–Т–Д результат обращения выступает вместе с тем его исходным пунктом. В то время как в Т–Д–Т действительное содержание процесса составляет обмен веществ, действительное содержание второго процесса Д–Т–Д составляет само бытие формы товара, вытекающее из этого первого процесса.

В форме Т–Д–Т оба крайних члена суть товары одной и той же величины стоимости, но вместе с тем качественно различные потребительные стоимости. Их обмен Т–Т есть действительный обмен веществ. Напротив, в форме Д–Т–Д оба крайних члена суть золото, и притом золото одной и той же величины стоимости. Обменивать золото на товар для того, чтобы обменять товар на золото, или, рассматривая результат Д–Д, обменивать золото на золото кажется нелепым. Если, однако, выразить Д–Т–Д формулой: купить для того, чтобы продать, – что означает не что иное, как обменивать при помощи опосредствующего движения золото на золото, – то мы тотчас же узнаем в ней господствующую форму буржуазного производства. На практике, однако, не просто покупают, чтобы продать, но покупают дешево, чтобы продать дороже. Деньги обмениваются на товар для того, чтобы этот же товар снова обменять на большее количество денег, так что крайние члены Д и Д различны, если не качественно, то количественно. Такое количественное различие предполагает обмен неэквивалентов, между тем как товар и деньги, как таковые, суть только противоположные формы самого товара, стало быть, различные формы существования одной и той же величины стоимости. Следовательно, кругооборот Д–Т–Д скрывает под формами денег и товара более развитые производственные отношения и представляет собой в сфере простого обращения лишь отражение более сложного движения. Поэтому мы должны деньги, в отличие от средств обращения, выводить из непосредственной формы товарного обращения Т–Д–Т.

Золото, т. е. специфический товар, который служит мерой стоимостей и средством обращения, становится без дальнейшего содействия со стороны общества деньгами. В

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org

Англии, где серебро не представляет собой ни меры стоимостей, ни господствующего средства обращения, оно не становится и деньгами, точно так же, как в Голландии золото перестало быть деньгами со времени его низвержения как меры стоимостей. Следовательно, товар становится деньгами прежде всего как единство меры стоимостей и средства обращения, или – единство меры стоимостей и средства обращения есть деньги. Но в качестве такого единства золото обладает и самостоятельным существованием, отличным от его бытия в обеих этих функциях. Как мера стоимостей, золото есть только идеальные деньги и идеальное золото; как простое средство обращения, оно есть символические деньги и символическое золото; но в своей простой металлической телесности золото есть деньги или деньги – действительное золото.

Рассмотрим теперь находящийся в покое товар золото, который, представляет собой деньги, в его отношении к другим товарам. Все товары представляют в своих ценах определенную сумму золота; они суть, следовательно, только представляемое золото или представляемые деньги, представители золота, тогда как, наоборот, в качестве знака стоимости деньги выступали только простым представителем товарных цен {«Не только благородные металлы являются представителями вещей... но и, наоборот, вещи... являются представителями золота и серебра». А. Genovesi. «Lezioni di Economia civile» (1765), p. 281 [А. Дженовези. «Лекции по гражданской экономике» (1765), стр. 281] в издании Кустоди. Современные экономисты, т. VIII}. Так как, следовательно, все товары суть только представляемые деньги, то деньги суть единственный действительный товар. В противоположность товарам, которые только представляют самостоятельное бытие меновой стоимости, всеобщего общественного труда, абстрактного богатства, золото есть материальное бытие абстрактного богатства. Со стороны потребительной стоимости каждый товар выражает своим отношением к особой потребности только один момент вещественного богатства, только одну отдельную сторону богатства. Деньги же удовлетворяют всякую потребность, поскольку они могут быть непосредственно обменены на предмет любой потребности. Их собственная потребительная стоимость реализуется в бесконечном ряде потребительных стоимостей, составляющих эквивалент денег. В своей солидной металлической плоти они содержат в нераскрытом виде все вещественное богатство, развернутое в мире товаров. Таким образом, если товары в своих ценах являются представителями всеобщего эквивалента, или абстрактного богатства, золота, то золото в своей потребительной стоимости является представителем потребительных стоимостей всех товаров. Следовательно, золото – материальный представитель вещественного богатства. Оно – «precis de toutes les choses» {«итог всех вещей»} (Буагильбер), компендиум общественного богатства. Оно одновременно по форме – непосредственное воплощение всеобщего труда, а по содержанию – совокупность всех реальных видов труда. Оно есть всеобщее богатство как индивидуум {Петти: «Золото и серебро суть «universal wealth» [«всеобщее богатство»]}, «Политическая арифметика», стр. 242}. В своей роли посредника обращения золото терпело всякого рода невзгоды, оно обрезывалось и даже утончалось до простого символического клочка бумаги. Но в качестве денег оно вновь обретает свое золотое величие. Из слуги оно становится господином {E. Misselden. «Free trade or the means to make trade flourish etc.». London, 1622 [Э. Мисселден. «Свободная торговля или средство сделать торговлю процветающей и т. д.». Лондон, 1622]. «Естественным предметом торговли является товар, which merchants from the end of the trade have stiled commodities [то что по окончании производства купцы признают полезностью]. Искусственный предмет торговли – это деньги, получившие название of sinews of warre and of state [нервов войны и государства]. Хотя деньги и по природе вещей, и по времени появляются после товара yet for as much as it is now in use has become the chiefe [но в настоящее время они на практике получили первенствующее значение]» (стр. 7). Он сравнивает товар и деньги с «двумя сыновьями древнего Иакова, который правую руку возложил на младшего сына, а левую – на старшего» (цитированное произведение). Boisguillebert. «Dissert, sur la nature des richesses etc.», 1. c. (p. 395, 399) [Буагильбер. «Трактат о природе богатств и т. д.», цитированное издание (стр. 395, 399)] ... «и вот раб торговли становится ее господином... Бедствия народов происходят только оттого, что бывшего раба сделали господином, или, вернее, тираном», из простого подручного – богом товаров {Буагильбер: «Из этих металлов (золота и серебра) сделали идола и, пренебрегая целью и намерением, ради которых они были введены в торговлю, – а именно, чтобы служить залогом при обмене и взаимной передаче, – их почти отстранили от выполнения этой службы и превратили в божества, которым приносили и продолжают приносить в жертву больше богатств, драгоценностей и даже жизней человеческих, чем слепая древность когда-либо приносила в жертву этим ложным божествам» (цитированное произведение, стр. 395)}.

а) Образование сокровищ

Золото в качестве денег первоначально отделилось от средства обращения вследствие того, что товар прервал процесс своего метаморфоза и застыл в виде золотой куколки. Это происходит каждый раз, когда продажа не переходит в покупку. Таким образом, самостоятельное обособление золота в качестве денег есть прежде всего наглядное выражение распада процесса обращения или метаморфоза товара на два отдельных, существующих независимо друг от друга акта. Сама монета становится деньгами, как только ее движение прерывается. В руках продавца, который получил ее за свой товар, она представляет собой деньги, а не монету; как только она уходит из его рук, она становится опять монетой. Каждый является продавцом того одностороннего товара, который он производит, и покупателем всех других товаров, которые ему нужны для общественного существования. В то время как его выступление в качестве продавца зависит от рабочего времени, необходимого для производства его товара, его выступление в качестве покупателя обусловлено постоянным возобновлением его жизненных потребностей. Чтобы иметь возможность покупать, не продавая, он должен был продавать, не покупая. В действительности обращение Т–Д–Т есть находящееся в состоянии процесса единство продажи и покупки лишь постольку, поскольку оно вместе с тем есть постоянный процесс их отделения. Для того, чтобы деньги постоянно текли как монета, монета должна постоянно оседать в виде денег. Постоянное обращение монеты обусловлено постоянной задержкой со в больших или меньших количествах в резервных монетных фондах, повсюду возникающих в сфере обращения и вместе с тем обуславливающих его; образование, распределение, исчезновение и возобновление этих резервных фондов постоянно изменяются, их существование постоянно исчезает, их исчезновение постоянно имеет место. Адам Смит выразил это беспрестанное превращение монеты в деньги и денег в монету таким образом, что каждый товаровладелец наряду с тем особым товаром, который он продает, должен постоянно иметь в запасе известную сумму всеобщего товара, на которую он покупает. Мы видели, что в обращении Т–Д–Т второй член Д–Т расщепляется на ряд покупок, которые совершаются не сразу, а последовательно во времени, так что одна часть Д обращается в качестве монеты, в то время как другая часть покоится в качестве денег. Деньги здесь в сущности только отложенная монета, и отдельные составные части находящейся в обращении монетной массы всегда появляются попеременно то в одной форме, то в другой. Следовательно, это первое превращение средства обращения в деньги представляет лишь технический момент самого денежного обращения {буагильбер в первом же переходе денег, этого *perpetuum mobile*, в неподвижное состояние, т. е. в отрицании их функционального бытия в качестве средства обращения, предугадывает самостоятельное обособление денег по отношению к товарам. Деньги, – говорит он, – должны находиться «в непрерывном движении, а это возможно только до тех пор, пока они обладают подвижностью; как только они становятся неподвижными, все погибло» («Розничная торговля Франции», стр. 213). Он не понимает, что эта остановка денег есть условие их движения. В сущности он хочет, чтобы стоимостная форма товаров выступала только мимолетной формой их обмена веществ, но никогда не закреплялась как самоцель}.

Первая, естественно возникшая форма богатства, это – излишек, или избыток продуктов, т. е. та часть продуктов, которая не нужна непосредственно в качестве потребительной стоимости, или же владение такими продуктами, потребительная стоимость которых находится вне круга первых необходимых потребностей. При рассмотрении перехода товара в деньги мы видели, что именно этот излишек, или избыток, продуктов на неразвитых ступенях производства образует сферу товарного обмена. Избыточные продукты становятся продуктами, способными к обмену, или товарами. Адекватной формой существования этого излишка являются золото и серебро, первая форма, в которой богатство утверждается как абстрактное общественное богатство. Товары не только могут сохраняться в форме золота и серебра, т. е. в денежном материале, но золото и серебро суть богатство в сохранной форме. Каждая потребительная стоимость как таковая служит тем, что она потребляется, т. е. уничтожается. А потребительная стоимость золота как денег состоит в том, чтобы быть носителем меновой стоимости, чтобы в качестве бесформенного сырья быть материализацией всеобщего рабочего времени. В виде бесформенного металла меновая стоимость обладает непреходящей формой. Золото или серебро, приведенные таким образом в виде денег в неподвижное состояние, суть сокровище. У народов с чисто металлическим обращением, например у древних, образование сокровищ представляет собой повсеместный процесс, который осуществляется как отдельными лицами, так и государством, охраняющим свое государственное сокровище. В более древние времена, в Азии и в Египте, эти сокровища, охраняемые царями и жрецами, выступают скорее как свидетельство их

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
могущества. В Греции и в Риме образование государственных сокровищ, как всегда надежной и всегда готовой к использованию формы избытков, становится задачей политики. Быстрое перемещение таких сокровищ из одной страны в другую завоевателями и их частичный внезапный прилив в обращение составляют особенность античной экономики.

Как овеществленное рабочее время, золото гарантирует величину своей собственной стоимости, а так как оно есть материализация всеобщего рабочего времени, то процесс обращения гарантирует ему его постоянное действие в качестве меновой стоимости. Благодаря одному тому факту, что товаровладелец может сохранить товар в его форме меновой стоимости или же самое меновую стоимость как товар, обмен товаров с целью получить их обратно в превращенном образе золота становится собственным мотивом обращения. Метаморфоз товара Т–Д происходит ради самого его метаморфоза с целью превратить товар из особенного естественного богатства во всеобщее общественное богатство. Вместо обмена веществ самоцелью становится смена форм. Из простой формы меновая стоимость превращается в содержание движения. Товар сохраняется как богатство, как товар, лишь постольку, поскольку он сохраняется в пределах сферы обращения, а в этом текучем состоянии он сохраняется лишь постольку, поскольку затвердевает в виде серебра и золота. Он остается в потоке как кристалл процесса обращения. Между тем, сами золото и серебро фиксируются в качестве денег лишь постольку, поскольку они не являются средствами обращения. Как не средства обращения они становятся деньгами. Следовательно, извлечение товара из обращения в форме золота есть единственное средство постоянно удерживать товар в сфере обращения.

Товаровладелец может получить обратно из обращения в виде денег лишь столько, сколько он дает обращению в виде товара. Постоянно продавать, непрерывно бросать товары в обращение, – таково поэтому первое условие образования сокровищ с точки зрения товарного обращения. С другой стороны, деньги как средство обращения постоянно исчезают в самом процессе обращения, поскольку они постоянно реализуются в потребительных стоимостях и уничтожаются в преходящем потреблении. Поэтому деньги должны быть вырваны из пожирающего потока обращения, или товар должен быть задержан в своем первом метаморфозе с тем, чтобы помешать деньгам выполнять их функцию покупательного средства. Товаровладелец, ставший теперь собирателем сокровищ, должен как можно больше продавать и как можно меньше покупать, как этому учил уже старый катон: *patrem familias vendacem, non emacem esse*. Как трудолюбие – положительное, так бережливость – отрицательное условие образования сокровищ. Чем в меньшей степени эквивалент товара извлекается из обращения в виде особенных товаров или потребительных стоимостей, тем в большей степени он извлекается оттуда в форме денег или меновой стоимости {«Чем более возрастает запас в товарах, тем более уменьшается запас, существующий в виде сокровища (in treasure)»}. Мисселден, цитированное произведение, стр. 23}. Следовательно, присвоение богатства в его всеобщей форме обуславливает отречение от богатства в его вещественной реальности. Поэтому жизненный стимул собирания сокровищ, это – скупость, для которой потребностью является не товар как потребительная стоимость, а меновая стоимость как товар. Чтобы овладеть излишком в его всеобщей форме, особые потребности должны рассматриваться как роскошь и излишества. Так, в 1593г кортесы сделали Филиппу II представление, в котором между прочим говорится:

«Кортесы Вальядолида в 1586г просили Ваше величество не разрешать впредь ввоза в королевство свечей, стеклянных товаров, ювелирных изделий, ножей и тому подобных вещей, которые привозятся из-за границы с целью обмена этих столь бесполезных для человеческой жизни вещей на золото, как будто бы испанцы – индейцы». Собиратель сокровищ презирает светские, временные и преходящие наслаждения, гоняясь за вечным сокровищем, которого не ест ни тля, ни ржа, которое является всецело небесным и в то же время всецело земным.

«Всеобщая конечная причина нашего недостатка в золоте», – говорит Мисселден в указанном сочинении, – «заключается в большом излишестве в потреблении нашим королевством иноземных товаров, которые вместо того, чтобы быть для нас *commodities* {полезными}, оказываются для нас *discommodities* {вредными}, так как они лишают нас столь многих сокровищ, которые в противном случае ввозились бы вместо этих безделушек (*toys*). Мы потребляем у себя в очень большом избытке вина из Испании, Франции, Рейнской провинции, Леванта; изюм из Испании, коринку из Леванта, линобатист (сорт тонкого полотна) и батист из Эно, шелковые изделия из Италии, сахар и табак из Вест-Индии, пряности из Ост-Индии – все это не является для нас абсолютной потребностью, и тем не менее эти вещи мы покупаем за чистое золото» {цитированное произведение, стр. 11–13 и сл}.

Золото и серебро – богатство непреходящее как потому, что их меновая стоимость

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
существует в неразрушимом металле, так и потому особенно, что золоту и серебру в качестве средства обращения препятствуют стать лишь мимолетной денежной формой товара. Преходящее содержание приносится таким образом в жертву непреходящей форме.

«Если посредством налогов деньги отбираются у того, кто их проедает и пропивает, и передаются тому, кто употребляет их на улучшение земли, рыболовство, горное дело, мануфактуры или даже на платье, то для общества это всегда представляет выгоду, потому что даже платье имеет не столь преходящий характер, как пища и напитки. Если деньги употребляются на домашнюю мебель, то выгода тем больше; она будет еще больше, если деньги употребляются на постройку домов и т. д., и больше всего, если в страну привозятся золото и серебро, так как только эти вещи имеют непреходящий характер и ценятся как богатство во все времена и повсеместно; все прочее есть богатство лишь *pro hic et nunc* [в определенном месте и времени]» {Петти. «Политическая арифметика», стр. 196}.

Извлечение денег из потока обращения и предохранение их от общественного обмена веществ проявляется также внешним образом в закапывании денег в землю, так что общественное богатство, как скрытое под землей, непреходящее сокровище превращается в совершенно тайное частное отношение к товаровладельцу. Доктор Бернье, который провел некоторое время в Дели при дворе Ауренгзеба, рассказывает, как купцы тайно закапывают свои деньги глубоко в землю, особенно немагометане-язычники, которые держат в своих руках почти всю торговлю и все деньги; они

, tome I, conf. p. 312–314 [Франсуа Бернье. «Путешествие по государствам Великого Могола», т. I, ср. стр. 312–314], парижское издание 1830 года}. Впрочем, собиратель сокровищ, поскольку его аскетизм связан с деятельным трудолюбием, по своей религии в сущности – протестант и еще более пуританин. «Нельзя отрицать, что купля и продажа – вещь нужная, без которой нельзя обойтись; ведь можно покупать по-христиански, особенно вещи, служащие потребностям и приличию, ибо и патриархи покупали и продавали скот, шерсть, хлеб, масло, молоко и прочие блага. Это – дары бога, которые он берет из земли и делит между людьми. Но внешняя торговля, которая из Калькутты, Индии и т. п. доставляет товары вроде драгоценных шелков, золотых изделий и пряностей, служащих только роскоши, а не для пользы, и высасывает из страны и из населения деньги, – не должна была бы допускаться, если бы мы имели единое правление и государя. Но об этом я не хочу теперь писать, ибо я полагаю, что в конце концов, когда мы больше не будем иметь денег, эта торговля прекратится сама собой, равно как роскошь и обтовщичество». 1524]. В том же месте Лютер говорит: «По попущению божию мы, немцы, должны отдавать свое золото и серебро в чужие страны, обогащать весь мир, а сами оставаться нищими. Англия имела бы меньше золота, если бы Германия оставляла ей ее сукно, и король португальский также имел бы меньше золота, если бы мы оставляли ему его пряности. Если ты подсчитаешь, сколько денег без надобности и причин вывозится из немецких государств на одну только франкфуртскую ярмарку, то ты удивишься, каким образом в немецких государствах остается еще хоть один грош. Франкфурт, это – серебряная и золотая дыра, через которую из немецкой земли вытекает все, что только создается и растет, чеканится и превращается в монету у нас; если бы эта дыра была заткнута, не приходилось бы теперь слышать жалоб, что повсюду одни только долги и нет денег, что все деревни и города разорены ростовщическими долгами. Но пусть все идет, как должно идти: мы, немцы, должны остаться немцами! Мы не отступим, ведь мы должны».

Мисселден в вышеназванном сочинении хочет удержать золото и серебро, по крайней мере, в кругу христианских народов. «Денег становится меньше вследствие торговли с нехристианскими странами, с Турцией, Персией и Ост-Индией. Эта торговля ведется большей частью на наличные деньги, однако совершенно иначе, чем торговля между самими христианами. Ибо, хотя торговля в пределах христианского мира ведется на наличные деньги, но деньги остаются постоянно заключенными в границах этого мира. Действительно, в торговле между христианскими странами существуют течения и противотечения, приливы и отливы денег, потому что иногда в одном месте имеется денег больше, в другом месте меньше, в зависимости от того, что одна страна испытывает недостаток, а другая имеет избыток; деньги приходят, уходят и обращаются в кругу христианских народов, но остаются всегда в его пределах. Деньги же, которые вывозятся для торговли с нехристианскими народами в вышеуказанные страны, всегда расходуются и никогда не возвращаются назад»}. В периоды потрясений в общественном обмене веществ даже в развитом буржуазном обществе имеет место закапывание о землю денег как сокровище. Общественная связь в ее компактной форме – для товаровладельца эта связь состоит в товаре, а адекватное бытие товара суть деньги – предохраняется от общественного движения. Общественный *nervus rerum* {буквально: нерв вещей, в переносном смысле – движущая

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
сила всех вещей} предается земле вместе с телом, нервом которого он служит.

Сокровище было бы лишь бесполезным металлом, его денежная душа покинула бы его, и оно сохранилось бы как перегоревший пепел обращения, как его *caput mortuum* {буквально: мертвая голова, здесь в смысле: мертвые останки}, если бы оно не стремилось постоянно к обращению. Деньги, или ставшая самостоятельной меновая стоимость, по своему качеству есть бытие абстрактного богатства, но, с другой стороны, всякая данная сумма денег есть количественно ограниченная величина стоимости. Количественная граница меновой стоимости противоречит ее качественной всеобщности, и собиратель сокровищ чувствует эту границу как предел, который в действительности превращается вместе с тем в качественный предел или делает сокровище лишь ограниченным представителем вещественного богатства. Деньги как всеобщий эквивалент, как мы видели, непосредственно представляются в виде уравнения, в котором они сами составляют одну сторону, а бесконечный ряд товаров – другую сторону. От величины меновой стоимости зависит, насколько деньги в своей реализации приближаются к такому бесконечному ряду, т. е. насколько они соответствуют своему понятию меновой стоимости. Движение меновой стоимости, как меновой стоимости, как автомата, вообще может заключаться только в том, чтобы выходить за свою количественную границу. Но как только переступается одна количественная граница сокровища, создается новый предел, который должен быть опять устранен. Пределом оказывается не какая-либо определенная граница сокровища, а всякая его граница. Образование сокровища не имеет, стало быть, в самом себе никакой имманентной границы, никакой меры, а есть бесконечный процесс, который в достигнутом им каждый раз результате находит мотив своего начала. Если сокровище умножается только потому, что оно сохраняется, то и наоборот, оно сохраняется только потому, что оно умножается.

Деньги представляют собой не только один из предметов страсти к обогащению, но единственный ее предмет. Эта страсть по существу есть *auri sacra fames* {проклятая страсть к золоту}. Страсть к обогащению, в отличие от страсти к определенному натуральному богатству или к потребительным стоимостям, как, например, к платью, украшению, стадам и т. п., возможна только тогда, когда всеобщее богатство как таковое индивидуализируется в особой вещи и потому может сохраниться в виде отдельного товара. Таким образом, деньги выступают как предметом, так и источником страсти к обогащению {«В деньгах кроется источник скупости ... постепенно она разгорается до безумия: это уже не скупость, а страсть к золоту». Plin. «Hist. nat.», L. XXXIII, c. III, [sect. 14] [Плиний. «Естественная история», кн. XXXIII, гл. III, параграф 14]}. В сущности в основе здесь лежит то, что меновая стоимость как таковая, а тем самым и ее умножение, становится целью. Скупость сохраняет сокровище, не позволяя деньгам стать средством обращения, но жажда золота сохраняет денежную душу сокровища, его постоянное стремление к обращению.

Деятельность, посредством которой образуется сокровище, представляет собой, с одной стороны, извлечение денег из обращения путем постоянно повторяемых продаж, а с другой стороны – простое собирание, накопление. В сущности, только в сфере простого обращения, и именно в форме образования сокровищ, имеет место накопление богатства как таковое, в то время как остальные так называемые формы накопления, как мы увидим позднее, считаются накоплением ошибочно, лишь вследствие того, что они напоминают простое денежное накопление. Все другие товары накапливаются или в виде потребительных стоимостей, и в таком случае способ их накопления определяется особенностью их потребительной стоимости. Накопление хлеба, например, требует особых приспособлений. Накопление овец делает меня пастухом, накопление рабов и земли делает необходимыми отношения господства и подчинения и т. д. Собирание запасов особых видов богатства требует особых процессов, отличных от простого акта накопления самого по себе и развивает особые стороны индивидуальности. Или же богатство в форме товаров накапливается как меновая стоимость, и тогда накопление выступает как торговая или специфически экономическая операция. Субъект этой операции становится хлеботорговцем, скототорговцем и т. п. Золото и серебро суть деньги не благодаря какой-либо деятельности индивидуума, который их накапливает, а как кристаллы процесса обращения, протекающего без его содействия. Ему не приходится делать ничего другого, как только откладывать золото и серебро и присоединять одно весовое их количество к другому, – совершенно бессодержательная деятельность, которая, будучи применена ко всем другим товарам, обесценила бы их {Гораций, следовательно, ничего не понимает в философии собирания сокровищ, когда говорит (Satir. L. II, Satir 3. [Вторая книга сатир. Сатира 3]):

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
«Ежели цитр кто накупит и в общую сложит их груды,

Сам не учася на цитре, из муз не любя ни единой,
Если с ножом и колодками сам не сапожник, а также
Купит морских парусов, ненавидя торговлю, безумцем
По справедливости он прослышет. От таких чем отличен
Тот, кто деньги и золото прячет, не зная, что делать
С тем, что скопил, и боясь коснуться его, как святыни?»

Господин Сениор понимает это дело лучше: «Деньги, по-видимому, единственный предмет, стремление к которому является всеобщим, и это происходит потому, что деньги – абстрактное богатство, и люди, владея ими, могут удовлетворять все свои потребности, какого бы рода они ни были». «Principes fondamentaux de l'Éc. pol.», traduit par le comte Jean Arrivabene, Paris, 1836, p. 221 [«Основные принципы политической экономии», перевод графа Жана Аривабена, Париж, 1836, стр. 221]; или Шторх: «Так как деньги являются представителем всех других богатств, то достаточно накопить их, чтобы можно было приобрести все существующие в мире виды богатства» (цитированное произведение, т. 2, стр. 135)}.

Наш собиратель сокровищ выступает мучеником меновой стоимости, благочестивым аскетом на вершине металлического столба. Он имеет дело только с богатством в его общественной форме и поэтому прячет его от общества. Он жаждет товара в его постоянно пригодной для обращения форме и поэтому извлекает его из обращения. Он мечтает о меновой стоимости и поэтому не обменивает. Текучая форма богатства и его окаменелая форма, жизненный эликсир и философский камень, как в алхимии, яростно сталкиваются друг с другом. В своей воображаемой безграничной жажде наслаждений он отказывается от всякого наслаждения. Желая удовлетворить все общественные потребности, он едва удовлетворяет свои естественно-необходимые потребности. Сохраняя богатство в его металлической телесности, он превращает его в простой призрак. В сущности накопление денег ради денег есть варварская форма производства ради производства, т. е. развитие производительных сил общественного труда за пределы обычных потребностей. Чем менее развито товарное производство, тем более важное значение имеет это первое самостоятельное обособление меновой стоимости в виде денег, собирание сокровищ, которое играет поэтому большую роль у древних народов, в Азии до настоящего времени, и у современных земледельческих народов, где меновая стоимость еще не охватила всех производственных отношений. Специфически экономическую функцию образования сокровищ в сфере самого металлического обращения мы сейчас рассмотрим, но прежде отметим еще другую форму образования сокровищ.

Серебряные и золотые товары, совершенно независимо от своих эстетических свойств, могут быть – поскольку материал, из которого они состоят, представляет собой денежный материал – превращены в деньги, так же как золотые деньги или золотые слитки могут быть превращены в эти товары. Так как золото и серебро представляют собой материал абстрактного богатства, то наилучший способ демонстрации богатства заключается в употреблении их как конкретных потребительных стоимостей, и если на известных ступенях производства товаровладелец прячет свое сокровище, то повсюду, где он может делать это с безопасностью, он чувствует влечение выступить перед другими товаровладельцами в качестве *ricco hombre* {богатого человека}. Он позолачивает себя и свой дом {Насколько внутренний человек товарного индивидуума остается не изменившимся даже там, где последний цивилизуется и развивается в капиталиста, показывает пример лондонского представителя одного международного банкирского дома, повесившего за стеклом и в раме в качестве подobaющего фамильного герба банкноту в 100000 фунтов стерлингов. Вся соль заключается здесь в том, что эта банкнота насмешливо и свысока взирает на обращение}. В Азии, в частности в Индии, где образование сокровищ не является подчиненной функцией механизма производства в целом, как в буржуазной экономике, но где богатство в этой форме остается конечной целью, золотые и серебряные товары представляют собой в сущности лишь эстетическую форму сокровища. В средневековой Англии золотые и серебряные товары рассматривались законом как простая форма сокровища, так как стоимость их лишь в незначительной мере увеличивалась от прибавленного к ним простого труда. Назначение их заключалось в том, чтобы вновь быть брошенными в обращение, и

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org

поэтому проба их предписывалась с такой же точностью, как и проба самих монет. Возрастающее потребление золота и серебра как предметов роскоши вместе с возрастающим богатства представляет собой такую простую вещь, что древним она была вполне понятна {См. цитируемое ниже место из Ксенофонта}, тогда как современные экономисты выдвинули ложное положение, будто потребление серебряных и золотых товаров возрастает не пропорционально росту богатства, а лишь пропорционально падению стоимости благородных металлов, Поэтому данные этих экономистов о потреблении калифорнийского и австралийского золота, в остальном точные, обнаруживают всегда пробел, так как возросшее потребление золота в качестве сырого материала, согласно их ошибочному представлению, не оправдывается соответствующим падением его стоимости. За время с 1810 по 1830 год, вследствие войны американских колоний с Испанией и перерыва в работе рудников, вызванного революциями, среднегодовое производство благородных металлов сократилось более чем наполовину. В 1829г, по сравнению с 1809г, убыль монет, находящихся в обращении в Европе, составляла почти 1/6. Таким образом, хотя размеры производства сократились и издержки производства, – если они вообще изменились, – возросли, тем не менее потребление благородных металлов как предметов роскоши чрезвычайно возросло, в Англии уже во время войны, а на континенте со времени Парижского мира. Оно повысилось вместе с ростом всеобщего богатства {Джейкоб, цитированное произведение, т. II, гл. 25 и 26}. В качестве всеобщего закона можно выставить положение, что превращение золотых и серебряных денег в предметы роскоши происходит преимущественно в мирное время, а обратное превращение их в слитки, а также в монеты – только в бурные времена {«Во времена больших волнений и опасностей, особенно во времена внутренних потрясений и нашествий, золотые и серебряные вещи быстро превращаются в деньги; в периоды же спокойствия и процветания деньги превращаются в посуду и ювелирные изделия» (т. II, стр. 357 цитированного произведения)}. Насколько значительно отношение золотого и серебряного сокровища, существующего в форме предметов роскоши, к благородному металлу, служащему в качестве денег, можно видеть из того, что в 1829г это отношение, по данным Джейкоба, составляло в Англии 2:1, а во всей Европе и Америке количество благородного металла в предметах роскоши было на 1/4 больше, чем в деньгах.

Мы видели, что денежное обращение есть только проявление метаморфоза товаров, или смены форм, в которой совершается общественный обмен веществ. Поэтому при изменении суммы цен находящихся в обращении товаров или объема их одновременных метаморфозов, с одной стороны, и при данной каждой раз быстроте смены их форм, с другой стороны, общее количество золота, находящегося в обращении, должно было постоянно увеличиваться или уменьшаться; а это возможно лишь при условии, если общее количество денег, имеющих в данной стране, находится в постоянно изменяющемся отношении к количеству денег, находящихся в обращении. Это условие выполняется посредством образования сокровищ. Если цены падают или скорость обращения увеличивается, то резервуары сокровищ поглощают часть денег, выпадающую из обращения; если же цены повышаются или скорость обращения уменьшается, то сокровища открываются и частично приливают обратно в обращение. Это застывание обращающихся денег в форме сокровища и приливы сокровищ в обращение представляют собой постоянно изменяющееся колебательное движение, в котором преобладание того или другого направления определяется исключительно колебаниями товарного обращения. Сокровища выступают, таким образом, как приводные и отводные каналы находящихся в обращении денег, так что в качестве монеты всегда обращается лишь такое количество денег, которое обусловлено непосредственными потребностями самого обращения. Если объем обращения в целом вдруг расширяется и преобладает текучее единство покупок и продаж, и при этом общая сумма подлежащих реализации цен возрастает еще быстрее, чем скорость денежного обращения, то резервуары сокровищ заметно опустошаются; как только в общем движении наступает необычная заминка или упрочивается разрыв между продажей и покупкой, средства обращения в значительной мере застывают в виде денег и резервуары сокровищ наполняются намного выше их среднего уровня. В странах с чисто металлическим обращением или находящихся на неразвитой ступени производства сокровища бесконечно раздроблены и рассеяны по всей стране, между тем как в развитых буржуазных странах они концентрируются в резервуарах банков. Не следует смешивать сокровище с монетным резервом, который сам образует составную часть общего количества денег, постоянно находящихся в обращении, в то время как активное соотношение между сокровищем и средствами обращения предполагает уменьшение или увеличение указанного общего количества денег. Золотые и серебряные товары, как мы видели, составляют равным образом как отводной канал для благородных металлов, так и скрытый источник их прилива. Но в обычные времена только первая их функция имеет важное значение для экономики

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
металлического обращения {В следующем месте Ксенофонт развивает понятие денег в их специфической определенности формы в качестве денег и сокровища:

«Это единственная область, – из всех, которые я знаю, – где новый предприниматель не внушает зависти старым... Чем богаче оказывается серебряный рудник и чем больше в нем добывается серебра, тем больше людей привлекает он к себе. В самом деле, когда приобретено столько утвари, сколько нужно для хозяйства, редко прикупают еще; напротив, денег никто не имеет столько, чтобы не желать иметь их еще больше, а если у кого-нибудь они оказались в избытке, то он, закапывая излишек, получает не меньше удовольствия, чем если бы он им пользовался. Когда государство процветает, граждане особенно нуждаются в деньгах; мужчины хотят покупать красивое оружие, добрых коней, великолепные дома и обстановку; женщины жаждут нарядов и золотых украшений; если же государство страдает от неурожая или войны, то деньги необходимы для приобретения продовольствия, ввиду необработанности полей, или для найма вспомогательных войск...» Xen. «De vectig.», с. IV [Ксенофонт. «О налогах», гл. IV]. Аристотель в «Республике», гл. 9, кн. 1, развивает оба движения обращения Т–Д–Т и Д–Т–Д

b) Средство платежа

Двумя формами, в которых деньги до сих пор отличались от средства обращения, были: форма отложенной монеты и форма сокровищ. Первая форма отражала в преходящем превращении монеты в деньги то обстоятельство, что второе звено Т–Д–Т, покупка Д–Т, должно расщепиться в пределах определенной сферы обращения на ряд следующих одна за другой покупок. Образование же сокровищ покоилось просто на изолировании акта Т–Д, который не развивался в Д–Т; или оно было лишь самостоятельным развитием первого метаморфоза товара; оно представляло собой деньги, развившиеся здесь в качестве отчужденного бытия всех товаров, в противоположность средству обращения как бытию товара в его постоянно отчуждающейся форме. Монетный резерв и сокровище были деньгами только как не средство обращения, а не средством обращения они были только потому, что не обращались. В том определении, в котором мы рассматриваем деньги теперь, они обращаются или вступают в обращение, однако не в функции средства обращения. Как средство обращения деньги всегда были покупательным средством, теперь же они действуют как непокупательное средство.

Как только деньги, вследствие образования сокровищ, развились в качестве бытия абстрактного общественного богатства и материального представителя вещественного богатства, они получают в этой своей определенности в качестве денег своеобразные функции в процессе обращения. Если деньги циркулируют как простое средство обращения и тем самым как покупательное средство, то предполагается, что товар и деньги одновременно противостоят друг другу и, следовательно, одна и та же величина стоимости имеет налицо дважды: на одном полюсе – как товар в руках продавца, на другом полюсе – как деньги в руках покупателя. Это одновременное существование обоих эквивалентов на противоположных полюсах и одновременная перемена ими мест или их взаимное отчуждение предполагает, в свою очередь, что продавец и покупатель относятся друг к другу только как владельцы наличных эквивалентов. Между тем процесс метаморфоза товаров, который создает различные определенности формы денег, метаморфозирует также и товаровладельцев, или изменяет общественные роли, в которых они представляются друг другу. В процессе метаморфоза товара товарохранитель так же часто меняет свою шкуру, как часто товар совершает свое превращение или как часто деньги принимают новые формы. Так, первоначально товаровладельцы противостояли друг другу только в качестве товаровладельцев; потом один товаровладелец стал продавцом, другой – покупателем, далее каждый из них становится попеременно то покупателем, то продавцом, после этого они стали собирателями сокровищ и, наконец, богатыми людьми. Таким образом товаровладельцы выходят из процесса обращения не такими, какими они в него вступили. В сущности различные определенности формы, принимаемые деньгами в процессе обращения, представляют собой только кристаллизованную смену формы самих товаров, смену, которая, в свою очередь, есть лишь вещное выражение изменяющихся общественных отношений, в которых товаровладельцы совершают свой обмен веществ. В процессе обращения возникают новые отношения общения, и, как носители этих изменившихся отношений, товаровладельцы получают новые экономические роли. Подобно тому, как деньги в сфере внутреннего обращения идеализируются и простая бумага в качестве представителя золота выполняет функцию денег, точно так же этот процесс придает покупателю или продавцу, который вступает в него просто как представитель денег или товара – т. е. представляет будущие деньги или будущий товар, – значимость

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
действительного продавца или покупателя.

Все определенности формы, в которых золото развивается в деньги, представляют собой только развитие тех определений, которые заключены в метаморфозе товаров, но которые в простом денежном обращении, – при появлении денег в качестве монеты или в движении Т–Д–Т, как совершающемся в виде процесса единства, – не выделились в самостоятельный вид, или же выступали только в качестве возможностей, как, например, в перерыве метаморфоза товара. Мы видели, что в процессе Т–Д товар, как действительная потребительная стоимость и идеальная меновая стоимость, относился к деньгам как к действительной меновой стоимости и лишь идеальной потребительной стоимости. Продавец, отчуждая товар как потребительную стоимость, реализует его собственную меновую стоимость и потребительную стоимость денег. Наоборот, покупатель, отчуждая деньги как меновую стоимость, реализует потребительную стоимость денег и цену товара. Соответственно этому происходила перемена мест товара и денег. Живой процесс этой двусторонней полярной противоположности теперь снова раскалывается в своем осуществлении. Продавец действительно отчуждает товар, но цену его реализует вначале лишь только идеально. Он продал товар по его цене, которая, однако, будет реализована лишь позднее, в установленный срок. Покупатель покупает как представитель будущих денег, тогда как продавец продаст как владелец наличного товара. На стороне продавца товар как потребительная стоимость действительно отчуждается, хотя цена его еще в действительности не реализована; на стороне покупателя деньги действительно реализуются в потребительной стоимости товара, хотя как меновая стоимость они еще в действительности не отчуждены. Вместо знака стоимости, как было раньше, сам покупатель выступает здесь символически представителем денег. Но как раньше всеобщая символика знака стоимости требовала гарантии и принудительного курса со стороны государства, так теперь личная символика покупателя порождает частные контракты между товаровладельцами, исполнение которых охраняется законом.

Наоборот, в процессе Д–Т деньги могут быть отчуждены как действительное покупательное средство и цена товара может быть таким образом реализована прежде, чем будет реализована потребительная стоимость денег или прежде чем будет отчужден товар. Это имеет место, например, в обычной форме платы вперед, или же в той форме, в какой английское правительство закупает опиум у райятов в Индии, или в какой поселившиеся в России иностранные купцы закупают у русских значительную часть земледельческих продуктов. Однако здесь деньги действуют лишь в уже известной нам форме покупательного средства и поэтому не получают никакой новой определенности формы {конечно, капитал авансируется также в форме денег, и авансированные деньги могут быть авансированным капиталом; однако эта точка зрения выходит за пределы простого обращения}. Мы поэтому не останавливаемся на последнем случае; однако относительно превращенной формы, в которой здесь выступают оба процесса Д–Т и Т–Д, заметим, что различие между покупкой и продажей, которое непосредственно в обращении выступает только мысленным, теперь становится действительным различием, потому что в одной форме имеется в наличности только товар, в другой – только деньги, в обеих же формах имеется только крайний член, от которого исходит инициатива. Кроме того, обе формы имеют то общее, что в обеих один из эквивалентов существует только в общей воле покупателя и продавца, – воле, которая связывает обоих и получает определенные законом формы.

Продавец и покупатель становятся кредитором и должником. Если товаровладелец, как хранитель сокровища, представлял собой скорее комическую фигуру, то теперь он становится страшным, так как он уже не самого себя, а своего ближнего рассматривает как бытие определенной денежной суммы, и не себя, а его делает мучеником меновой стоимости. Из верующего он становится доверяющим, из религии он впадает в юриспруденцию.

«I stay here on my bond!» {«я за вексель мой стою!» (Шекспир. «Венецианский купец»)}

Следовательно, в измененной форме Т–Д, в которой товар имеется в наличности, а деньги только представлены, деньги функционируют, во-первых, как мера стоимостей. Меновая стоимость товара оценивается в деньгах как в своей мере; но цена, как меновая стоимость, определенная контрактом, существует не только в голове продавца, но является одновременно мерой обязательства покупателя. Во-вторых, деньги функционируют здесь как покупательное средство, хотя они бросают перед собой лишь тень своего будущего бытия. А именно они перемещают товар с его места, из рук продавца в руки покупателя. Когда наступает срок исполнения контракта, деньги вступают в обращение, так как они меняют место и

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
переходят из рук бывшего покупателя в руки бывшего продавца. Но они вступают в обращение не как средство обращения или как покупательное средство. В качестве таковых деньги функционировали раньше, чем имелись налично, а появляются они уже после того, как перестали функционировать в качестве таковых. Напротив, они вступают в обращение как единственный адекватный эквивалент товара, как абсолютное бытие меновой стоимости, как последнее слово процесса обмена, – короче говоря, как деньги, и притом как деньги в определенной функции всеобщего платежного средства. В этой функции платежного средства деньги выступают как абсолютный товар, но в сфере самого обращения, а не вне его, как это было с сокровищем. Различие между покупательным средством и платежным средством обнаруживается весьма неприятным образом во времена торговых кризисов {Пометка Маркса на его личном экземпляре книги: «Различие между покупательным средством и платежным средством подчеркивается Лютером»}.

Первоначально превращение продукта в деньги выступает в обращении лишь как индивидуальная необходимость для товаровладельца, поскольку его продукт не представляет для него потребительной стоимости, но еще только должен сделаться таковой путем своего отчуждения. Но чтобы уплатить в срок, обусловленный договором, он должен сперва продать товар. Следовательно, совершенно независимо от его индивидуальных потребностей, продажа благодаря движению процесса обращения превратилась для него в общественную необходимость. Как бывший покупатель товара, он принудительным образом становится продавцом какого-либо другого товара, не для того, чтобы получить деньги как покупательное средство, а для того, чтобы получить их как платежное средство, как абсолютную форму меновой стоимости. Превращение товара в деньги, как завершающий акт, или первый метаморфоз товара, как самоцель, – то, что при собирании сокровищ казалось прихотью товаровладельца, – теперь стало экономической функцией. Мотив и содержание продажи для того, чтобы уплатить, представляет собой содержание процесса обращения, возникающее из самой формы этого процесса.

В этой форме продажи товар меняет свое место, находится в обращении, между тем как свой первый метаморфоз, свое превращение в деньги, он откладывает. Напротив, на стороне покупателя второй метаморфоз, т. е. превращение денег обратно в товар, совершается раньше, чем совершился первый метаморфоз, т. е. раньше, чем товар превратился в деньги. Таким образом, первый метаморфоз выступает здесь во времени после второго. И тем самым деньги, этот образ товара в его первом метаморфозе, получают новую определенность формы. Деньги, или самостоятельное развитие меновой стоимости, представляют собой уже не посредствующую форму товарного обращения, а его завершающий результат.

Что подобные продажи на срок, в которых оба полюса продажи существуют отдельно друг от друга во времени, возникают естественным образом из простого товарного обращения, – не требует подробных доказательств. Прежде всего развитие обращения приводит к тому, что поочередное выступление одних и тех же товаровладельцев по отношению друг к другу, как продавца и покупателя, повторяется. Это повторяющееся выступление не остается только случайным, но, например, товар заказывается на какой-нибудь будущий срок, к которому он должен быть поставлен и оплачен. В этом случае продажа совершается идеально, т. е. в данном случае юридически, без появления товара и денег в их телесном виде. Обе формы денег, как средства обращения и как платежного средства, здесь еще совпадают, так как, с одной стороны, товар и деньги меняют место, одновременно, а с другой стороны, деньги не покупают товара, а реализуют цену товара, проданного ранее. Далее, в силу самой природы целого ряда потребительных стоимостей они действительно отчуждаются не в момент фактической передачи товара, а лишь путем предоставления последнего на определенный срок. Например, если дом сдан в аренду на один месяц, то потребительная стоимость дома будет передана лишь по истечении месяца, хотя дом перешел из рук в руки в начале этого месяца. Так как фактическая передача потребительной стоимости и ее действительное отчуждение здесь во времени друг с другом не совпадают, то и реализация ее цены также происходит позже, чем перемена ею места. Наконец, разница в продолжительности и времени производства различных товаров обуславливает то, что один выступает в качестве продавца тогда, когда другой еще не может выступить в качестве покупателя; при более частом повторении покупок и продаж между одними и теми же товаровладельцами оба момента продажи, таким образом, в соответствии с условиями производства их товаров, не совпадают друг с другом. Так между товаровладельцами возникает отношение кредитора и должника, – отношение, которое, хотя и составляет естественную основу кредитной системы, но может вполне развиться и до существования последней. Ясно, однако, что с развитием кредитного дела и,

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
следовательно, буржуазного производства вообще функция денег как платежного средства будет расширяться за счет их функции как покупательного средства и еще более как элемента образования сокровищ. В Англии, например, деньги в виде монеты вытеснены почти исключительно в сферу розничной и мелкой торговли между производителями и потребителями, тогда как в качестве платежного средства они господствуют в сфере крупных торговых сделок {Господин Маклеод, несмотря на свое доктринерское пристрастие к дефинициям, настолько не понимает элементарнейших экономических отношений, что выводит происхождение денег вообще из их наиболее развитой формы, из денег как платежного средства. Он говорит между прочим: так как люди нуждаются во взаимных услугах не всегда одновременно и не на одинаковую сумму стоимости, то «остается известная разница или количество услуг, причитающихся от одного лица другому, т. е. долг». Владелец этого долга нуждается в услугах какого-нибудь третьего лица, которое в его услугах непосредственно не нуждается, и «передает этому третьему лицу долг, причитающийся ему от первого. Долговое свидетельство таким образом переходит из рук в руки, – это и есть денежное обращение. Когда лицо получает обязательство, выраженное в металлических деньгах, оно может распорядиться услугами не только первоначального должника, но и всех членов производительного общества». Macleod. «Theory and practice of banking etc.». London, 1855, v. I, ch. 1 [Маклеод. «Теория и практика банковского дела и т. д.». Лондон, 1855, т. I, гл. 1]}.

В качестве всеобщего платежного средства деньги становятся всеобщим товаром контрактов, – сперва только в сфере товарного обращения {Бейли, цитированное произведение, стр. 3, говорит: «Деньги составляют всеобщий товар контрактов, или тот предмет, в котором выражено большинство имущественных сделок, подлежащих исполнению в будущем»}. Однако по мере развития денег в этой функции все другие формы платежей постепенно сводятся к денежным платежам. Степень развития денег как исключительного платежного средства показывает ту степень, в которой меновая стоимость овладела производством во всем его объеме {Сениор, цитированное произведение, стр. 221, говорит: «Так как стоимость всех вещей в течение определенного времени изменяется, то в качестве платежного средства принимают такую вещь, которая менее всех изменяется в своей стоимости и дольше всех сохраняет данную среднюю способность покупать вещи. Так деньги становятся выражением или представителем стоимостей». Наоборот. Именно потому, что золото, серебро и т. п. стали деньгами, т. е. бытием меновой стоимости, получившей самостоятельное существование, они становятся всеобщим платежным средством. Когда появляется упомянутый господином Сениором интерес к устойчивости величины стоимости денег, т. е. в периоды, когда деньги силой обстоятельств утверждаются в качестве всеобщего платежного средства, как раз тогда обнаруживаются и колебания в величине стоимости денег. Таким периодом в Англии была эпоха Елизаветы, и в это время лорд Бёрли и сэр Томас Смит, принимая во внимание становившееся явным обесценение благородных металлов, провели парламентский акт, который обязывал Оксфордский и Кембриджский университеты выговаривать себе треть земельной ренты в пшенице и солоде}.

Масса денег, обращающихся в качестве платежного средства, определяется прежде всего суммой платежей, т. е. суммой цен отчужденных товаров, а не товаров, подлежащих отчуждению, как при простом денежном обращении. Однако определенная таким образом сумма изменяется простым путем: во-первых, под влиянием скорости, с которой одни и те же деньги повторяют одну и ту же функцию или с которой масса платежей следует друг за другом в виде движущейся цепи платежей. А уплачивает В, после чего В уплачивает С и так далее. Скорость, с которой одни и те же деньги повторяют свою функцию платежного средства, зависит, с одной стороны, от переплетения отношений кредитора и должника между товаровладельцами, – так что один и тот же товаровладелец представляет собой кредитора по отношению к одному лицу, должника по отношению к другому и т. д., – а с другой стороны, от продолжительности промежутков времени, разделяющих различные сроки платежей. Эта цепь платежей или отсроченных первых метаморфозов товаров качественно отлична от той цепи метаморфозов, которая обнаруживается в обращении денег как средства обращения. Последняя цепь метаморфозов не только проявляется во временной последовательности, но и впервые возникает в ней. Товар становится деньгами, потом опять товаром и дает таким образом другому товару возможность стать деньгами и т. д., или продавец становится покупателем, благодаря чему какой-либо другой товаровладелец становится продавцом. Эта связь возникает случайно в самом процессе обмена товаров. Однако в том, что деньги, которые А уплатил В, В уплачивает далее С, а С уплачивает Д и т. д., и притом в быстро следующие друг за другом промежутки времени, – в этой внешней связи лишь обнаруживается уже существующая в готовом виде общественная связь. Одни и те же деньги проходят

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
через различные руки не потому, что они выступают как платежное средство, но они обращаются как платежное средство потому, что различные товаровладельцы уже ударили по рукам. Следовательно, скорость, с которой обращаются деньги как платежное средство, показывает гораздо более глубокое вовлечение индивидуумов в процесс обращения, чем скорость, с которой обращаются деньги в качестве монеты или покупательного средства.

Сумма цен покупок и продаж, совершающихся одновременно и потому пространственно рядом друг с другом, образует границу для возмещения количества монет скоростью их обращения. Это ограничение отпадает для денег, функционирующих как платежное средство. Если платежи, которые должны быть совершены одновременно, концентрируются в одном месте, – что первоначально происходит, естественно, только в крупных узловых пунктах товарного обращения, – то эти платежи взаимно погашаются как отрицательные и положительные величины, потому что А должен уплатить В и в то же время получить платеж от С и т. д. Поэтому сумма денег, необходимых в качестве платежного средства, определяется уже не суммой платежей, которые должны быть произведены одновременно, но большей или меньшей концентрацией платежей и величиной баланса, который получается после их взаимного погашения как отрицательных и положительных величин. Особые учреждения для этих взаимных расчетов возникают совершенно независимо от развития кредитного дела, как, например, в Древнем Риме. Однако рассмотрение их сюда не относится, равно как и рассмотрение всеобщих сроков платежей, которые устанавливаются повсюду в определенных общественных кругах. Здесь заметим только, что специфическое влияние, оказываемое этими сроками на периодические колебания количества обращающихся денег, было научно исследовано только в самое последнее время.

Поскольку платежи взаимно погашаются как положительные и отрицательные величины, не происходит никакого вмешательства действительных денег. Деньги функционируют здесь только в своей форме меры стоимостей: с одной стороны – в цене товара, с другой стороны – в величине взаимных обязательств. Следовательно, помимо своего идеального бытия меновая стоимость не получает здесь никакого самостоятельного бытия, даже бытия в качестве знака стоимости, т. е. деньги становятся только идеальными счетными деньгами. Таким образом, функция денег как платежного средства заключает в себе то противоречие, что они, с одной стороны, поскольку платежи взаимно погашаются, действуют только идеально как мера, с другой же стороны, поскольку платежи должны быть действительно произведены, они вступают в обращение не как мимолетное средство обращения, но как находящееся в покое бытие всеобщего эквивалента, как абсолютный товар, – одним словом, как деньги. Поэтому там, где развилась цепь платежей и искусственная система их взаимного погашения, там при потрясениях, насильственно прерывающих течение платежей и нарушающих механизм их погашения, деньги внезапно превращаются из своего газообразного, призрачного образа меры стоимостей в звонкую монету, или платежное средство. Таким образом, в условиях развитого буржуазного производства, когда товаровладелец давно уже стал капиталистом, когда он уже знает своего Адама Смита и высокомерно посмеивается над предрассудком, будто только золото и серебро суть деньги или будто деньги вообще представляют собой абсолютный товар в отличие от других товаров, – деньги неожиданно снова выступают не как посредник обращения, но как единственно адекватная форма меновой стоимости, как единственное богатство, совершенно в том же смысле, как понимает его собиратель сокровищ. То, что деньги представляют собой такую исключительную форму бытия богатства, проявляется не в воображаемом только, как в монетарной системе, но в действительном частичном или полном обесценении всякого вещественного богатства. Это тот особый момент кризисов мирового рынка, который называется денежным кризисом. *Summum bonum* {Высшее благо}, которого в подобные моменты требуют как единственного богатства, составляют деньги, наличные деньги, и напротив, все другие товары, именно потому, что они суть потребительные стоимости, представляются чем-то бесполезным, пустяками и безделушками или, как говорит наш д-р Мартин Лютер, лишь предметами щегольства и обжорства. Это внезапное превращение кредитной системы в монетарную прибавляет к практической панике теоретический страх, и агенты обращения содрогаются перед непостижимой тайной своих собственных отношений {Буагильбер, который хотел бы помешать буржуазным производственным отношениям становиться на дыбы против самих буржуа, предпочитает рассматривать те формы денег, в которых они выступают лишь идеально или мимолетно. Таковым было прежде средство обращения, таково и платежное средство. Чего он опять-таки не видит, так это непосредственного перехода денег из идеальной формы в их внешнюю действительность, не видит, что звонкая монета скрыто содержится уже в мысленно представляемой мере стоимостей. То

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
обстоятельство, говорит он, что деньги – только форма самих товаров, обнаруживается в оптовой торговле, где обмен происходит без вмешательства денег, после того, как «les marchandises sont apprécies» [«товары оценены»], «Розничная торговля Франции», стр. 210}.

Платежи, в свою очередь, делают необходимым резервный фонд, накопление денег как платежного средства. Образование этих резервных фондов уже не выступает, как при собирании сокровищ, в виде деятельности, несущественной для самого обращения, или, как при монетном резерве, в виде простой технической задержки монеты; здесь деньги должны постепенно накапливаться для того, чтобы быть в наличии к определенным срокам предстоящих платежей. Таким образом, в то время как собирание сокровищ в той абстрактной форме, в которой оно считается обогащением, с развитием буржуазного производства уменьшается, собирание сокровищ, требуемое непосредственно процессом обмена, возрастает, или вернее, часть сокровищ, образующихся вообще в сфере товарного обращения, превращается в резервный фонд платежных средств. Чем более развито буржуазное производство, тем больше эти резервные фонды ограничиваются необходимым минимумом. Локк в своем сочинении о понижении процентной ставки {Локк, цитированное произведение, стр. 17, 18} дает интересные данные относительно размера этих резервных фондов в его время. Из этих данных видно, какую значительную часть денег, находившихся вообще в обращении, поглотили в Англии резервуары платежных средств как раз в ту эпоху, когда начинало развиваться банковское дело.

Закон относительно количества находящихся в обращении денег, в том виде как он вытекал из анализа простого денежного обращения, существенно видоизменяется вследствие обращения платежных средств. При данной скорости обращения денег, в качестве ли средства обращения или в качестве платежного средства, общая сумма денег, находящихся в обращении на данном отрезке времени, определяется общей суммой подлежащих реализации товарных цен плюс общая сумма платежей, приходящихся на этот же период времени, минус платежи, взаимно уничтожающиеся путем погашения. Общий закон, по которому масса находящихся в обращении денег зависит от товарных цен, ни в малейшей мере этим не нарушается, ибо сама сумма платежей определяется ценами, установленными в контрактах. Но при этом ясно обнаруживается, что даже при предположении, что скорость обращения денег и экономия в платежах остаются неизменными, – сумма цен массы товаров, находящихся в обращении в течение определенного периода времени, например в течение одного дня, и масса обращающихся в течение того же дня денег никоим образом не совпадают, так как в обращении находится определенная масса товаров, цена которых будет реализована в деньгах лишь впоследствии, и так как в обращении находится определенная масса денег, которая соответствует массе товаров, давно уже выпавших из обращения. Последняя масса денег, в свою очередь, будет зависеть от того, как велика по своей стоимости сумма платежей, приходящихся на тот же день, хотя бы договоры по ним были заключены в самое различное время.

Мы видели, что изменение в стоимости золота и серебра не затрагивает их функции меры стоимостей или счетных денег. Это изменение приобретает, однако, решающее значение для денег в качестве сокровища, так как вместе с повышением или падением стоимости золота и серебра повышается или падает величина стоимости золотого или серебряного сокровища. Еще важнее это изменение для денег как платежного средства. Платеж наступает позже, чем продажа товара, или деньги действуют в два различных периода времени в двух различных функциях, сперва как мера стоимостей, а потом как соответствующее этому измерению платежное средство. Если за этот промежуток времени изменяется стоимость благородных металлов или необходимое для их производства рабочее время, то одно и то же количество золота или серебра в тот момент, когда оно выступает как платежное средство, будет иметь больше или меньше стоимости, чем в то время, когда оно служило мерой стоимостей или когда был заключен контракт. Функция особого товара, например, золота и серебра, в качестве денег или получившей самостоятельное существование меновой стоимости, приходит здесь в коллизию с природой его как особого товара, величина стоимости которого зависит от изменения в издержках его производства. Великая социальная революция, вызванная падением стоимости благородных металлов в Европе, есть столь же общеизвестный факт, как и противоположная революция, вызванная в раннюю эпоху древнеримской республики повышением стоимости меди, в которой были заключены долги плебеев. Не вдаваясь в дальнейшее исследование влияния изменений стоимости благородных металлов на систему буржуазной экономики, мы видим уже здесь, что падение стоимости благородных металлов приносит выгоду должникам за счет кредиторов, повышение же их стоимости, наоборот, приносит выгоду кредиторам за счет должников.

с) Мировые деньги

Золото становится деньгами, в отличие от монеты, сперва удаляясь из обращения как сокровище, затем вступая в него как не средство обращения и, наконец, ломая границы внутреннего обращения, чтобы функционировать в мире товаров как всеобщий эквивалент. Так золото становится мировыми деньгами.

Если общие меры веса благородных металлов служили первоначальными мерами стоимостей, то на мировом рынке счетные названия денег опять превращаются в соответствующие весовые названия. Если бесформенный сырой металл (aes rude) был первоначальной формой средств обращения, а сама монетная форма была первоначально лишь официальным свидетельством содержащегося в кусках металла веса, то благородный металл в качестве мировой монеты опять сбрасывает с себя свою форму и печать и превращается обратно в безразличную форму слитка; иными словами – если национальные монеты, как русские империалы, мексиканские талеры и английские соверены, обращаются за границей, то их название не имеет значения и в расчет принимается только их содержание. Наконец, в качестве международных денег благородные металлы опять выполняют свою первоначальную функцию средства обмена, которая, как и самый товарный обмен, возникла не внутри первобытных общин, а в пунктах соприкосновения различных общин. Таким образом, деньги в качестве мировых денег снова приобретают свою естественно возникшую первоначальную форму. Покидая сферу внутреннего обращения, деньги опять сбрасывают с себя те особенные формы, которые выросли из развития процесса обмена внутри этой особенной сферы, т. е. сбрасывают свои локальные формы масштаба цен, монеты, разменной монеты и знака стоимости.

Мы видели, что во внутреннем обращении какой-либо страны только один товар служит мерой стоимостей. Но так как в одной стране эту функцию исполняет золото, а в другой – серебро, то на мировом рынке действует двоякая мера стоимостей, и во всех других своих функциях деньги получают также двоякое существование. Перевод товарных стоимостей из золотых цен в серебряные и наоборот определяется каждый раз относительной стоимостью обоих металлов, которая постоянно изменяется и установление которой поэтому выступает как постоянный процесс. Товаровладельцы каждой сферы внутреннего обращения вынуждены употреблять для внешнего обращения попеременно то золото, то серебро и таким образом обменивать металл, который является деньгами внутри страны, на металл, который им необходим в качестве денег за границей. Следовательно, каждая нация употребляет в качестве мировых денег оба металла, золото и серебро.

В международном товарном обращении золото и серебро выступают не как средство обращения, а как всеобщее средство обмена. Но всеобщее средство обмена функционирует только в обеих: развитых формах покупательного средства и платежного средства, отношение между которыми, однако, становится на мировом рынке обратным. В сфере внутреннего обращения деньги, поскольку они были монетой и представляли собой среднее звено в движущемся единстве Т–Д–Т или лишь мимолетную форму меновой стоимости в непрерывной перемене мест товаров, действовали исключительно как покупательное средство. На мировом рынке – наоборот. Золото и серебро выступают здесь как покупательное средство тогда, когда обмен веществ является только односторонним, и поэтому покупка и продажа распадаются. Например, пограничная торговля в Кяхте представляет собой фактически и согласно договору меновую торговлю, в которой серебро – лишь мера стоимостей. Война 1857–1858гг заставила китайцев продавать не покупая. Тогда серебро вдруг выступило покупательным средством. Считаясь с буквой договора, русские перерабатывали французские пятифранковые монеты в грубые серебряные товары, которые и служили средством обмена. Серебро постоянно функционирует как покупательное средство между Европой и Америкой, с одной стороны, и Азией, где оно оседает как сокровище, – с другой. Далее, благородные металлы функционируют в качестве международного покупательного средства, когда внезапно нарушается обычное равновесие в обмене веществ между двумя нациями, как например, при неурожаяе, который вынуждает одну из этих наций покупать в чрезвычайном большом количестве. Наконец, благородные металлы представляют собой международное покупательное средство для стран, производящих золото и серебро, где последние являются непосредственным продуктом и товаром, а не превращенной формой товара. Чем больше развивается обмен товаров между различными национальными сферами обращения, тем более развивается функция мировых денег как платежного средства для сведения международных балансов.

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org

Международное обращение, как и внутреннее, требует постоянно изменяющегося количества золота и серебра. Поэтому часть накопленных сокровищ служит у каждого народа резервным фондом мировых денег, который то исчерпывается, то снова наполняется соответственно колебаниям товарного обмена {«Накопленные деньги прибавляются к той сумме, которая, для того чтобы быть действительно в обращении и удовлетворять возможным потребностям торговли, удаляется и выходит из сферы самого обращения». Д. Р. Карли, примечание и работе Verri, «Meditazioni sulla Economia Politica», т. XV, р. 162 [Верри, «Размышления о политической экономии», т. XV, стр. 162] в издании Кустоди, цитированное произведение}. Кроме особенных движений, при которых мировые деньги текут туда и обратно, из одной национальной сферы обращения в другую, они обладают всеобщим движением, исходные пункты которого лежат у источников производства золота и серебра, откуда золотые и серебряные потоки растекаются в различных направлениях по мировому рынку. В качестве товаров золота и серебро вступают здесь в мировое обращение и обмениваются как эквиваленты, пропорционально заключенному в них рабочему времени, на товарные эквиваленты, прежде чем попадают в сферы внутреннего обращения. В последних они выступают поэтому уже с данной величиной стоимости. Поэтому каждое уменьшение или увеличение их издержек производства оказывает на мировом рынке соответственное воздействие на их относительную стоимость, которая, напротив, совершенно не зависит от степени, в какой различные национальные сферы обращения поглощают золото или серебро. Доля металлического потока, улавливаемая каждой отдельной сферой товарного мира, частью входит непосредственно во внутреннее денежное обращение для замены стертых металлических монет, частью задерживается в различных сокровищных резервуарах монеты, платежных средств и мировых денег, частью превращается в предметы роскоши, а остаток, наконец, становится просто сокровищем. На развитой ступени буржуазного производства образование сокровищ ограничивается минимумом, которого требуют различные процессы обращения для свободного действия своего механизма. Сокровищем как таковым становится здесь только празднично лежащее богатство, – если только это не мимолетная форма избытка в балансе платежей, не результат прерванного обмена веществ и, следовательно, не затвердение товара в первом его метаморфозе.

Если золото и серебро как деньги, по своему понятию, суть всеобщий товар, то в мировых деньгах они получают соответствующую форму существования универсального товара. В той мере, в какой все продукты отчуждаются за золото и серебро, последние становятся превращенной формой всех товаров и поэтому всесторонне отчуждаемым товаром. Материализацией всеобщего рабочего времени они действительно становятся в той мере, в какой обмен веществ реальных видов труда охватывает весь земной шар. Они становятся всеобщим эквивалентом в той степени, в какой развивается ряд особенных эквивалентов, образующих сферу их обмена. Так как в мировом обращении товары развертывают свою собственную меновую стоимость универсальным образом, то превращенная в золото и серебро форма последней выступает как мировые деньги. Таким образом, если нации товарладельцев благодаря своему разнообразному производству и всеобщему обмену превращают золото в адекватные деньги, то производство и обмен выступают для них лишь средством для того, чтобы извлекать из мирового рынка деньги в форме золота и серебра. Поэтому золото и серебро как мировые деньги представляют собой в такой же мере продукт всеобщего товарного обращения, как и средство дальнейшего расширения его сферы. Подобно тому, как за спиной алхимиков, пытавшихся сделать золото, выросла химия, так за спиной товарладельцев, гонящихся за товаром в его магической форме, возникают источники мировой промышленности и мировой торговли. Золото и серебро помогают созданию мирового рынка, предвосхищая его бытие в своем понятии как денег. То обстоятельство, что это магическое действие золота и серебра никоим образом не ограничивается периодом детства буржуазного общества, а необходимо вырастает из того извращения [Verkehrung], в котором носителям товарного мира представляется их собственный общественный труд, – доказываемся чрезвычайно сильным влиянием, оказанным на мировой обмен открытием новых золотоносных земель в середине XIX века.

Как деньги развиваются в мировые деньги, так товаровладелец развивается в космополита. Космополитическое отношение людей друг к другу первоначально представляет собой только отношение их как товарладельцев. Товар сам по себе выше всяких религиозных, политических, национальных и языковых границ. Его всеобщий язык – это цена, а его общая сущность [Gemeinwesen] – это деньги. Вместе с развитием мировых денег, в противоположность национальной монете, развивается космополитизм товарладельца, как вера практического разума, в противоположность традиционным религиозным, национальным и прочим предрассудкам,

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org которые затрудняют обмен веществ среди человечества. Когда одно и то же золото, которое, прибыв в Англию в форме американских eagles {орлов}, становится здесь совереном, через три дня обращается в Париже как наполеондор, а через несколько недель оказывается в Венеции в виде дуката, сохраняя, однако, всегда ту же самую стоимость, – товаровладельцу становится ясно, что национальность «is but the guinea's stamp» {«есть только отпечаток гиней»}. Возвышенная идея, в которой для него раскрывается весь мир, – это идея рынка, мирового рынка {Монтанари. «О деньгах» (1683), цитированное издание, стр. 40: «Сношение народов между собой распространилось по всему земному шару до такой степени, что можно сказать, весь мир сделался почти одним городом, в котором происходит непрерывная ярмарка всех товаров, где каждый человек, сидя дома, может посредством денег приобретать и наслаждаться всем, что производится землей, животными и человеческой промышленностью. Удивительное изобретение»}.
4. БЛАГОРОДНЫЕ МЕТАЛЛЫ

Буржуазный процесс производства первоначально овладевает металлическим обращением, как переданным ему в готовом виде органом, который, хотя постепенно и преобразовывается, однако постоянно сохраняет свою основную конструкцию. Вопрос, почему денежным материалом служат золото и серебро, а не другие товары, выходит за пределы буржуазной системы. Поэтому мы лишь кратко изложим наиболее существенные положения.

Так как всеобщее рабочее время само допускает только количественные различия, то предмет, который обязан служить в качестве его специфического воплощения, должен обладать способностью выражать чисто количественные различия, что предполагает тождественность, качественную однородность. Это – первое условие для функционирования товара в качестве меры стоимостей. Если, например, я оцениваю все товары в быках, шкурах, зерне и т. д., то я должен, в сущности, измерять их в идеальных средних быках, средней шкуре и т. п., так как один бык качественно отличается от другого, одна партия зерна – от другой, одна шкура – от другой шкуры. Напротив, золото и серебро, как простые тела, всегда равны самим себе, и поэтому равные количества их представляют равновеликие стоимости {«Металлы отличаются той особенностью, что только в них одних все отношения сводятся к одному, которое является их количеством, так как они от природы не отличаются различными качествами ни по внутреннему своему составу, ни по внешней форме и строению» (Галиани, цитированное произведение, стр. 126–127)}. Другим условием для товара, который должен служить всеобщим эквивалентом, – условием, непосредственно вытекающим из функции, заключающейся в том, чтобы представлять чисто количественные различия, – является возможность разрезать данный товар на любые части и вновь соединять их вместе, так, чтобы счетные деньги могли быть представлены также чувственно-осознаваемым образом. Золото и серебро обладают этими свойствами в высшей степени.

Как средства обращения, золото и серебро по сравнению с другими товарами обладают тем преимуществом, что их большому удельному весу – они представляют относительно большую тяжесть в малом объеме – соответствует их экономический удельный вес – они в малом объеме заключают относительно много рабочего времени, т. е. большую меновую стоимость. Благодаря этому обеспечивается легкость транспортировки, перехода из одних рук в другие и из одной страны в другую, способность так же быстро появляться, как и исчезать, – словом, материальная подвижность, это *sine qua non* {необходимое условие} товара, который должен служить *perpetuum mobile* {вечным двигателем} процесса обращения.

Высокая удельная стоимость благородных металлов, их прочность, относительная неразрушаемость, неокисляемость на воздухе, а специально у золота – его нерастворимость в кислотах, за исключением царской водки, – все эти естественные свойства делают благородные металлы естественным материалом для образования сокровищ. Поэтому Петр Мученик, который был, по-видимому, большим любителем шоколада, делает следующее замечание о мешках какао, представлявшего собой один из видов мексиканских денег:

«О счастливая монета, которая доставляет роду людскому приятный и полезный напиток и оберегает своих невинных обладателей от адской язвы скупости, так как ее нельзя ни закопать в землю, ни долго сохранять» («О новом мире»). Большое значение металлов вообще в непосредственном процессе производства связано с их функцией как орудий производства. Не говоря уже о редкости золота и серебра, их большая мягкость по сравнению с железом и даже медью (в закаленном виде, в каком употребляли ее древние) делает их непригодными к такому использованию и лишает их поэтому в значительной степени того свойства, на

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
котором покоится потребительная стоимость металлов вообще. Насколько они бесполезны в непосредственном процессе производства, настолько же они являются ненужными и как жизненные средства, как предметы потребления. Поэтому любое их количество может войти в общественный процесс обращения без ущерба для процессов непосредственного производства и потребления. Их индивидуальная потребительная стоимость не вступает в конфликт с их экономической функцией. С другой стороны, золото и серебро не только в отрицательном смысле излишни, т. е. суть предметы, без которых можно обойтись, но их эстетические свойства делают их естественным материалом роскоши, украшений, блеска, праздничного употребления, словом, положительной формой излишка и богатства. Они представляются в известной степени самородным светом, добытым из подземного мира, причем серебро отражает все световые лучи в их первоначальном смешении, а золото лишь цвет наивысшего напряжения, красный. Чувство же цвета является популярнейшей формой эстетического чувства вообще. Этимологическая связь названий благородных металлов с соотношениями цветов в различных индогерманских языках была доказана Якобом Гриммом (см. его «Историю немецкого языка»).

Наконец, способность золота и серебра к превращению из монетной формы в форму слитков, из последней – в форму предметов роскоши и обратно, то их преимущество по сравнению с другими товарами, что они не связаны с раз навсегда данными, определенными потребительными формами, делает их естественным материалом денег, которые постоянно должны переходить из одной определенности формы в другую.

Природа не создает денег, так же как она не создает банкиров или курс. Но так как буржуазное производство должно кристаллизовать богатство как фетиш в форме единичной вещи, то золото и серебро суть соответствующее воплощение этого богатства. Золото и серебро по природе своей не деньги, но деньги по своей природе – золото и серебро. С одной стороны, серебряный или золотой денежный кристалл есть не только продукт процесса обращения, но в сущности его единственный остающийся продукт. С другой стороны, золото и серебро – готовые продукты природы, и как непосредственный продукт процесса обращения и как продукт природы, они не отделимы никакими различиями формы. Всеобщий продукт общественного процесса, или самый общественный процесс как продукт, представляет собой особый продукт природы, – металл, скрытый в недрах земли и отсюда добываемый {В 760г множество бедных людей переселилось к югу от Праги с целью промыть там речной золотой песок, и три человека могли в один день добыть три марки золота. Вследствие этого наплыв людей к приискам и число рабочих рук, оторванных от земледелия, настолько возросли, что в следующем году страну постиг голод (см. М. G. Korner. «Abhandlung von dem Altertum des bohmischen Bergwerks». Schneeberg, 1758 [М. Г. Кёрнер. «Трактат о прошлом богемского горного дела». Шнеберг, 1758, [стр. 37–38]}}.

Мы видели, что золото и серебро не могут удовлетворять тому требованию, которое предъявляется к ним как к деньгам, – быть стоимостями неизменной величины. Однако, как заметил уже Аристотель, они обладают стоимостью более постоянной величины, чем в среднем остальные товары. Не говоря уже о всеобщем влиянии повышения или понижения стоимости благородных металлов, колебания в соотношении между стоимостью золота и стоимостью серебра имеют особое значение, так как оба металла служат на мировом рынке рядом друг с другом как денежный материал. Чисто экономические причины такого изменения стоимости, – завоевания и другие политические перевороты, которые оказывали большое влияние на стоимость металлов в древнем мире, имеют только местное и преходящее значение, – должны быть сведены к изменениям в рабочем времени, необходимом для производства этих металлов. Само же это рабочее время зависит от их относительной естественной редкости, как и от большей или меньшей трудности, которую представляет получение их в виде чистого металла. Золото было в сущности первым металлом, который открыл человек. С одной стороны, сама природа представляет его в самородной кристаллической форме, обособленным, химически не соединенным с другими веществами, или, как говорили алхимики, в девственном состоянии; с другой стороны, сама природа берет на себя большую технологическую работу, промывая золото в реках. Таким образом, от человека требуется только самый простой труд как для добывания золота из рек, так и для его добывания из наносной земли, между тем как добывание серебра предполагает рудокopные работы и вообще сравнительно высокое развитие техники. Поэтому первоначально стоимость серебра, несмотря на его меньшую абсолютную редкость, была относительно выше, чем стоимость золота. Утверждение Страбона, что у одного арабского племени 10 фунтов золота отдавались за 1 фунт железа и 2 фунта золота за 1 фунт серебра, отнюдь не кажется невероятным. Но по мере того как развиваются производительные силы

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
общественного труда и вследствие этого продукт простого труда дорожает по сравнению с продуктом сложного труда, по мере того как кора земли все более раскапывается и первоначальные поверхностные источники добычи золота иссякают, стоимость серебра падает относительно стоимости золота. Наконец, на определенной ступени развития техники и средств сообщения важное значение приобретает открытие новых стран, обладающих золотом или серебром. В древней Азии золото относилось к серебру как 6:1 или как 8:1, – последнее отношение имело место в Китае и Японии еще в начале XIX столетия; существовавшее во времена Ксенофонта отношение 10:1 может рассматриваться как нормальное для среднего периода древности. Эксплуатация испанских серебряных рудников Карфагеном и позднее Римом оказывала в древнее время приблизительно такое же действие, какое оказало на современную Европу открытие американских рудников. Для эпохи Римской империи за приблизительно среднее соотношение можно принять 15 или 16:1, хотя мы часто встречаем в Риме более сильное обесценение серебра. Такое же движение, начинающееся с относительно низкой стоимости золота и кончающееся падением стоимости серебра, повторяется в последующую эпоху, начиная от средних веков и до новейшего времени. Как и во времена Ксенофонта, среднее соотношение в период средневековья составляет 10:1, а вследствие открытия американских рудников превращается опять в отношение 16 или 15:1. Открытие австралийских, калифорнийских и колумбийских источников золота делает вероятным новое падение стоимости золота.

С. ТЕОРИИ СРЕДСТВ ОБРАЩЕНИЯ И ДЕНЕГ

Если всеобщая жажда золота гнала народы и государей в XVI и XVII столетиях, в этот период детства современного буржуазного общества, в заморские крестовые походы за золотой чашей {Пометка Маркса на его личном экземпляре книги: «Золото – удивительная вещь! Кто обладает им, тот господин всего, чего он захочет. Золото может даже душам открыть дорогу в рай» (Колумб в письме с Ямайки в 1503г)}, то первые истолкователи современного мира, творцы монетарной системы, одним из вариантов которой является меркантилистская система, провозгласили золото и серебро, т. е. деньги, единственным богатством. Они справедливо объявили призыванием буржуазного общества «делать деньги», следовательно, с точки зрения простого товарного обращения, собирать вечное сокровище, которого не ест ни тля, ни ржа. Нельзя опровергнуть монетарную систему тем, что тонна железа ценой в 3 фунта стерлингов представляет собой стоимость такой же величины, как и 3 фунта стерлингов в золоте. Дело здесь не в величине меновой стоимости, а в ее адекватной форме. Если монетарная и меркантилистская система выделяла мировую торговлю и отдельные отрасли национального труда, непосредственно связанные с мировой торговлей, в качестве единственно истинных источников богатства или денег, то необходимо принять во внимание, что в ту эпоху большая часть национального производства пребывала еще в феодальных формах и служила непосредственным источником существования для самих производителей. Продукты большей частью не превращались еще в товары и, следовательно, в деньги, вообще не вступали во всеобщий общественный обмен веществ, не выступали поэтому как овеществление всеобщего абстрактного труда и не составляли в действительности буржуазного богатства. Деньги, как цель обращения, – это меновая стоимость или абстрактное богатство, а не какой-либо вещественный элемент богатства, в качестве определяющей цели и движущего мотива производства. Как это и соответствовало зачаточной ступени буржуазного производства, эти непризнанные пророки придерживались массивной, осязательной и блестящей формы меновой стоимости, формы всеобщего товара в противоположность всем особым товарам. Собственно буржуазной экономической сферой в то время была сфера товарного обращения. Поэтому с точки зрения этой элементарной сферы они рассматривали весь сложный процесс буржуазного производства и смешивали деньги с капиталом. Непрекращающаяся борьба современных экономистов против монетарной и меркантилистской системы происходит большей частью оттого, что эта система выбалтывает в грубо-наивной форме тайну буржуазного производства, его полное подчинение меновой стоимости. Рикардо – хотя и с ошибочной практической целью – замечает в одном месте, что даже во время голода хлеб ввозится не потому, что народ голодает, а потому, что хлеботорговец делает деньги. Таким образом, в своей критике монетарной и меркантилистской системы политическая экономия ошибается, восставая против нее как против простой иллюзии, как всего лишь ложной теории, и не узнавая в ней варварской формы своего собственного основного положения. Кроме того, эта система сохраняет не только историческое право, но так же в определенных сферах современной экономики она сохраняет полное право гражданства. На всех ступенях буржуазного процесса производства, где богатство принимает элементарную форму товара, меновая стоимость принимает элементарную

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
форму денег, и во всех фазах процесса производства богатство постоянно возвращается на какой-то момент ко всеобщей элементарной форме товара. Даже в самой развитой буржуазной экономике специфические функции золота и серебра как денег, в отличие от их функции средства обращения и в противоположность всем другим товарам, не упраздняются, а только ограничиваются, и, стало быть, монетарная и меркантилистская системы сохраняют свое право. Тот католический факт, что золото и серебро, как непосредственное воплощение общественного труда и, следовательно, как бытие абстрактного богатства, противопоставляются другим, обыкновенным товарам, оскорбляет, разумеется, протестантскую *point d'honneur* {честь} буржуазной политической экономии, и последняя из страха перед предрассудками монетарной системы на долгое время утратила понимание явлений денежного обращения, как это покажет последующее изложение.

Было вполне в порядке вещей, что, в противоположность монетарной и меркантилистской системам, которым деньги известны только в их определенности формы как кристаллический продукт обращения, классическая политическая экономия рассматривала деньги прежде всего в их текучей форме, как возникающую внутри самого товарного метаморфоза и вновь исчезающую форму меновой стоимости. Поэтому, подобно тому, как товарное обращение рассматривается исключительно в форме Т-Д-Т, а эта последняя опять-таки исключительно в качестве совершающегося в виде процесса единства продажи и купли, так и деньги признаются в их определенности формы как средство обращения, в противоположность их определенности формы в качестве денег. Если средство обращения само обособляется в своей функции как монета, то оно превращается, как мы видели, в знак стоимости. А так как классическая политическая экономия имела перед собой прежде всего металлическое обращение как господствующую форму обращения, то она рассматривает металлические деньги как монету, а металлическую монету – как простой знак стоимости. В соответствии с законом обращения знаков стоимости выдвигается то положение, что цены товаров зависят от массы обращающихся денег, а не наоборот, что масса обращающихся денег зависит от цен товаров. Мы находим такой взгляд более или менее намеченным у итальянских экономистов XVII века; этот взгляд то принимается, то отрицается Локком, определенно развивается в «Spectator» (в номере от 19 октября 1711г) Монтескье и Юмом. Так как Юм – самый значительный представитель этой теории в XVIII столетий, то с него мы и начнем наш обзор.

При определенных предпосылках увеличение или уменьшение количества либо находящихся в обращении металлических денег, либо находящихся в обращении знаков стоимости оказывает на товарные цены как будто равномерное воздействие. Если падает или повышается стоимость золота или серебра, в которых меновые стоимости товаров выражаются как цены, то повышаются или падают цены, ибо изменилась их мера стоимостей; а большее или меньшее количество золота и серебра находится в обращении в качестве монеты потому, что цены повысились или понизились. Однако видимое явление есть изменение цен вследствие увеличения или уменьшения количества средств обращения при неизменившейся меновой стоимости товаров. С другой стороны, если количество находящихся в обращении знаков стоимости уменьшается или увеличивается относительно их необходимого уровня, то оно насильственно сводится к этому необходимому уровню падением или повышением товарных цен. В обоих случаях кажется, что один и тот же результат вызван одной и той же причиной, и этой иллюзии твердо придерживается Юм.

Всякое научное исследование отношения между количеством средств обращения и движением товарных цен требует принятия стоимости денежного материала за данную. Юм, напротив, рассматривает исключительно эпохи революций в стоимости самих благородных металлов, следовательно, революций в мере стоимостей. Повышение товарных цен одновременно с увеличением количества металлических денег – со времени открытия американских рудников образует историческую подоснову его теории, подобно тому, как полемика против монетарной и меркантилистской системы обнаруживает ее практический мотив. Приток благородных металлов может, конечно, увеличиться при неизменяющихся издержках их производства. С другой стороны, уменьшение их стоимости, т. е. необходимого для их производства рабочего времени, обнаруживается раньше всего лишь в увеличении их притока. Следовательно, – говорили более поздние ученики Юма, – уменьшившаяся стоимость благородных металлов обнаруживается в возрастающей массе средств обращения, а возрастающая масса средств обращения – в повышении товарных цен. В действительности, однако, возрастает только цена экспортных товаров, которые обмениваются на золото и серебро как на товары, а не как на средства обращения. Таким образом, цена этих товаров, оцениваемых в золоте и серебре понизившейся

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org

стоимости, возрастает по сравнению со всеми остальными товарами, меновая стоимость которых продолжает оцениваться в золоте или серебре в соответствии с масштабом их прежних издержек производства. Эта двойная оценка меновых стоимостей товаров в одной и той же стране может, конечно, быть только временной, и цены, выраженные в золоте или серебре, должны выравняться пропорционально самим меновым стоимостям, так что в конце концов меновые стоимости всех товаров оцениваются в соответствии с новой стоимостью денежного материала. Развитие этого процесса, равно как и способов, посредством которых вообще прокладывает себе путь среди колебаний рыночных цен меновая стоимость товаров, не подлежит здесь рассмотрению. Но что это уравнивание в менее развитые эпохи буржуазного производства происходит весьма постепенно и занимает долгие периоды и, во всяком случае, не идет в ногу с возрастанием количества обращающихся наличных денег, – это убедительно доказано новыми критическими исследованиями о движении товарных цен в XVI веке {Эту постепенность Юм, впрочем, признает, хотя она не соответствует его основному положению. См. David Hume. «Essays and treatises on several subjects». London, 1777, vol. I, p. 300 [Давид Юм. «Очерки и трактаты по различным вопросам». Лондон, 1777, т. I, стр. 300]}. Совершенно не относятся к делу излюбленные ссылки учеников Юма на повышение цен в античном Риме в результате завоевания Македонии, Египта и Малой Азии. Характерное для древнего мира внезапное и насильственное перемещение накопленных денежных сокровищ из одной страны в другую, временное уменьшение издержек производства благородных металлов для данной страны благодаря простому процессу грабежа, столь же мало затрагивает имманентные законы денежного обращения, как бесплатная раздача египетского и сицилийского хлеба в Риме не затрагивает общего закона, регулирующего цену хлеба. Юму, как и всем другим писателям XVIII столетия, не доставало материалов, необходимых для детального изучения денежного обращения: с одной стороны, достоверной истории товарных цен, а с другой – официальной непрерывной статистики расширения и сокращения количества средств обращения, прилива и отлива благородных металлов и т. д.; словом, такого материала, который появляется вообще только с полным развитием банковского дела. Теория обращения Юма сводится к следующим положениям: 1) цены товаров в данной стране определяются массой находящихся в ней денег (реальных или символических); 2) деньги, обращающиеся в данной стране, суть представители всех находящихся в ней товаров; по мере увеличения числа представителей, т. е. денег, на каждого отдельного представителя приходится большее или меньшее количество представляемой вещи; 3) если увеличивается количество товаров, цена их падает или стоимость денег возрастает. Если же увеличивается количество денег, то, наоборот, цена товаров возрастает, а стоимость денег падает {Ср. Стюарт, цитированное произведение, т. I, стр. 394–400}.

«Дороговизна всех вещей», – говорит Юм, – «вследствие избытка денег невыгодна для всякой существующей торговли, так как она позволяет более бедным странам успешно конкурировать с более богатыми на всех иностранных рынках {Давид Юм, цитированное произведение, стр. 300}... Если рассматривать данную нацию самое по себе, то наличие большего или меньшего количества монет для счета или представительства товаров не оказывает никакого влияния, ни хорошего, ни дурного, точно так же, как не изменится баланс какого-нибудь купца, если в бухгалтерии он будет применять вместо арабской системы счета, требующей немногих цифр, римскую, требующую большего их количества. Более того, большое количество денег, подобно римским счетным знакам, представляет даже неудобство и требует большего труда как для их сохранения, так и для транспортировки» {Там же, стр. 303}.

Чтобы вообще что-либо доказать, Юм должен был бы показать, что при данной системе счетных знаков количество употребляемых цифр зависит не от величины числового значения, а, наоборот, величина числового значения зависит от количества употребляемых знаков. Совершенно справедливо, что никакой выгоды не представляет оценивать или «считать» товарные стоимости в золоте или серебре, стоимость которых упала; поэтому вместе с ростом суммы стоимостей обращающихся товаров народы всегда находили более удобным считать в серебре, чем в меди, и в золоте, чем в серебре. По мере того, как они становились богаче, они превращали менее ценные металлы во вспомогательную монету, а более ценные – в деньги. С другой стороны, Юм забывает, что для исчисления стоимостей в золоте и серебре ни золото, ни серебро не должны непременно иметься в «наличности». Счетные деньги и средства обращения у него совпадают, и те и другие являются для него монетой (coin). Так как изменение стоимости меры стоимостей, или благородных металлов, функционирующих как счетные деньги, приводит к повышению или падению товарных цен, а, стало быть, также и массы обращающихся денег при неизменной скорости обращения, то Юм делает вывод, что повышение или падение товарных цен зависит от количества обращающихся денег. Что в XVI и XVII столетиях не только увеличилось

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org

количество золота и серебра, но одновременно уменьшились издержки их производства – в этом Юм мог убедиться на факте закрытия европейских рудников. В XVI и XVII столетиях товарные цены в Европе повышались вместе с ростом массы ввозимого американского золота и серебра; следовательно, товарные цены в каждой стране определяются массой находящегося в ней золота и серебра. Это было первым «необходимым выводом» Юма {Давид Юм, цитированное произведение, стр. 303}. В XVI и XVII столетиях цены возрастали не в одинаковой степени с увеличением количества благородных металлов; прошло более полувека, прежде чем обнаружилось какое-то изменение в товарных ценах, и даже потом прошло еще много времени, прежде чем меновые стоимости товаров стали оцениваться повсеместно в соответствии с понизившейся стоимостью золота и серебра, следовательно, прежде чем революция охватила все товарные цепи. Поэтому, заключает Юм, – который в полном противоречии с основами своей философии некритически превращает в общие положения односторонне наблюдаемые факты, – цена товаров или стоимость денег определяется не абсолютным количеством находящихся в данной стране денег, а количеством золота и серебра, которое действительно входит в обращение; однако, в конце концов, все находящееся в стране золото и серебро должно быть в виде монеты поглощено обращением {«Очевидно, что цены зависят не столько от абсолютного количества товаров и денег, имеющих у данной нации, сколько от количества товаров, которые могут быть доставлены на рынок, и от количества денег, находящихся в обращении. Если монета запирается в сундук, то с ценами происходит то же самое, как если бы эта монета была уничтожена; если товары будут накоплены в магазинах и на складах, результат будет такой же. Так как деньги и товары в этих случаях никогда друг с другом не встречаются, то невозможно и их взаимное влияние. В конечном счете общий уровень цен достигает в точности пропорции, соответствующей новому количеству звонкой монеты, имеющейся в стране» (цитированное произведение, стр. 307, 308, 303)}. Ясно, что если золото и серебро обладают собственной стоимостью, то, – отвлекаясь от всех других законов обращения, – только определенное количество золота и серебра может находиться в обращении как эквивалент данной суммы товарных стоимостей. Стало быть, если любое случайно находящееся в стране количество золота и серебра, безотносительно к сумме товарных стоимостей, должно входить в качестве средства обращения в процесс товарного обмена, то золото и серебро не обладают никакой имманентной стоимостью и поэтому не представляют собой в сущности действительных товаров. Это третий «необходимый вывод» Юма. По его мнению, товары входят в процесс обращения без цены, а золото и серебро – без стоимости. Поэтому он никогда и не говорит о стоимости товаров и о стоимости золота, а только о их количественном соотношении. Уже Локк говорил, что золото и серебро имеют якобы только воображаемую или условную стоимость; это – первая грубая форма противоположности по отношению к утверждению монетарной системы, что только золото и серебро имеют истинную стоимость. То обстоятельство, что денежное бытие золота и серебра истекает только из их функции в общественном процессе обмена, истолковывается в таком смысле, будто они имеют свою собственную стоимость и, следовательно, величину своей стоимости благодаря общественной функции {Пометка Маркса на его личном экземпляре книги: «См. у Ло и Франклина о дополнительной стоимости, которую золото и серебро приобретают благодаря их функционированию в качестве денег; см. также Форбонне»}. Таким образом, золото и серебро суть вещи, не имеющие стоимости, по в процессе обращения они получают фиктивную величину стоимости как представители товаров. Благодаря этому процессу они превращаются не в деньги, а в стоимость. Эта их стоимость определяется пропорцией между собственным их количеством и количеством товаров, так как оба эти количества должны друг друга покрывать. Если, таким образом, Юм вводит золото и серебро в мир товаров как не-товары, то, наоборот, как только они появляются в определенности формы монеты, он превращает их в простые товары, который обмениваются на другие товары путем простой меновой торговли. Если бы товарный мир состоял из одного-единственного товара, например из одного миллиона кварталов зерна, то было бы весьма просто представить себе, что один квартал обменивается на две унции золота, если золота имеется 2 миллиона унций, и на 20 унций золота, если золота имеется 20 миллионов унций; что, следовательно, цена товара и стоимость денег повышаются или падают в обратной пропорции к наличному количеству денег {Пометка Маркса на его личном экземпляре книги: «Эта фикция дословно встречается у Монтескье»}. Но товарный мир состоит из бесконечно различных потребительных стоимостей, относительная стоимость которых никоим образом не определяется их относительными количествами. Каким же образом представляет себе Юм этот обмен между массой товаров и массой золота? Он довольствуется бессмысленно наивным представлением, что каждый товар, как часть совокупной товарной массы, обменивается на соответствующую часть золотой массы. Совершающееся в виде процесса движение товаров, которое возникает и силу

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
закрывающегося в них противоречия между меновой стоимостью и потребительной стоимостью, которое проявляется в обращении денег и кристаллизуется в различных определенностях формы денег, исчезает, таким образом, и на его место вступает воображаемое механическое уравнение между весовой массой находящихся в стране благородных металлов и имеющейся в это время налицо товарной массой.

Сэр Джемс Стюарт начинает свое исследование о монете и деньгах подробной критикой Юма и Монтескье {Стюарт, цитированное произведение, т. I, стр. 394 и сл}. Он, в сущности, первый, кто ставит вопрос: определяется ли количество обращающихся денег товарными ценами или товарные цены – количеством обращающихся денег? Хотя его изложение затемняется фантастическим взглядом на меру стоимостей, неопределенным представлением о меновой стоимости вообще и пережитками меркантилистской системы, тем не менее он открывает существенные определенности форм денег и общие законы денежного обращения, так как он не ставит механически товары на одну сторону и деньги на другую, а действительно развивает различные функции денег из различных моментов самого товарного обмена. «Употребление денег для внутреннего обращения может быть сведено к двум основным пунктам: это – уплата того, что кто-либо должен, и покупка того, что кому-либо необходимо; и то и другое, вместе взятое, образует спрос на наличные деньги (ready money demands) ... Состояние торговли и мануфактур, образ жизни и обычные расходы жителей – все это, вместе взятое, регулирует и определяет размер спроса на наличные деньги, т. е. количество отчуждений. Чтобы осуществить эти разнообразные платежи, необходимо определенное количество денег. Это количество, в свою очередь, может увеличиваться или уменьшаться, смотря по обстоятельствам, хотя количество отчуждений остается одним и тем же... Во всяком случае, обращение какой-либо страны может поглотить только определенное количество денег» {Джемс Стюарт, цитированное произведение, т. II, стр. 377–379 и сл}.

«Рыночная цена товара определяется запутанным действием спроса и конкуренции (demand and competition), которые совершенно не зависят от находящейся в стране массы золота и серебра. Что же делается с золотом и серебром, которые не требуются в качестве монеты? Они накапливаются как сокровище или служат материалом для выработки предметов роскоши. Если же масса золота и серебра падает ниже необходимого для обращения уровня, то их заменяют символическими деньгами или другими вспомогательными средствами. Если благоприятный вексельный курс привлекает в страну избыток денег и одновременно прекращает спрос на их пересылку за границу, то они часто попадают в сундуки, где становятся столь же бесполезными, как если бы они лежали в рудниках» {цитированное произведение, стр. 379–380 и сл}.

Второй открытый Стюартом закон заключается в том, что обращение, основанное на кредите, возвращается к своему исходному пункту. Наконец, он выясняет, какое действие вызывает различие нормы процента в различных странах на международный отлив и прилив благородных металлов. Оба последних пункта мы отмечаем здесь лишь ради полноты, так как они далеки от нашей темы простого обращения {«Добавочные монеты будут запрятаны или превращены в утварь... Что касается бумажных денег, то, выполнив первую задачу удовлетворения спроса тех, кто взял их взаймы, они возвращаются должниками и реализуются ... Поэтому, в какой бы пропорции ни возрастало или ни уменьшалось количество звонкой монеты в стране, товары будут дорожать или дешеветь согласно принципам спроса и конкуренции, а последние будут всегда зависеть от склонностей лиц, владеющих собственностью или каким-либо другим эквивалентом для покупки, но никогда не от количества монет, которым они владеют... Пусть количество звонкой монеты в стране очень незначительно, но если существует реальная собственность того или иного рода и стремление владельцев ее к потреблению, то цены будут удержаны на высоком уровне при помощи меновой торговли, символических денег, взаимных платежей и тысячи других изобретений... Вели данная страна имеет сношения с другими нациями, то должна существовать известная пропорция между ценами на многие виды товаров внутри страны и за границей, и внезапное увеличение или уменьшение звонкой монеты, если мы предположим, что оно само по себе могло бы вызвать повышение или падение цен, было бы ограничено в своем действии иностранной конкуренцией» (цитированное произведение, т. I, стр. 400–401). «В каждой стране денежное обращение должно быть пропорционально производственной деятельности жителей, которые производят товары, поступающие на рынок... Поэтому, если количество монет в стране уменьшается и перестает соответствовать ценам на произведенные и предлагаемые к продаже изделия, то прибегают к изобретениям, например, символических денег, обеспечивающих эквивалент для этих изделий. Если же звонкая монета будет превышать размеры производства, то они не вызовут повышения цен и не вступят в обращение: они будут накапливаться как сокровище... Каково бы ни было у данной

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
нации количество денег сравнительно с другими странами, но в обращении сможет всегда оставаться только количество, приблизительно пропорциональное потреблению богатых жителей и труду и производственной деятельности бедных жителей», а эта пропорция не определяется «количеством фактически находящихся в стране денег» (цитированное произведение, стр. 403–408 и сл.). «Все нации будут стараться перебросить свои наличные деньги, не требующиеся для их собственного обращения, в такую страну, где процент на деньги высок по сравнению с их собственной страной» (цитированное произведение, т. II, стр. 5). «Самая богатая нация в Европе может быть самой бедной по количеству обращающейся звонкой монеты» (цитированное произведение, т. II, стр. 6). (См. полемику Артура Юнга против Стюарта). [Последняя фраза в круглых

скобках – пометка Маркса на его личном экземпляре книги]}. Символические деньги или кредитные деньги – Стюарт еще не различает эти две формы денег – могут замещать благородные металлы как покупательное и как платежное средство во внутреннем обращении, но не на мировом рынке. Поэтому бумажные деньги суть деньги данного общества (*money of the society*), в то время как золото и серебро суть деньги всего мира (*money of the world*) {Стюарт, цитированное произведение, т. II, стр. 370. Луи Блан превращает эти «*money of the society*», означающие не что иное, как внутренние, национальные деньги, в социалистические деньги, не означающие ровно ничего, и, следуя своей логике, превращает Джона Ло в социалиста (см. первый том его «Истории французской революции»)}.}

Характерная особенность народов с «историческим» развитием в смысле исторической школы права заключается в том, что они постоянно забывают свою собственную историю. Поэтому, хотя спорный вопрос об отношении между товарными ценами и количеством средств обращения беспрестанно волновал парламент в течение первой половины текущего столетия и вызвал в Англии появление тысяч памфлетов, больших и малых, – Стюарт оставался «мертвой собакой» еще в большей степени, чем Спиноза казался Моисею Мендельсону во времена Лессинга. Даже новейший историк «*currency*» {денежного обращения} Макларен превращает Адама Смита в автора стюартовой теории, а Рикардо – в автора юмовской теории {Макларен, цитированное произведение, стр. 43 и сл. Патриотизм побудил одного преждевременно умершего немецкого писателя (Густава Юлиуса) противопоставить старого Бюша, в качестве авторитета, школе Рикардо. Достопочтенный Бюш перевел гениальный английский язык Стюарта на гамбургский диалект и своими ошибочными поправками настолько исказил оригинал, насколько было возможно}. Но в то время как Рикардо улучшил теорию Юма, Адам Смит только регистрирует результаты исследований Стюарта как мертвые факты. Свое мудрое шотландское изречение: «если вы приобрели немного, то зачастую легко будет приобрести многое, но трудность состоит в том, чтобы приобрести немного», Адам Смит применил и к духовному богатству и потому с мелочной заботливостью скрыл источники, которым он обязан тем немногим, из чего он сделал поистине многое. Неоднократно предпочитает он притуплять острие вопроса там, где резкая формулировка заставила бы его свести счеты со своими предшественниками. Так он поступает с теорией денег. Он молчаливо принимает теорию Стюарта, рассказывая, что находящиеся в стране золото и серебро частью употребляются как монета, частью накапливаются как резервный фонд для купцов в странах, не имеющих банков, или как банковский резерв в странах с кредитным обращением, частью служат сокровищем для выравнивания международных платежей, частью перерабатываются в предметы роскоши. Вопрос о количестве находящихся в обращении монет он молчаливо устраняет, рассматривая деньги совершенно ложно как простой товар {Пометка Маркса на его личном экземпляре книги: «Это не точно. В некоторых местах Адам Смит, напротив, правильно формулирует закон»}. Его вульгаризатор, пошлый Ж. Б. Сэй, которого французы произвели в *prince de la science* {принца науки}, – подобно тому, как Иоганн Кристоф Готшед произвел своего Шенайха в Гомеры, а Пиетро Аретино самого себя в «*terror principum*» и «*lux mundi*» {«ужас князей» и «свет мира»}, – с великой важностью возвел эту не совсем наивную ошибку Адама Смита в догму {Поэтому различие между «*currency*» и «*money*», т. е. между средством обращения и деньгами, не отмечается в «Богатстве народов». Обманутый кажущимся беспристрастием Адама Смита, который отлично знал своего Юма и Стюарта, честный Макларен замечает: «Теория зависимости цен от размеров денежного обращения до настоящего времени не привлекала к себе такого внимания; и доктор Смит, как и Локк» (Локк колеблется в своих взглядах) «рассматривает металлические деньги только как товары» (Макларен, цитированное произведение, стр. 44)}. Впрочем острая полемика против иллюзий меркантилистской системы мешала Адаму Смицу объективно понять явления металлического обращения, между тем как его взгляды на кредитные деньги оригинальны и глубоки. Подобно тому, как в теориях палеонтологии XVIII столетия постоянно пробивается скрытое

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
течение, берущее начало из критического или апологетического отношения к библейскому преданию о всемирном потопе, так за всеми теориями денег XVIII столетия скрывается тайная борьба с монетарной системой, этим призраком, который стоял на страже у колыбели буржуазной экономики и все еще продолжал отбрасывать свою тень на законодательство.

Исследования о деньгах в XIX столетии были непосредственно вызваны не явлениями металлического обращения, а, скорее, явлениями банкнотного обращения. К первому обращались только для того, чтобы открыть законы последнего. Приостановка размена банкнот на золото Английским банком с 1797г, последовавшее затем повышение цен многих товаров, падение монетной цены золота ниже его рыночной цены, обесценение банкнот, особенно с 1809г, – все это послужило непосредственным практическим поводом для борьбы партий в парламенте и для теоретического состязания вне парламента, причем и то, и другое велось одинаково страстно. Историческим фоном для этих дебатов служили: история бумажных денег в XVIII столетии, крах банка Ло, происходящее одновременно с возрастанием количества знаков стоимости обесценение провинциальных банкнот в английских колониях Северной Америки с начала и до середины XVIII столетия; затем, позднее, – бумажные деньги, навязанные посредством закона (Continental bills) американским центральным правительством во время войны за независимость, и, наконец, проведенный в еще большем масштабе эксперимент с французскими ассигнатами. Большинство английских писателей того времени смешивает банкнотное обращение, которое определяется совершенно другими законами, с обращением знаков стоимости, или государственных бумажных денег с принудительным курсом; утверждая, что явления этого принудительного обращения бумажных денег они объясняют из законов металлического обращения, они на самом деле, наоборот, выводят законы последнего из явлений первого. Мы оставляем в стороне всех этих многочисленных писателей периода 1800–1809гг и обращаемся прямо к Рикардо как потому, что он подытоживает своих предшественников и яснее формулирует их взгляды, так и потому, что теория денег в том виде, который он ей придал, господствует в английском банковском законодательстве до настоящего времени. Рикардо, как и его предшественники, смешивает обращение банкнот, или кредитных денег, с обращением простых знаков стоимости. Для него важнейшим фактом является обесценение бумажных денег и одновременное возрастание товарных цен. Чем американские рудники были для Юма, тем станки для печатания бумажных денег на Треднидл-стрит 36 были для Рикардо; и в одном месте он сам открыто отождествляет оба эти фактора. Его первые произведения, посвященные исключительно денежному вопросу, относятся к периоду ожесточеннейшей полемики между Английским банком, на стороне которого стояли министры и военная партия, и его противниками, вокруг которых группировались парламентская оппозиция, виги и партия мира. Эти произведения явились прямыми предшественниками знаменитого доклада комитета о слитках от 1810г, в котором были приняты взгляды Рикардо {David Ricardo. «The high price of bullion a proof of the depreciation of banknotes», 4 edition. London, 1811 [Давид Рикардо. «Высокая цена слитков – доказательство обесценения банкнот», 4 издание. Лондон 1811] (первое издание появилось в 1809 г.). далее – «Reply to Mr. Bosanquet's practical observations on the report of the bullion committee». London, 1811 [«Ответ на практические замечания г-на Бозанкета по докладу комитета о слитках». Лондон, 1811]}. То странное обстоятельство, что Рикардо и его сторонники, объявляющие деньги простым знаком стоимости, называются «бульонистами» (сторонниками золотых слитков), объясняется не только названием этого комитета, но и самим содержанием учения Рикардо. В своем труде по политической экономии Рикардо повторил и далее развил те же взгляды, но нигде не исследовал денег самих по себе, как он исследовал меновую стоимость, прибыль, ренту и т. д.

Рикардо сначала определяет стоимость золота и серебра, как и стоимость всех других товаров, количеством овеществленного в них рабочего времени {Давид Рикардо. «Начала политической экономии и т. д.», стр. 77: «Стоимость благородных металлов, как и стоимость всех других товаров, зависит в конечном счете от общего количества труда, необходимого для их получения и доставки на рынок»}. В золоте и серебре, как в товарах данной стоимости, и измеряются стоимости всех других товаров {цитированное произведение, стр. 77, 180, 181}. Следовательно, количество средств обращения в какой-нибудь стране определяется стоимостью денежной единицы измерения, с одной стороны, и суммой меновых стоимостей товаров – с другой. Это количество изменяется благодаря экономии платежных средств {Рикардо, цитированное произведение, стр. 421: «Количество денег, которое может употребляться в стране, зависит от их стоимости; если бы в обращении находилось одно только золото, его требовалось бы в пятнадцать раз меньше, чем серебра,

если бы употреблялось только последнее». См. также Ricardo: «Proposals for an economical and secure currency». London, 1816, p. 8 [Рикардо. «Предложения в пользу экономного и устойчивого денежного обращения и т. д.». Лондон, 1816, стр. 8], где он говорит: «Количество обращающихся банкнот зависит от суммы, которая необходима стране для обращения, а эта сумма регулируется стоимостью денежной единицы измерения, суммой платежей и экономией в их реализации». Так как, следовательно, количество, в котором могут обращаться деньги данной стоимости, составляет определенную величину и их стоимость проявляется в процессе обращения только в их количестве, то простые знаки стоимости денег, если они выпущены в пропорции, определяемой стоимостью денег, могут в обращении замещать последние; и действительно,

«денежное обращение находится в самом совершенном состоянии, когда оно состоит исключительно из бумажных денег одинаковой стоимости с тем золотом, которое они должны представлять» {Давид Рикардо. «Начала политической экономии»), стр. 432, 433}.

Таким образом, до сих пор Рикардо определяет количество средств обращения – предполагая стоимость денег данной – ценами товаров, и деньги как знак стоимости означают для Рикардо знак определенного количества золота, а не, как для Юма, знак не имеющего стоимости представителя товаров.

Там, где Рикардо внезапно сворачивает с прямого пути своего изложения и переходит к противоположному взгляду, он тотчас же обращается к международному обращению благородных металлов и таким образом запутывает проблему привнесением в нее чуждых точек зрения. Следуя за внутренним ходом его мыслей, мы сперва отбросим в сторону все искусственные, случайные обстоятельства и поэтому перенесем золотые и серебряные рудники внутрь тех стран, где благородные металлы обращаются как деньги. Единственное положение, вытекающее из предыдущего изложения Рикардо, заключается в том, что при данной стоимости золота количество обращающихся денег определяется товарными ценами. Следовательно, масса обращающегося в стране в данный момент золота определяется просто меновой стоимостью обращающихся товаров. Предположим теперь, что сумма этих меновых стоимостей уменьшается, либо потому, что производится меньше товаров по прежним меновым стоимостям, либо потому, что вследствие увеличения производительной силы труда та же самая товарная масса включает меньшую меновую стоимость. Или предположим, наоборот, что сумма меновых стоимостей увеличивается, потому что увеличивается масса товаров при неизменяющихся издержках производства или потому, что возросла стоимость той же самой или даже меньшей товарной массы вследствие уменьшения производительной силы труда. Что же станет в обоих случаях с данным количеством обращающегося металла? Если золото есть деньги только потому, что оно находится в обороте как средство обращения, если оно вынуждено оставаться всегда в обращении, как выпущенные государством бумажные деньги с принудительным курсом (а их и имеет в виду Рикардо), то количество обращающихся денег в первом случае будет чрезмерным по отношению к меновой стоимости металла; во втором случае оно было бы ниже ее нормального уровня. Поэтому, хотя золото обладает собственной стоимостью, оно в первом случае станет знаком металла с более низкой меновой стоимостью, чем его собственная, а во втором случае – знаком металла с более высокой стоимостью. В первом случае золото как знак стоимости будет стоять ниже, во втором случае – выше своей действительной стоимости (опять-таки вывод, вытекающий из обращения бумажных денег с принудительным курсом). В первом случае было бы то же самое, как если бы товары оценивались в металле более низкой стоимости, чем золото, во втором случае – в металле более высокой стоимости. Поэтому в первом случае товарные цены поднялись бы, во втором случае упали бы. В обоих случаях движение товарных цен, их повышение или падение, было бы следствием относительного расширения или сокращения массы обращающегося золота выше или ниже уровня, соответствующего его собственной стоимости, т. е. выше или ниже нормального количества, определяемого отношением между его собственной стоимостью и стоимостью товаров, которые должны находиться в обращении.

Тот же самый процесс имел бы место, если бы сумма цен обращающихся товаров оставалась неизменной, но масса обращающегося золота упала бы ниже или поднялась выше надлежащего уровня: первое – если бы стершиеся в обращении золотые монеты возмещались соответствующей новой продукцией рудников, второе – если бы новый приток золота из рудников превысил потребности обращения. В обоих случаях предполагается, что издержки производства золота или его стоимость остаются неизменными.

Резюмируем. Обращающиеся деньги находятся на нормальном уровне, если их

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
количество, при данной меновой стоимости товаров, определяется их собственной металлической стоимостью. Они превышают этот уровень, золото опускается ниже своей собственной металлической стоимости и цены товаров возрастают, поскольку сумма меновых стоимостей товарной массы уменьшается или приток золота из рудников увеличивается. Их количество опускается ниже своего нормального уровня, золото поднимается выше своей собственной металлической стоимости и товарные цены падают, поскольку сумма меновых стоимостей товарной массы увеличивается или приток золота из рудников не возмещает массы стершегося золота. В обоих случаях обращающееся золото есть знак стоимости, знак большей или меньшей стоимости, чем та, которую оно действительно заключает в себе. Оно может стать переоцененным или недооцененным знаком самого себя. Как только все товары начнут оцениваться в этой новой стоимости денег и все товарные цены соответственно поднимутся или упадут, количество находящегося в обращении золота окажется опять в соответствии с потребностями обращения (вывод, который Рикардо подчеркивает с особым удовольствием), но в противоречии с издержками производства благородных металлов и, следовательно, с отношением их как товара к другим товарам. В соответствии с рикардовской теорией меновой стоимости вообще, повышение стоимости золота выше его меновой стоимости, т. е. стоимости, определяемой содержащимся в нем рабочим временем, вызовет увеличение производства золота до тех пор, пока его увеличенный приток не понизит его стоимости снова до нормальной величины. Наоборот, падение золота ниже его стоимости вызовет сокращение его производства до тех пор, пока его стоимость не повысится опять до своей нормальной величины. Этими противоположными движениями разрешится противоречие между металлической стоимостью золота и стоимостью его как средства обращения, восстановится нормальный уровень обращающейся массы золота и уровень товарных цен снова будет соответствовать мере стоимостей. Эти колебания в стоимости обращающегося золота распространятся в такой же мере и на золото в слитках, ибо, согласно предположению, все золото, кроме употребляемого в качестве предметов роскоши, находится в обращении. Так как само золото, будь в форме монеты или в форме слитков, может стать знаком большей или меньшей стоимости, чем его собственная металлическая стоимость, то, разумеется, и находящиеся в обращении разменные банкноты разделяют ту же участь. Хотя банкноты разменны, и, следовательно, их реальная стоимость соответствует их номинальной стоимости, совокупная масса обращающихся денег, золота и банкнот (the aggregate currency consisting of metal and of convertible notes), может быть оценена выше или ниже своей стоимости, соответственно тому, поднимается ли общее их количество, по изложенным уже причинам, выше или падает ниже того уровня, который определяется меновой стоимостью обращающихся товаров и металлической стоимостью золота. Неразменные бумажные деньги с этой точки зрения обладают лишь тем преимуществом по сравнению с разменными, что они могут обесцениваться вдвойне. Они могут упасть ниже стоимости металла, который они должны представлять, вследствие того, что выпущены в слишком большом количестве, или же они могут упасть вследствие того, что представляемый ими металл упал ниже своей собственной стоимости. Это обесценение, – не бумажных денег по отношению к золоту, а золота и бумажных денег, вместе взятых, или совокупной массы средств обращения данной страны, – представляет собой одно из главных открытий Рикардо, которое лорд Оверстон и К^о поставили себе на службу и сделали основным принципом банковского законодательства сэра Роберта Пила 1844 и 1845 годов.

Что должно было быть доказано, так это то, что цена товаров или стоимость золота зависит от количества обращающегося золота. Доказательство же состоит в предположении того, что должно быть еще доказано, а именно, что любое количество благородного металла, служащего в качестве денег, – каково бы ни было отношение этого количества металла к его внутренней стоимости, – должно сделаться средством обращения, монетой и, следовательно, знаком стоимости для обращающихся товаров, какова бы ни была общая сумма стоимости этих товаров. Другими словами, доказательство состоит в отвлечении от всех других функций, выполняемых деньгами, кроме их функции средства обращения. Прижатый к стене, как например, в полемике с Бозанкетом, Рикардо, находясь всецело под давлением факта обесценения знаков стоимости вследствие роста их количества, прибегает к догматическим утверждениям {Давид Рикардо. «Ответ на практические замечания г-на Бозанкета и т. д.», стр. 49. «То, что товары повышаются или падают в цене пропорционально увеличению или уменьшению количества денег, – я считаю бесспорным фактом»}.

Если бы Рикардо абстрактно развил эту теорию в том виде, как мы это сделали, без привнесения конкретных отношений и случайных моментов, отвлекающих от самого вопроса, то пустота этой теории обнаружилась бы весьма отчетливо. Но он придает всему изложению международный аспект. Однако легко показать, что кажущаяся

Итак, первое положение было следующее: количество обращающихся металлических денег нормально, если оно определяется суммой стоимостей обращающихся товаров, оцененной в металлической стоимости этих денег. В международном масштабе это положение гласит: при нормальном состоянии обращения каждая страна обладает массой денег, соответствующей ее богатству и ее производству. Деньги обращаются по своей действительной стоимости, или по стоимости, соответствующей их издержкам производства; это значит, что они имеют одинаковую стоимость во всех странах {Давид Рикардо. «Высокая цена слитков и т. д.», стр. 4: «Деньги будут иметь одинаковую стоимость во всех странах». В своих «Началах политической экономии» Рикардо видоизменил это положение, но не таким образом, чтобы оно имело здесь значение}. Поэтому деньги никогда не должны были бы ввозиться или вывозиться из одной страны в другую {цитированное произведение, стр. 3–4}. Таким образом, имело бы место равновесие между *currencies* (совокупными массами обращающихся денег) различных стран. Нормальный уровень национального денежного обращения (*currency*) выражен теперь в виде интернационального равновесия между *currencies*, и в сущности этим ничего не сказано кроме того, что национальность ничего не изменяет во всеобщем экономическом законе. Мы пришли теперь снова к тому же самому роковому пункту, что и раньше. Каким образом нарушается нормальный уровень, т. е. каким образом нарушается международное равновесие между *currencies*, или каким образом деньги перестают иметь одну и ту же стоимость во всех странах, или, наконец, каким образом они перестают иметь в каждой стране свою собственную стоимость? Подобно тому, как раньше нормальный уровень нарушался из-за того, что масса обращающихся денег увеличивалась или уменьшалась при неизменяющейся сумме стоимостей товаров, или из-за того, что количество обращающихся денег оставалось неизменным при увеличении или уменьшении меновых стоимостей товаров, точно так же теперь международный уровень, определяемый стоимостью самого металла, нарушается из-за того, что масса находящегося в данной стране золота возрастает вследствие открытия в ней новых рудников {Давид Рикардо. «Высокая цена слитков и т. д.», стр. 4}, или из-за того, что сумма меновых стоимостей обращающихся товаров в какой-нибудь отдельной стране возросла или уменьшилась. Подобно тому как раньше производство благородных металлов уменьшалось или увеличивалось смотря по тому, было ли необходимо сократить или расширить *currency* и соответственно понизить или повысить товарные цены, точно такое же действие оказывают теперь вывоз и ввоз из одной страны в другую. В той стране, в которой цены возрастут и стоимость золота вследствие разбухшего денежного обращения упадет ниже его металлической стоимости, золото обесценится по сравнению с другими странами, и, следовательно, цены товаров, по сравнению с другими странами, повысятся. Золото поэтому будет вывозиться, а товары ввозиться. В противном случае будет иметь место обратный результат. Как раньше производство золота продолжалось до тех пор, пока не восстанавливалось правильное стоимостное соотношение между металлом и товарами, так теперь ввоз или вывоз золота, а вместе с этим повышение или падение товарных цен будет продолжаться до тех пор, пока не восстановится снова равновесие в международных *currencies*. Как в первом случае производство золота увеличивалось или уменьшалось только потому, что золото стояло выше или ниже своей стоимости, точно так же только по этой причине будет происходить международное перемещение золота. Как в первом случае каждое изменение в производстве золота влияло на количество обращающегося металла и тем самым на цены, так теперь будут оказывать влияние международный ввоз и вывоз золота. Как только была бы восстановлена относительная стоимость золота и товаров, или нормальное количество средств обращения, в первом случае прекратилось бы дальнейшее производство золота, а во втором случае – дальнейший вывоз или ввоз золота, кроме необходимого для замены стершихся монет и потребления промышленностью, изготавливающей предметы роскоши. Отсюда следует, что «соблазн вывозить золото в качестве эквивалента за товары или неблагоприятный торговый баланс никогда не может иметь место, кроме как вследствие чрезмерного количества средств обращения» {«An unfavourable balance of trade never arises but from a redundant currency» (Ricardo, 1. c., p. 11, 12) [«Неблагоприятный торговый баланс никогда не возникает иначе как только вследствие избытка средств обращения». (Рикардо, цитированное произведение, стр. 11, 12)]}. Только обесценение или слишком высокая оценка металла в результате расширения или сокращения массы средств обращения выше или ниже их нормального уровня, вызывают ввоз или вывоз металла {«Вывоз монеты вызывается ее дешевизной и является не следствием, а причиной неблагоприятного баланса» (цитированное произведение, стр. 14)}. Далее отсюда вытекает следующее: так как в первом случае производство золота увеличивается или уменьшается, а во втором случае

золото ввозится или вывозится только потому, что его количество находится выше или ниже его нормального уровня и оно оценивается выше или ниже своей металлической стоимости, а поэтому и товарные цены слишком высоки или слишком низки, – то каждое такое движение действует как корректирующее средство {Цитированное произведение, стр. 17}, ибо путем увеличения или уменьшения обращающихся денег оно приводит цены опять к их нормальному уровню, в первом случае к уровню стоимости золота и товаров, во втором случае – к международному уровню *currencies*. Другими словами, деньги обращаются в различных странах лишь постольку, поскольку они в каждой стране обращаются в качестве монеты. Деньги представляют собой только монету, и поэтому находящееся в данной стране количество золота должно вступить в обращение, и, следовательно, оно может, в качестве знака своей собственной стоимости, подняться выше или упасть ниже этой своей стоимости. Так окольным путем этих международных перипетий мы вновь благополучно пришли к той простой догме, которая составляет исходный пункт.

Как Рикардо насильственным образом подгоняет действительные явления под свою абстрактную теорию, покажут некоторые примеры. Он утверждает, например, что во времена неурожая, весьма частых в Англии в период 1800–1820гг, золото вывозилось не потому, что имелась нужда в хлебе, – а золото есть деньги, т. е. всегда действительное покупательное и платежное средство на мировом рынке, – а потому, что золото обесценилось в своей стоимости по сравнению с другими товарами и, следовательно, *currencys* страны, в которой имеет место неурожай, обесценилось по сравнению с другими национальными *currencies*. Именно потому, что неурожай уменьшил массу обращающихся товаров, данное количество обращающихся денег превысило нормальный уровень, и вследствие этого повысились все товарные цены {Рикардо, цитированное произведение, стр. 74, 75: «Англия в результате неурожая окажется в положении страны, лишившейся части своих товаров и поэтому требующей меньшего количества средств обращения. Средства обращения, которые раньше соответствовали платежам, окажутся теперь чрезмерно обильными и относительно подешевевшими пропорционально уменьшению производства. Вывоз этой суммы, следовательно, опять приведет стоимость средств обращения в соответствие со стоимостью средств обращения других стран». Смещение денег и товара, а также денег и монеты, обнаруживается смехотворным образом в следующем положении Рикардо: «Если бы можно было предположить, что после неурожая, когда Англии необходим необычайно большой ввоз зерна, какая-нибудь другая нация обладает избытком этого товара, но не нуждается ни в каких других товарах, то, бесспорно, подобная нация не станет вывозить свое зерно в обмен на товары. Но также не будет она вывозить зерно и за деньги, так как деньги – товар, в котором все нации нуждаются не абсолютно, а лишь относительно». Цитированное произведение, стр. 75. В поэме Пушкина отец героя никак не может понять, что товар – деньги. Но что деньги – товар, это русские поняли уже давно, что доказывается не только ввозом хлеба в Англию в 1838–1842гг, но и всей историей их торговли}. В противоположность этому парадоксальному объяснению, было статистически доказано, что с 1793г и до последнего времени в случае неурожая в Англии наличное количество средств обращения оказывалось не чрезмерным, а недостаточным, и поэтому в обращении находилось и должно было находиться больше денег, чем прежде {Ср. Thomas Tooke. «History of prices» [Томас Тук. «История цен»] и James Wilson. «Capital, currency and banking» [Джемс Уилсон. «Капитал, средства обращения и банковское дело»]. (Последняя книга представляет собой перепечатку ряда статей, появившихся в 1844, 1845 и 1847гг в Лондоне, в «Economist»}.

Во время наполеоновской континентальной блокады и английского декрета о блокаде Рикардо утверждал также, что англичане вывозили на континент золото вместо товаров по той причине, что их деньги обесценились по сравнению с деньгами континентальных стран, их товары вследствие этого относительно повысились в цене, и, таким образом, более выгодной торговой спекуляцией являлся вывоз золота вместо товаров. По его мнению, Англия являлась тем рынком, где товары были дороги и деньги дешевы, тогда как на континенте товары были дешевы и деньги дороги.

«Это факт», – говорит один английский писатель, – «что цены наших фабрикатов и колониальных продуктов под влиянием континентальной системы в последние шесть лет войны были разорительно низкими. Например, цены на сахар и кофе, выраженные в золоте, были на континенте в четыре или пять раз выше, чем те же цены в Англии, выраженные в банкнотах. Это было время, когда французские химики изобрели свекловичный сахар и заменили кофе цикорием, тогда как английские фермеры в это время делали опыты откармливания быков патокой и сиропом; это было время, когда Англия овладела Гельголандом, чтобы устроить здесь складочный пункт для товаров с целью облегчения контрабандной торговли с севером Европы, и когда

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
более ходкие сорта британских фабрикатов искали себе путь в Германию через Турцию ... Почти все товары земного шара были накоплены на наших товарных складах и лежали там неподвижно, кроме небольшого количества, которое продавалось по французской лицензии, за которую гамбургские и амстердамские купцы уплачивали Наполеону от 40000 до 50000 фунтов стерлингов. Это были, должно быть, забавные купцы, если они платили такие суммы за разрешение перевезти партию товара с дорогого рынка на дешевый! Какая очевидная альтернатива стояла перед купцом? Либо купить кофе по 6 пенсов в банкнотах за фунт и отправить его туда, где он непосредственно мог быть продан по 3 или 4 шиллинга золотом, либо купить на банкноты золото по цене 5 ф. ст. за унцию и переслать его туда, где оно оценивалось в 3 фунта стерлингов 17 шиллингов 10,5 пенсов. Следовательно, нелепо говорить, что пересылка золота вместо кофе представляла собой более предпочтительную торговую операцию... Ни в одной стране в мире нельзя было в то время получить такое большое количество желанных товаров, как в Англии. Бонапарт постоянно внимательно следил за английскими преискурантами. Пока он находил, что золото в Англии дорого, а кофе дешево, он был доволен действием своей континентальной системы» {James Deacon Hume. «Letters on the corn laws». London, 1834, p. 29–31 [Джемс Дикон Юм. «Письма о хлебных законах». Лондон, 1834, стр. 29–31]}.

Как раз в то время, когда Рикардо впервые выдвинул свою теорию денег, а комитет о слитках воспользовался ею в своем парламентском докладе, в 1810г имело место разорительное падение цен на все английские товары по сравнению с 1808 и 1809гг, тогда как золото сравнительно поднялось в своей стоимости. Исключение составляли продукты сельского хозяйства, так как ввоз их извне наталкивался на препятствия, а их количество, находившееся внутри страны, уменьшилось вследствие неурожаев {Томас Тук. «История цен и т. д.». Лондон, 1848, стр. 110}. Рикардо настолько не понимал роли благородных металлов как международного платежного средства, что в своем выступлении перед комитетом палаты лордов (1819г) заявил: «Утечка золота вследствие вывоза совершенно прекратится, как только будут восстановлены платежи наличными и денежное обращение будет возвращено к своему металлическому уровню».

Он умер вовремя, как раз перед началом кризиса 1825г, который показал ошибочность его пророчества. Период, к которому относится литературная деятельность Рикардо, вообще был мало подходящим для изучения функции благородных металлов как мировых денег. До введения континентальной системы торговый баланс был почти всегда благоприятным для Англии, во время же этой системы сделки с европейским континентом были слишком незначительны, чтобы влиять на английский вексельный курс. Пересылки денег носили преимущественно политический характер, и Рикардо, по-видимому, совершенно не понимал той роли, которую в английском экспорте золота играли денежные субсидии {Ср. У. Блейк, цитированные выше «Замечания и т. д.»}.

Среди современников Рикардо, образовавших школу последователей принципов его политической экономии, наиболее значительным является Джемс Милль. Он попытался изложить теорию денег Рикардо на основе простого металлического обращения, без тех не относящихся сюда осложняющих международных моментов, за которыми Рикардо скрывал несостоятельность своих взглядов, и без всякого полемического отношения к операциям Английского банка. Главные его положения следующие {James Mill. «Elements of political economy» [Джемс Милль. «Основы политической экономии»]. В тексте дан перевод с французского перевода, осуществленного Ж. Т. Паризо, Париж, 1823}.

«Стоимость денег равна пропорции, в которой их обменивают на другие предметы, или количеству денег, которое отдают в обмен за определенное количество других вещей. Это отношение определяется совокупным количеством денег, находящихся в данной стране. Если мы предположим на одной стороне все товары данной страны, а на другой – все ее деньги, то очевидно, что при обмене обеих этих сторон стоимость денег, т. е. количество товаров, на которое они обмениваются, целиком зависит от количества самих денег. Совершенно так же обстоит дело в действительном ходе вещей. Совокупная масса товаров данной страны обменивается на совокупную массу денег не сразу, а частями, и нередко весьма малыми частями, в различное время в течение года. Та же самая монета, которая сегодня послужила для одного обмена, может завтра служить для другого. Одна часть денег употребляется для большего числа актов обмена, другая – для очень малого, а третья часть накапливается и совсем не служит для обмена. При наличии этих вариаций образуется средняя, основанная на таком числе актов обмена, для совершения которых была бы употреблена каждая монета, если бы каждая из них реализовала одинаковое число актов обмена. Установим это среднее число произвольно, например 10. Если каждая находящаяся в стране монета обслужила по

10 покупок, то это то же самое, как если бы совокупная масса монет удесятерилась и каждая из них служила бы только для одной покупки. В этом случае стоимость всех товаров равна десятикратной стоимости денег и т. д. Если бы, наоборот, вместо того, чтобы каждая монета служила в течение года для 10 покупок, совокупная масса денег удесятерилась и каждая монета совершала бы лишь один обмен, то ясно, что всякое увеличение этой массы вызвало бы соответственное уменьшение стоимости каждой монеты в отдельности. Так как предположено, что масса всех товаров, на которые деньги могут обменяться, остается неизменной, то стоимость всей массы денег после увеличения их количества не стала больше, чем она была до этого. Если предположить увеличение на одну десятую, то стоимость каждой части совокупной массы, например, одной унции, должна уменьшиться на одну десятую часть. Какова бы, следовательно, ни была степень уменьшения или увеличения совокупной массы денег, если количество других вещей остается неизменным, то стоимость общей массы денег и каждой из ее частей испытывает обратное пропорциональное уменьшение или увеличение. Ясно, что это положение представляет собой абсолютную истину. Всякий раз, когда стоимость денег испытывала повышение или падение и когда количество товаров, на которые их можно было обменивать, и быстрота обращения денег оставались неизменными, — это изменение должно было иметь своей причиной соответственное увеличение или уменьшение денег и не может быть приписано никакой другой причине. Если уменьшается масса товаров, в то время как количество денег остается неизменным, то происходит то же самое, как если бы увеличилась общая сумма денег, и наоборот. Подобные же изменения являются результатом каждого изменения в быстроте обращения денег. Каждое увеличение числа оборотов производит такое же действие, как и увеличение общего количества денег; уменьшение числа этих оборотов вызывает непосредственно обратное действие... Если какая-нибудь часть годового продукта совсем не поступает в обмен, как например, часть, которую потребляют сами производители, то эта часть не принимается в расчет. Так как она не обменивается на деньги, то по отношению к деньгам она как бы вообще не существует... Пока увеличение и уменьшение денег может происходить беспрепятственно, находящееся в стране их общее количество регулируется стоимостью благородных металлов... Но золото и серебро суть товары, стоимость которых, как и всех остальных товаров, определяется издержками их производства, количеством содержащегося в них труда» {цитированное произведение, стр. 128–136 и сл }.

Вся проницательность Милля сводится к ряду столь же произвольных, как и нелепых предположений. Он хочет доказать, что цена товаров или стоимость денег определяются «совокупным количеством денег, находящихся в данной стране». Если предполагают, что масса и меновая стоимость обращающихся товаров остаются неизменными, равно как и скорость обращения и определяемая издержками производства стоимость благородных металлов, и если вместе с тем предполагают, что все-таки количество обращающихся металлических денег увеличивается или уменьшается пропорционально массе существующих в стране денег, то действительно становится «очевидным», что здесь предполагается именно то, что следовало доказать. Впрочем, Милль впадает в ту же ошибку, что и Юм, когда он пускает в обращение потребительные стоимости, а не товары с определенной меновой стоимостью, и поэтому его положение ложно, даже если согласиться со всеми его «предположениями». Скорость обращения может остаться неизменной, равно как стоимость благородных металлов, а также количество обращающихся товаров, и, тем не менее, вместе с изменением меновой стоимости товаров для их обращения может потребоваться то большее, то меньшее количество денег. Милль видит тот факт, что одна часть существующих в стране денег обращается, тогда как другая лежит неподвижно. Но при помощи в высшей степени забавного исчисления средней он предполагает, что на самом деле обращаются все находящиеся в стране деньги, хотя в действительности, по-видимому, происходит иначе. Если предположить, что в данной стране 10 миллионов серебряных талеров оборачиваются дважды в течение года, то могли бы обращаться и 20 миллионов, если бы каждый талер совершил только одну покупку. И если общая сумма находящегося в стране серебра во всех его формах составляет 100 миллионов талеров, то можно предположить, что эти 100 миллионов могли бы обращаться, если бы каждая монета совершала одну покупку в пять лет. Можно было бы также предположить, что деньги всего мира обращаются в Хэмпстеде, но каждая часть их, вместо, скажем, трех оборотов в течение года, совершает один оборот в 3000000 лет. Одно предположение совершенно так же важно, как и другое, для определения соотношения между суммой товарных цен и количеством средств обращения. Милль чувствует, что для него решающее значение имеет сопоставление товаров непосредственно не с тем количеством денег, которое находится в обращении, а с совокупным запасом денег, существующим в стране в данный момент. Он признает, что совокупная масса товаров страны «не сразу»

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
обменивается на совокупную массу денег, но что различные части товарной массы обмениваются в различные периоды года на различные части денег. Чтобы устранить эту несообразность, он предполагает, что таковая не существует. Впрочем, все это представление о непосредственном противопоставлении товаров и денег и их непосредственном обмене выведено из движения простых покупок и продаж или из функции денег как покупательного средства. Уже в движении денег как платежного средства это одновременное появление товара и денег исчезает.

Торговые кризисы XIX столетия, особенно большие кризисы 1825 и 1836гг, не вызвали дальнейшего развития теории денег Рикардо, но вызвали новое ее применение. Теперь это были уже не единичные экономические явления, – как обесценение благородных металлов в XVI и XVII столетиях у Юма или обесценение бумажных денег в течение XVIII и в начале XIX столетий у Рикардо, – а великие бури мирового рынка, в которых разряжалось противоречие всех элементов буржуазного процесса производства; происхождение этих бурь и способы защиты от них искали в самой поверхностной и самой абстрактной сфере процесса, в сфере денежного обращения. Собственно теоретическая предпосылка, из которой исходит эта школа заклинателей экономических бурь, состоит в сущности не в чем ином, как в догме, будто Рикардо открыл законы чисто металлического обращения. Им оставалось лишь подвести под эти законы кредитное или банкнотное обращение.

Наиболее всеобщее и ощутительное явление торговых кризисов, это – внезапное всеобщее падение товарных цен, наступающее после довольно длительного всеобщего их повышения. Всеобщее падение товарных цен может быть выражено как повышение относительной стоимости денег по сравнению со всеми товарами, а всеобщее повышение цен, наоборот, – как падение относительной стоимости денег. В обоих способах выражения явление лишь названо, но не объяснено. Ставлю ли я задачу объяснить всеобщее периодическое повышение цен, сменяющееся всеобщим их падением, или же я формулирую ту же самую задачу так: объяснить периодическое падение и повышение относительной стоимости денег по сравнению с товарами, – эта различная фразеология точно так же не изменяет задачу, как не изменил бы ее перевод с немецкого языка на английский. Поэтому теория денег Рикардо пришлась необычайно кстати, ибо она придает тавтологии видимость причинного отношения. Отчего происходит периодическое всеобщее падение товарных цен? От периодического повышения относительной стоимости денег. Отчего, наоборот, происходит всеобщее периодическое повышение товарных цен? От периодического падения относительной стоимости денег. С таким же правом можно было бы сказать, что периодическое повышение и падение цен происходит от их периодического повышения и падения. В самой постановке задачи заключена предпосылка, что имманентная стоимость денег, т. е. их стоимость, определяемая издержками производства благородных металлов, остается неизменной. Если эта тавтология должна быть чем-то большим, чем тавтологией, то она покоится на непонимании элементарнейших понятий. Если меновая стоимость А, измеряемая в В, падает, то мы знаем, что это может происходить как от падения стоимости А, так и от повышения стоимости В. Точно так же и наоборот, если меновая стоимость А, измеряемая в В, повышается. Если только согласиться с превращением тавтологии в причинное отношение, то все остальное получается очень легко. Повышение товарных цен происходит от падения стоимости денег, падение же стоимости денег, как мы узнаем от Рикардо, происходит от переполнения денежного обращения, т. е. оттого что масса обращающихся денег превышает уровень, определяемый их собственной имманентной стоимостью и имманентной стоимостью товаров. Точно так же, наоборот, всеобщее падение товарных цен происходит от повышения стоимости денег выше их имманентной стоимости вследствие недостаточного количества их в обращении. Следовательно, цены периодически повышаются и падают потому, что периодически в обращении находится слишком много или слишком мало денег. Если же будет доказано, что повышение цен совпадало с сокращением денежного обращения, а падение цен – с расширением денежного обращения, то можно будет, несмотря на это, утверждать, что, вследствие некоторого, хотя статистически и совершенно недоказуемого, уменьшения или увеличения находящейся в обращении товарной массы, количество обращающихся денег, пусть не абсолютно, но относительно увеличилось или уменьшилось. Мы уже видели, что, по мнению Рикардо, эти всеобщие колебания цен должны иметь место и при чисто металлическом обращении, но они выравниваются благодаря своему чередованию, так например, недостаточное денежное обращение вызывает падение товарных цен, это падение товарных цен вызывает вывоз товаров за границу, этот вывоз влечет за собой прилив денег в страну, а последний вновь вызывает возрастание товарных цен. Обратное происходит при избыточном денежном обращении, когда ввозятся товары и вывозятся деньги. Хотя эти всеобщие колебания цен вытекают из самой природы металлического обращения, как его понимал Рикардо,

однако, их бурная и насильственная форма, форма кризисов, присуща периодам развитого кредита; поэтому становится совершенно ясно, что выпуск банкнот не регулируется точно по законам металлического обращения. Металлическое обращение обладает своим целебным средством в виде импорта и экспорта благородных металлов, которые немедленно в качестве монеты вступают в обращение и таким образом своим приливом или отливом вызывают падение или повышение товарных цен. Такое же действие на товарные цены должны теперь искусственно оказывать банки путем подражания законам металлического обращения. Если золото притекает из-за границы, то это доказывает, что в обращении недостаточно денег, что стоимость денег слишком высока, а товарные цены – слишком низки; следовательно, банкноты должны быть брошены в обращение пропорционально количеству вновь ввозимого золота. И наоборот, они должны быть изъяты из обращения пропорционально количеству золота, отливающегося из страны. Другими словами, выпуск банкнот должен регулироваться в соответствии с импортом и экспортом благородных металлов или с вексельным курсом. Ложная предпосылка Рикардо, будто золото есть только монета и поэтому все ввозимое золото увеличивает количество обращающихся денег и тем самым повышает цены, а все вывозимое золото уменьшает количество монеты и тем самым понижает цены, – эта теоретическая предпосылка становится здесь практическим экспериментом, предписывающим выпускать в обращение столько монеты, сколько в данный момент имеется в наличности золота. Лорд Оверстон (банкир Джонс Лойд), полковник Торренс, Норман, Клей, Арбатнот и множество других писателей, известных в Англии под названием школы «сurrency principle», не только проповедовали эту доктрину, но через посредство банковских актов сэра Роберта Пия от 1844 и 1845 гг. сделали ее основой существующего английского и шотландского банковского законодательства. Позорное фиаско этой доктрины, как теоретическое, так и практическое, после экспериментов в самом крупном национальном масштабе, может быть изложено только в учении о кредите {за несколько месяцев до начала всеобщего торгового кризиса 1857 г. заседала комиссия палаты общин по изучению действия банковских законов 1844 и 1845 годов. Лорд Оверстон, теоретический отец этих законов, в своей речи перед комиссией рассыпался в следующих похвалах: «Благодаря точному и решительному соблюдению принципов акта 1844 г. все совершалось регулярно и без затруднений; денежная система прочна и непоколебима, процветание страны бесспорно, вера публики в мудрость акта 1844 г. с каждым днем возрастает. Если бы комиссия пожелала дальнейших практических доказательств здравости принципов, на которых покоится этот акт, или благодетельных результатов, обеспеченных им, то правильным и достаточным ответом комиссии были бы слова: взгляните вокруг себя; посмотрите на теперешнее положение торговли в стране, посмотрите на довольство народа, на богатство и процветание всех классов общества, – и после этого пусть комиссия решает, должна ли она препятствовать дальнейшему действию акта, при котором достигнуты такие результаты». Так победно трубил Оверстон самому себе 14 июля 1857 г., а 12 ноября того же года министерство было вынуждено приостановить под свою ответственность действие чудотворного закона 1844 года}. Однако уже теперь видно, как теория Рикардо, обособляющая деньги в их текучей форме средства обращения, кончает тем, что приписывает приливу и отливу благородных металлов такое абсолютное воздействие на буржуазную экономику, которое никогда не снилось суеверной монетарной системе. Таким образом Рикардо, объявляющий бумажные деньги наиболее совершенной формой денег, стал пророком бульонистов.

После того, как теория Юма, или абстрактная противоположность монетарной системы, была таким образом развита до последних ее выводов, конкретное толкование денег, данное Стюартом, было, наконец, опять восстановлено в своих правах Томасом Туком {Сочинение Стюарта было Туку совершенно неизвестно, как это видно из его «History of prices from 1839–1847», London, 1848 [«История цен с 1839 по 1847 гг.», Лондон, 1848], в которой он излагает историю теорий денег}. Тук выводит свои принципы не из какой-нибудь теории, но из добросовестного анализа истории товарных цен за время с 1793 по 1856 год. В первом издании своей «Истории цен», появившемся в 1823 г., Тук находится еще целиком под влиянием теории Рикардо и тщетно старается согласовать факты с этой теорией. Его памфлет «О деньгах», который вышел в свет после кризиса 1825 г., может рассматриваться даже как первое последовательное изложение взглядов, которые Оверстон впоследствии применил практически. Однако дальнейшие исследования истории товарных цен заставили Тука понять, что та прямая связь между ценами и количеством средств обращения, которая предполагалась указанной теорией, – простая фантазия, что расширение и сокращение средств обращения, при неизменяющейся стоимости благородных металлов, есть всегда следствие и никогда не является причиной колебаний цен, что денежное обращение вообще есть только вторичное движение и что деньги в действительном процессе производства получают

Карл Маркс К критике политической экономии filosoff.org
еще совершенно другие определенности формы, чем форма средства обращения. Детальные исследования Тука, равно как и принадлежащие к тому же направлению исследования Уилсона и Фуллартона, относятся к другой области, а не к сфере простого металлического обращения, и потому не могут быть здесь рассмотрены {наиболее значительным сочинением Тука, кроме «Истории цен», изданной его сотрудником Ньюмарчем в шести томах, является «An inquiry into the currency principle, the connexion of currency with prices etc.», 2 edition, London, 1844 [«Исследование закона средств обращения, связи средств обращения с ценами и т. д.», 2 изд., Лондон, 1844]}. Сочинение Уилсона мы уже цитировали. Наконец, остается еще упомянуть сочинение: John Fullarton. «On the regulation of currencies», 2 edition. London, 1845 [Джон Фуллартон. «О регулировании средств обращения», 2 изд. Лондон, 1845]}. Все эти писатели понимают деньги не односторонне, а в их различных моментах, однако только вещественно, вне всякой живой связи этих моментов как между собой, так и с общей системой экономических категорий. Поэтому деньги, в отличие от средства обращения, они ошибочно смешивают с капиталом или даже с товаром, хотя, с другой стороны, они при случае вынуждены признать отличие денег от того и другого {«Необходимо проводить различие между золотом как товаром, т. е. капиталом, и деньгами как средством обращения» (Тук. «Исследование закона средств обращения и т. д.», стр. 10). «Можно считать, что золото и серебро при их поступлении почти в точности покрывают требуемую сумму... Золото и серебро обладают бесконечным преимуществом перед всеми другими товарами... благодаря тому обстоятельству, что они повсеместно употребляются как деньги... Обычно договариваются оплачивать долги, внешние и внутренние, не чаем, кофе, сахаром или индиго, а монетой; и поэтому пересылка денег либо в той самой валюте, которая указана в контракте, либо в слитках, которые могут быть быстро превращены в данную монету на монетном дворе или на рынке той местности, куда они пересылаются, представляет для отправителя всегда наиболее верный, быстрый и точный способ уплаты, не подвергающий его риску иметь неприятность, вследствие недостатка спроса или колебаний цен» (Фуллартон, цитированное произведение, стр. 132, 133). «Всякий другой предмет (кроме золота и серебра) может по своему количеству или качеству оказаться не соответствующим обычному спросу той страны, куда он пересылается» (Тук. «Исследование и т. д.»)}. Если, например, золото вывозится за границу, то в сущности за границу вывозится капитал, но то же самое имеет место, когда экспортируется железо, хлопок, хлеб, – словом, любой товар. И то, и другое есть капитал и различаются поэтому между собой не как капитал, а как деньги и товар. Роль золота как международного средства обмена вытекает, таким образом, не из его определенности формы в качестве капитала, а из его специфической функции в качестве денег. Точно так же, когда золото или вместо него банкноты функционируют как платежное средство во внутренней торговле, они одновременно представляют собой капитал. Но капитал в форме товара не мог бы стать на их место, как это весьма наглядно показывают, например, кризисы. Поэтому опять-таки отличие золота в качестве денег от товара, а не бытие его в качестве капитала, делает его платежным средством. Даже когда капитал экспортируется непосредственно как капитал, например, когда определенная сумма стоимости отдается за границу в ссуду под проценты, то от общей конъюнктуры зависит, будет ли этот капитал экспортирован в форме товара или в форме золота, и если он экспортируется в последней форме, то это происходит в силу специфической определенности формы благородных металлов как денег, в противоположность товару. Вообще указанные писатели не рассматривают деньги сначала в том абстрактном виде, как они развиваются в сфере простого товарного обращения и вырастают из отношений самих товаров, находящихся в движении. Поэтому они постоянно колеблются между абстрактными определенностями формы, которыми обладают деньги в противоположность товару, и теми определенностями формы денег, в которых скрываются более конкретные отношения – например, капитал, revenue {доход} и т. п. {Превращение денег в капитал будет нами рассмотрено в третьей главе, трактующей о капитале и составляющей конец настоящего первого отдела}

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!